ПРАВОСЛАВНЫЙ ПУТЬ

ЦЕРКОВНО – БОГОСЛОВСКО – ФИЛОСОФСКІЙ ЕЖЕГОДНИКЪ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ

«ПРАВОСЛАВНАЯ РУСЬ»

Тѵпогра́фїѧ преп. Їωва Поча́евскагω.

Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y.

1963.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПУТЬ

ЦЕРКОВНО – БОГОСЛОВСКО – ФИЛОСОФСКІЙ ЕЖЕГОДНИКЪ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ

«ПРАВОСЛАВНАЯ РУСЬ»

Тѵпографія преп. Іова Почаевскаго.
Holy Trinity Russian Orthodox Monastery
Jordanville, New York. U.S.A.
1963.

Подвигъ Русскости предъ лицомъ зрѣющей Апостасіи.

Мы ждемъ чего то... Не въ будущее, творящее нѣкую новую жизнь, обращенъ нашъ выжидательный взоръ. Эту жизнь не пріемлетъ наше сознаніе. Мы живемъ прошлымъ. Въ этомъ отличіе наше отъ окружающаго насъ міра. Кѣмъ бы мы ни были, по нашей профессіи, воспитанію, культурному уровню, происхожденію, всѣ мы, если только не погрязли, до послѣдняго уголка нашего сознанія, въ суетѣ окружающаго насъ міра, ухищренно проникающаго въ самую сердцевину нашего интимнаго быта — мы въ этомъ смыслѣ всѣ чего то ждемъ...

Кто это — мы? Разбросанныя по всему міру чада Исторической Россіи. Мы являемъ нѣкую органическую общность. И въ ней мы наглухо отчуждены отъ окружающей насъ среды. Въ этой отчужденности уже проявляется, пусть въ зачаточной формѣ, подвигъ Русскости.

Мы — не такіе, какъ всѣ. Это — не горделивое самопревознесеніе надъ остальнымъ человѣчествомъ. Это — констатированіе, часто смущенное, даже стыдливое, нѣкое неотмѣнимой реальности. Она выражаетъ себя хотя бы въ томъ, что насъ тянетъ другъ ко другу особенная, ни на что не похожая, связь. Это не только національная близость, не только общность культуры, не только даже, сама по себѣ, общность вѣры, которая вѣдь не является принадлежностью насъ однихъ, русскихъ. Это — нѣкая наша разнокачественность, по отношенію ко всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ — кто не «мы». Это — общность несомаго нами историческаго послушанія.

Мы можемъ расходиться въ нашихъ симпатіяхъ и убѣжденіяхъ, но мы солидарны въ томъ, что жить такъ, какъ всѣ вокругъ живутъ — нельзя. Чтобы жизнь могла продолжаться, она должна стать иной. Если такого радикальнаго измѣненія не произойдетъ, значитъ, жизнь кончается. Міръ идетъ къ своему концу! Что то иное должно войти въ міръ, чтобы онъ могъ жить. Это иное не можетъ родиться изъ окружающаго насъ міра, настолько оно ему чуждо. То ожиданіе, которое опредѣляетъ природу нашего сознанія, недоступно пониманію окружающаго міра. И горе намъ, если мы, пуская корни тамъ, куда вывелъ насъ Господь, всецѣло проникаемся міроощущеніемъ нашей среды. Это значитъ, — мы пере-

стаемъ быть русскими, тѣми, кто и въ изгнанiи несутъ подвигъ Русскости, составлявшiй душу Исторической Россiи.

Тутъ мы касаемся явленiя безмѣрной трагичности, но способнаго быть ощутимымъ только тѣми, кто не поддались процессу **духовнаго обезличенiя.** А онъ подкрадывается къ намъ въ самыхъ, казалось бы, естественныхъ, понятныхъ, благонамѣренныхъ формахъ. Неужели надо отвращаться отъ окружающей насъ культуры? Не естественно ли человѣку, который вынужденъ обосновываться на чужой почвѣ, освоиться съ **мѣстной** культурой, ставъ дѣятельнымъ участникомъ окружающей жизни? Неужели самый фактъ вынужденной осѣдлости въ данномъ мѣстѣ не ставитъ **повелительно** задачу здѣсь же и устроять свою жизнь?

Все это безспорно. Но не можетъ ли случиться, что, облюбовавъ себѣ мѣсто въ окружающей меня культурѣ и **обогащаясь,** такимъ образомъ, новыми прiобрѣтеньями, я тутъ же окажусь **ограбленнымъ до тла,** ибо лишеннымъ самаго драгоцѣннаго своего достоянiя — **своей исходной Русскости?** Это обычно дѣлается незамѣтно. Относительно недолгое время проходитъ, какъ наблюдается уже отчужденiе отъ родной культуры, отъ родного языка, отъ своего храма. Подкрадывается моментъ, когда переступлена нѣкая завѣтная граница: человѣкъ сталъ своему прошлому — **чужой.** Онъ — иностранецъ «русскаго происхожденiя».

Мы выше отмѣчали, что наша общность, какъ чадъ Исторической Россiи, не опредѣляется одной лишь общностью культуры и языка. Можетъ поэтому духовное обезличенiе произойти и съ сохраненiемъ русской культуры и русскаго языка. Мы нерѣдко слышимъ упреки, обращенные къ молодежи, забывающей русскiй языкъ: — какую вы прекрасную возможность своего продвиженiя упустили — вѣдь какой теперь спросъ у иностранцевъ на русскiй языкъ! Такъ утилитарно разсуждать могутъ только иностранцы русскаго происхожденiя. Наоборотъ, бываетъ такъ, что человѣкъ, денацiонализованный въ такой мѣрѣ, что съ ошибками и акцентомъ, съ младенчества погруженный въ чужую культуру, говоритъ по-русски, съ возникновенiемъ отвѣтственнаго сознанiя проникается **подлинной** русскостью и, можно сказать, живетъ «подвигомъ Русскости».

Русскость есть **духовная качественность.** И если въ этомъ смыслѣ полинялъ человѣкъ — отработанный онъ паръ въ планѣ подлинной Русскости. Можетъ это произойти не только въ длительномъ процессѣ, неосознанномъ. Это можетъ быть и волевымъ актомъ. Наше обезличенiе, какъ всякая духовная порча, можетъ быть порождено двумя полярно-противуположными модальностями смертнаго грѣха: **безпечностью и унынiемъ.** Поглощенiе средой незамѣтное порождается **безпечностью:** изъ русскаго сознанiя выпадаетъ самое понятiе «подвига», и жизнь отожествляется съ совокупностью «успѣховъ», въ разныхъ направленiяхъ достигаемыхъ. Волевое самоупраздненiе въ сво-

ей подлинной Русскости порождается унынiемъ, достигающимъ напряженности отчаянiя: человѣкъ ,отбрасываетъ свою «русскость» какъ отжившую ветошь, и начинаетъ н о в у ю жизнь. Оба эти соблазна, въ совокупности стали въ такой мѣрѣ характерными для Русской эмиграцiи, что,если она не изсякла, то только въ силу обновленiя новыми притоками. Пусть дополнительные притоки не имѣли полноты заряда, вдохновенно воинствующаго, какой былъ присущъ основному потоку, преемственность не терялась, почему Русская эмиграцiя и сохранила свою органическую принадлежность къ Исторической Россiи, продолжая быть носительницей «подвига Русскости».

*
* *

Едва ли не самымъ страшнымъ пораженiемъ, которое въ этомъ смыслѣ испытала Русская эмиграцiя, было массовое самоупраздненiе основныхъ кадровъ т. н. Бѣлаго Движенiя. Тутъ надо различать два момента. Съ одной стороны возникла, можно сказать, мгновенная демобилизацiя значительной части Бѣлой Армiи. Это не былъ сознательный отказъ отъ Р у с с к о с т и . Это былъ сознательный отказъ отъ п о д в и г а Русскости. Повоевали — можно подумать о себѣ! Это не былъ актъ унынiя, но это не былъ и продуктъ безпечности. Это было раскрытiе уже возникшей духовной порчи. Это было д е з е р т и р с т в о . И сознанiе этого, всячески заглушаемое, но съ тѣмъ большей силой себя проявлявшее, вызывало настоящее чувствъ ненависти по отношенiю къ тому ядру Бѣлой Армiи, которое продолжало воспринимать себя «дѣйствующей армiей», вынужденной лишь отступить въ глубокiй тылъ. Никто не пойметъ политическаго раскола, разъединившаго тогда Русскую эмиграцiю, кто не учтетъ этого момента. Въ этомъ дезертирствѣ во едино сливались: капитуляцiя передъ большевиками, которымъ отдавалась Россiя, и отказъ отъ Русскости во имя потенцiальной денацiонализацiи. Потенцiальные возвращенцы и потенцiальные «иностранцы русскаго происхожденiя» еще нерасчлененно воплощались въ опустошавшемъ первые ряды Русской эмиграцiи дезертирствѣ.

Печать подлинной т р а г и ч н о с т и лежитъ на другомъ моментѣ. Массовое самоупраздненiе первыхъ кадровъ эмиграцiи протекало вѣдь и въ иномъ планѣ! Попавъ заграницу, Бѣлая Армiя ощутила себя на бивуакахъ, въ готовности въ любой моментъ возвратиться къ прерваной борьбѣ. Бѣлая Армiя готова была, поскольку невозможна была борьба открытая, перейти на борьбу конспиративную, и здѣсь проявляя, и выдержку, и мужество, и самопожертвованiе. Она продолжала жить идеей подвига и готова была на дѣлѣ, когда это отъ кого требуется, итти на подвигъ. Въ формѣ, быть можетъ, самой яркой этотъ образъ нашей первичной эмиграцiи явилъ себя въ т. н. галлиполiйцахъ.

Время шло. О возстановленіи военной борьбы не могло быть и рѣчи. Конспиративная работа, охватывавшая относительное меньшинство, не обѣщала успѣховъ рѣшительныхъ. Возникала необходимость переходить съ бивуаковъ на зимнія квартиры. Вотъ когда произошло разслоеніе уже иного порядка. Тутъ ужъ можно говорить объ уныніи, какъ о причинѣ денаціонализаціи, пусть далеко не всегда именно о ней шла рѣчь и пусть почти никогда эта потенціальная денаціонализація не облекалась въ форму демонстративнаго выхода изъ рядовъ. Мѣнялась лишь установка сознанія, принимая совершенно другой характеръ. Невозможность надѣяться на продолженіе борьбы въ прежнихъ формахъ и за прежніе идеалы оборачивалась признаніемъ своего конечнаго пораженія, почему и курсъ внутренняго вниманія, и въ отношеніи себя, а, главное, въ отношеніи дѣтей, радикально измѣнялся. Съ горькимъ чувствомъ, которое безъ преувеличенія можно приравнивать отчаянію, пусть оно и не проявлялось въ какихъ либо бурныхъ формахъ, человѣкъ рѣшался, пусть это и не всегда высказывая въ категорической формѣ, на окончательное устроеніе по мѣсту своего новаго жительства. Россія оставалась для него лишь дорогимъ воспоминаніемъ, а для дѣтей могла получать только характеръ потеряннаго рая.

Такъ рѣшали одни. Другіе, безъ всякой мысли объ отказѣ отъ своей, исполненной сознанія подвига, Русскости просто переходили на зимнія квартиры. Они оставались потенціальными бойцами и подвигъ Русскости оставался неотдѣлимъ отъ ихъ сознанія. Но они не хотѣли дать себѣ отчетъ въ томъ, что нельзя консервироваться въ томъ воспріятіи прошлаго, которое живетъ въ личной памяти. Они не могли понять, что мѣнялась перспектива ведшейся ими борьбы и что надо было какъ то на ново осмыслить и свое личное, ближайщее, и вообще все въ цѣломъ русское прошлое, чтобы оказаться на высотѣ того подвига Русскости, который, въ какихъ то новыхъ формахъ, ждетъ отъ нихъ теперь Господь.

Происходило, на самомъ дѣлѣ, нѣчто противуположное. Люди съ нѣкоторымъ даже подчеркнутымъ пафосомъ стали абсолютизировать свое конкретное прошлое, въ бытовыхъ рамкахъ ихъ собственной, лично пережитой военно-общественной обыденности, тѣмъ замораживая это прошлое и дѣлая его предметомъ нѣкой заботливо хранимой антикварности. На мысль не приходило, что прошлое проявляетъ длящееся свое существо въ формахъ преходящихъ, почему и разрушеніе безостаточное конкретныхъ формъ нашего ближайшаго прошлаго ставитъ задачу «реставраціонную» въ планѣ болѣе глубокаго погруженія въ Историческую Россію. Позднѣйшимъ выходцамъ изъ СССР надо было много чему научиться у своихъ предшественниковъ, чтобы въ правильномъ свѣтѣ увидѣть обликъ Императорской Россіи къ моменту катастро-

фы. Участникамъ исходной борьбы съ большевиками надо было кое что забыть изъ сохранившейся у нихъ картины Россіи, чтобы «подвигъ Русскости», отъ нихъ нынѣ требуемый, обрѣлъ потребную духовную качественность. Если для позднѣйшихъ бѣженцахъ нерѣдко дѣло шло о какомъ то преображеніи всей установки сознанія, въ отношеніи воспріятія Императорской Россіи въ моментъ ея паденія, то, быть можетъ, еще въ большей степени это же надо сказать объ основныхъ кадрахъ эмиграціи, въ отношеніи того, что можно и надо, въ сложившихся условіяхъ, «реставрировать».

Чтобы дать себѣ отчетъ въ различіи перспективъ, которыя открываются въ современной дѣйствительности по сравненію съ тѣмъ, что рисовалось участникамъ Бѣлаго Движенія, остановимся на мгновеніе на разсмотрѣніи основного лозунга его. «Единая, Недѣлимая...» Въ ту эпоху, это было нѣчто, способное дойти до сознанія русскаго человѣка: это вѣдь было именно то,что опрокинуто было коммунистической Революціей, замѣняясь какой то доктринальной фантасмагоріей. Однако, не удавалось такъ поднимать народъ! Намъ скажутъ, что ошибкой было устраненіе момента монархическаго. Едва ли внесеніе его что либо измѣнило бы. Другой свѣтъ падетъ на обсуждаемую тему, если мы такъ спросимъ: можно ли къ Бѣлому движенію, со всѣмъ его идеализмомъ, со всѣмъ его героическимъ мужествомъ, примѣнить словосочетаніе «подвигъ Русскости»? Если подъ подвигомъ Русскости понимать то, что опредѣляло высокую качественность Русской исторической поступи, на всемъ протяженіи нашей исторіи — нельзя будетъ никакъ военно-патріотическую доблесть бойцовъ Бѣлаго Движенія, даже въ той яркости героизма, которую она принимала у зеленой молодежи, назвать «подвигомъ Русскости». Почему это такъ? Поставимъ другой вопросъ: за что отдавали жизнь бойцы Бѣлаго Движенія — за Великую Россію, или за Святую Русь? Каждый скажетъ: за Великую Россію! А за что боролась, что вынесла на своихъ плечахъ Россія Историческая? Развѣ Великую Россію? Она завершила путь Исторической Россіи, явясь какъ бы футляромъ, который таилъ въ себѣ Святую Русь. Но не потому ли и пала Великая Россія, что все больше переставала быть Святая Русь сердцевиной новой, Имперской Русскости? И если бы потребовать отъ Россіи той, въ составѣ которой слагалось и воинствовало Бѣлое Движеніе, выполненіе «подвига Русскости», въ его исторической природѣ — лучше ли бы отвѣтилъ народъ? И въ этомъ можно усумниться. Къ какому же мы заключенію приходимъ? Не къ тому ли, что задача «реставраціи» по отношенію къ Россіи, опрокинутой коммунистами, сводится прежде всего къ тому, чтобы смогъ Русскій народъ подняться на ту высоту духовной качественности, которая раждала «подвигъ Русскости», способный на всемъ протяженіи Русской исторіи выносить наше Отечество изъ самыхъ страшныхъ паденій — на все большую и большую высоту.

Вотъ мы и получили отвѣтъ на то, въ какомъ направленіи должна преображаться установка сознанія бойцовъ Бѣлаго Движенія, чтобы оказаться на уровнѣ задачъ, предъ ними ставимыхъ современностью.

Завладѣли нашимъ Отечествомъ не какіе то злодѣи-грабители и преступники, въ своей аморальности обрѣтшіе такую силу, съ которой никому не удается справиться. То, что произошло не нѣкій грандіозный соціально-политическій сдвигъ и не побѣда нѣкоего новаго могущественнаго міровоззрѣнія. Возникло нѣчто, человѣчествомъ не испытанное, что можно точно обозначить только однимъ словомъ: с а т а н о к р а т і я.

Изгладилось изъ сознанія не только Русской общественности, но и Русскаго воинства и Русскихъ служилыхъ людей, что наше Отечество не «Великая Россія», а облеченная въ національно-государственное могущество Святая Русь, на плечи которой возложено было Промысломъ Божіимъ безмѣрно-великое послушаніе: быть вѣрными подданными Государя, которому присвоено неизреченно-высокое назначеніе У д е р ж и в а ю щ а г о. Народнымъ сознаніемъ это промыслительное вознесеніе нашего Отечества на высшую высоту національно-государственнаго бытія было облечено въ образную форму присвоенія Москвѣ, какъ столицѣ Россіи, званія Т р е т ь я г о Р и м а. Императорская Россія, перенеся столицу въ С. Петербургъ, не теряла этого высокаго званія. Русскіе Государи періода Имперіи, сами не всегда отдавая себѣ въ томъ отчетъ, подъ знакомъ Великой Россіи творили дѣло Третьяго Рима. Но сознаніе правящихъ утрачивало смиренно-благоговѣйное воспріятіе Вселенской миссіи Россіи, дѣлая достиженіе заданій, вытекающихъ изъ этой миссіи, содержаніемъ в е л и к о д е р ж а в н о й политики. Самое же ученіе о Третьемъ Римѣ отнесено было въ область съ одной стороны, исторіи словесности, а съ другой — политической мечтательности, отражающей, якобы, горделивое самосознаніе Москвы.

М и с т и ч е с к о е воспріятіе нашего великодержавія стало чуждо Россіи эпохи Революціи. Чуждо оно оставалось и Бѣлому Движенію. А между тѣмъ, только усвоивъ такое пониманіе Царской Власти, можно правильно оцѣнить послѣдствія паденія Россійскаго Трона. Въ чемъ была промыслительная сущность Удерживающаго? Наличіе его означало связанность Сатаны. Паденіе Удерживающаго, исчезновеніе Богомъ благословенной власти, назначеніемъ имѣвшей служить Церкви, ее охраняя, означало начало новой эпохи — заключительной въ исторіи міра, когда Сатана не только, какъ онъ всегда къ тому былъ допускаемъ, можетъ с о б л а з н я т ь людей, но и получаетъ возможность в л а с т в о в а т ь надъ ними. Это послѣднее и произошло, сразу же послѣ ниспроверженія Удерживаю-

щаго, въ самой Россіи: въ ней сталъ непосредственно властвовать Сатана, орудіемъ своимъ имѣя содружество людей, объединенныхъ по признаку сознательнаго служенія Злу — т. н. коммунистовъ.

Безнадежна всякая борьба съ овладѣвшей Россіей Совѣтской властью, поскольку борьба не ведется въ планѣ духовно-просвѣтленномъ, то есть поскольку борющіеся не понимаютъ, что они имѣютъ передъ собою потустороннюю силу Зла, подготовляющую человѣчество къ принятію Антихриста. Борьба должна быть ведена во имя возстановленія Удерживающаго. Эта борьба можетъ быть ведена только Русскимъ народомъ, вновь окрыленнымъ исконнымъ «подвигомъ Русскости».

Отсюда возникаетъ парадоксальное положеніе. Все, что идетъ на пользу сатанинской власти, воцарившейся въ Россіи, есть смерть. Къ жизни ведетъ то, что способствуетъ паденію совѣтской сатанократіи, съ возстановленіемъ Русскаго Православнаго Царства. А между тѣмъ свободный міръ построенъ на отрицаніи Православія! Русскій Царь былъ преемникомъ Римскихъ и Византійскихъ Императоровъ, и въ этомъ своемъ качествѣ и являлся Удерживающимъ. Чтобы это признать, инославный міръ долженъ отречься отъ себя самого! И онъ увѣренно продолжаетъ работать надъ тѣмъ, чтобы крѣпче наваливалась на наше прошлое гробовая доска — не понимая, что этимъ губится весь міръ.

*
* *

Приходимъ мы къ выводу весьма существенному. Освободить Россію отъ коммунистическаго ига, а тѣмъ самымъ спасти и весь міръ отъ грозящей ему, въ условіяхъ развивающейся Апостасіи, гибели, можетъ только пониманіе промыслительнаго значенія Русскаго Православнаго Царства. Это пониманіе доступно, однако, только православному, и прежде всего русскому, духовно не обезличенному, сознанію. Тѣмъ самымъ, единственными живыми силами, способными сознательно бороться съ коммунизмомъ во имя возстановленія Исторической Россіи, могутъ быть русскіе, способные на «подвигъ Русскости». Если этого не можетъ понять свободный міръ, то это прекрасно понимаетъ совѣтская сатанократія, почему и употребляетъ огромныя усилія для искорененія, въ формѣ физическаго истребленія, всего того живого, что хотя бы малое подозрѣніе, подъ этимъ угломъ зрѣнія, вызываетъ.

Два одновременныхъ процесса въ этомъ направленіи происходятъ въ Совѣтской Россіи, причемъ оба въ масштабахъ грандіозности, представимой только въ условіяхъ господства сатанократіи. Одинъ процессъ, это — массовое обезличеніе людей. Оно достигается терроромъ, проникающимъ во всѣ поры жизни и висящимъ надъ каждымъ человѣкомъ, не давая ему ни малѣй-

шей передышки. Давящая обыденность террора достигается универсальной, проникающей въ самые интимные уголки жизни, слѣжкой, въ которой сатанократія являетъ себя въ полной мѣрѣ. Страхъ же предъ послѣдствіями слѣжки доводится до патологической силы получающими широкую окраску формами пытокъ — по истинѣ инфернальными, какъ по своей невообразимой, даже послѣ многотысячелѣтняго человѣческаго опыта Зла, жестокости, такъ и по своей злорадной утонченности, всякую человѣческую изобрѣтательность превышающей. Подготовляется же реальное осуществленіе террора въ формѣ пытокъ — предварительнымъ выматываніемъ, человѣка въ порядкѣ вызова на допросъ, арестовъ, обысковъ и т. д., что само по себѣ уже есть страшный терроръ. Этотъ процессъ обезличенія человѣка путемъ страха является нѣкимъ инфернальнымъ антиподомъ т. н. «рабьяго страха», подъ которымъ Церковь понимаетъ страхъ передъ адскими муками въ будущей жизни. Режимъ сатанократіи уже въ земной жизни творитъ ихъ надъ человѣками, во имя утраты ими самой способности являть свою свободную волю во спасеніе. Имѣется и другой процессъ, который является геенскимъ антиподомъ слѣдущей, высшей стадіи страха, которую Церковь именуетъ «страхомъ наемничьимъ». Это есть страхъ лишиться небесныхъ благъ, уготованныхъ тѣмъ, кто вѣрно послужили Богу въ земной жизни. Режимъ сатанократіи создаетъ то, что Петръ Струве удачно назвалъ «дрессурой пайкомъ». Нѣтъ ничего, чѣмъ бы человѣкъ могъ пользоваться иначе, какъ по милости сатанократіи, которая можетъ въ любой моментъ все отнять — вплоть до самаго того мѣста, которое ты занимаешь своею плотью на землѣ, и того воздуха, который ты вдыхаешь. Все дано въ мѣру усмотрѣнія сатанинской власти — въ зависимости отъ того, какъ ты угодилъ ей. Одновременно происходитъ изоляція людей отъ всякихъ внѣшнихъ впечатлѣній, не отвѣчающихъ изволенію сатанократіи: человѣкъ долженъ видѣть только то, что отвѣчаетъ заданію сатанократіи, слышать только то, что соотвѣтствуетъ этимъ заданіямъ, видѣться и общаться только въ атмосферѣ, отвѣчающей заданіямъ сатанократіи, читать, писать, дѣлать только то, что отвѣчаетъ этимъ заданіямъ.

Такъ, по заданію, превращается человѣкъ въ нѣкое человѣкообразное существо, которое можетъ быть приводимо въ то или иное, желательное органамъ сатанократіи, движеніе посредствомъ возбужденія у него тѣхъ или иныхъ инстинктовъ, согласно изволенію этихъ органовъ сатанократіи. Такъ образуется безгласное стадо, управляемое безъ всякаго участія личной воли отдѣльныхъ существъ и руководимое, кромѣ исполнительной механики, только однимъ: разжигаемой органами сатанократіи корыстью въ удовлетвореніе самыхъ разнообразныхъ, доведенныхъ до предѣльнаго напряже-

нія, потребностей. Это можетъ быть подачка, швыряемая человѣку, доведенному голодомъ до звѣрскаго состоянія, какъ это можетъ быть поощреніе самыхъ утонченныхъ способовъ удовлетворенія самыхъ гнусныхъ похотей.

Впрочемъ, эти высшія формы корысти составляютъ привилегію избранныхъ, являя нѣкій адскій антиподъ высшей формѣ страха, на языкѣ церковномъ именуемой «страхомъ сыновнимъ». Человѣкъ уже не думаетъ ни объ ужасѣ подвергнуться адскимъ мукамъ, ни о возможной утратѣ блаженства райскаго. Человѣкъ озабоченъ только тѣмъ, какъ бы не огорчить Милостиваго Бога, отъ Котораго онъ себя уже не отдѣляетъ. Въ режимѣ сатанократіи это есть самоотданіе Сатанѣ, безоговорочное, полное, всецѣлое — нѣкое второе рожденіе, когда инфернальность становится «нормальной» установкой сознанія человѣка — нѣчто до послѣдней степени непредставимое, но въ условіяхъ современной дѣйствительности — реальное.

Этотъ устрашающій процессъ обезличенія человѣческой массы въ цѣляхъ, если даже не всецѣлаго добровольнаго пріобщенія къ сатанинскому Злу, то, въ лучшемъ случаѣ, всецѣлаго пассивнаго подчиненія сатанократіи, сопровождается другимъ, который тоже «нормально» происходитъ, систематически и послѣдовательно, на путяхъ «текущей» совѣтской политики. Это есть индивидуальное, групповое или даже массовое изъятіе, на предметъ истребленія, всѣхъ тѣхъ, кого можно заподозрить въ неспособности поддаться обезличенію. Истребленіе производится обычно въ формѣ безпощаднаго использованія на тѣхъ или иныхъ изнуряющихъ работахъ, отвѣчающихъ заданію сатанократіи.

Но можетъ это изъятіе происходить и въ формахъ исключительныхъ, чрезвычайныхъ, когда оно осуществляется не, такъ сказать, превентивно, а предъ лицомъ явнаго сопротивленія. Безконечно разнообразны могутъ быть и формы и размѣры сопротивленія — отъ индивидуальнаго или группового невыполненія очередного заданія до вооруженнаго возстанія, охватывающаго широкія народныя массы. Всѣ подобныя проявленія сопротивленія, въ конечномъ счетѣ, пошли на пользу сатанократіи, давъ ей лишь возможность обнаружить строптивые элементы и ихъ уничтожить — будь то въ формѣ подавленія сопротивленія, будь то въ формѣ позднѣйшаго ихъ изъятія послѣ прекращенія сопротивленія. Если нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что въ возникновеніи возстаній всегда участвовала провокаціонная рука сатанократіи, то практически дѣло оборачивалось тѣмъ, что можно назвать объективной провокаціей. Усмирялись возстанія не только примѣненіемъ вооруженной силы, но и обѣщаніемъ уступокъ — въ чемъ и находило себѣ выраженіе объективная провокація. Тѣ, кто потомъ проявляли себя въ использованіи предоставленныхъ льготъ, будь то осуществленіе хозяйственной самостоятельности,

будь то удовлетвореніе религіозныхъ потребностей, будь то проявленіе національныхъ чувствъ — оказывались на виду, и не было ничего легче, при сохранившемся во всей своей силѣ сатанократическомъ режимѣ — ихъ всѣхъ изъять, уже въ «нормальномъ» порядкѣ «текущей» совѣтской политики. Самое отчаянное сопротивленіе, въ конечномъ счетѣ, шло сатанократіи на пользу. Строптивые обращаемы были на исхоженный, но конца не знающій путь истребительнаго использованія ихъ на изнурительныхъ работахъ, проводимыхъ по заданіямъ сатанократіи, а она сама могла спокойно продолжать свое сатанинское дѣло.

Чѣмъ можно объяснить неизмѣнный успѣхъ сатанократіи въ подавленіи сопротивленія? Тѣмъ, что эти вспышки были лишены огня духа. То была борьба не противъ сатанократіи, какъ таковой, во имя Божіе, а за полученіе того или другого блага — изъ рукъ Сатаны. Онъ и давалъ просимое, тѣмъ только глубже утверждая свое главенство. А затѣмъ продолжалъ дѣйствовать такъ, какъ иначе и не могъ дѣйствовать — сатанински! Въ составѣ оказывавшихъ сопротивленіе массъ могли быть, и несомнѣнно были, элементы, способные стать на борьбу за Христа противъ Веліара. Но никогда подобная борьба, въ цѣломъ, не ставилась подъ знаменіе Креста и никогда она открыто не покрывала себя именемъ Христа, что дѣлало бы невозможнымъ никакое соглашательство съ сатанократіей и ставило бы ребромъ вопросъ о сверженіи ея. Напротивъ того, всегда оказывался оттѣсненнымъ на задній планъ самый вопросъ о сатанинской природѣ Совѣтской власти, которая, съ своей стороны, готова была выступать, пусть и безъ особенныхъ стараній скрыть свой ликъ Звѣря, въ качествѣ національно-государственной власти, способной смотрѣть на вещи шире, чѣмъ то вытекаетъ изъ ея коммунистической природы. И какъ мы знаемъ, неизмѣнно выходила она изъ этихъ испытаній, иногда, казалось, ставящихъ подъ вопросъ ея существованіе, побѣдительницей, способной съ новыми силами продолжать свое сатанинское дѣло.

Въ чемъ же заключалось оно, это сатанинское дѣло? Далеко не въ томъ лишь, чтобы сохранить господство коммунизма надъ Россіей. Міръ весь долженъ быть охваченъ сатанократіей для приготовленія его, въ цѣломъ, къ приходу Антихриста. Дѣло не только въ Россіи и не только въ коммунизмѣ. Коммунистическая власть остается въ Россіи на своемъ мѣстѣ и отсюда по прежнему распространяетъ свои щупальцы по всему міру. Но она постепенно стушевывается, сохраняя за собою, такъ сказать, «черную работу». «На людяхъ» она готова прикрывать себя видимостями, тѣмъ привлекая всѣхъ, кто способенъ видимостями удовлетвориться — въ «сосуществованіи» съ коммунизмомъ. Новая эра начинается.

Подвергается радикальной перелицовкѣ исходный коммунизмъ, какъ онъ себя обнаружилъ въ Россіи. Кощунственное звѣрство не-

прикрытаго богоборчества убирается съ авансцены, а на нее, выдвигается — Церковь! Гости свободнаго міра не только могутъ видѣть храмы, въ ихъ посѣщаемости народомъ; они могутъ съ ихъ служителями говорить! Вопросъ о томъ, какъ же могла Христова Церковь найти общій языкъ съ сатанократіей, исчезаетъ изъ оборота. Упраздняется самая мысль о сатанинскомъ существѣ коммунизма. Онъ принимаетъ новый обликъ, который до послѣдней степени облагоображиваетъ Зло. «Сосуществовать» можно уже съ такимъ коммунизмомъ. Но пускается въ оборотъ мысль объ его дальнѣйшей эволюціи. Есть коммунизмъ и коммунизмъ! Можетъ быть и такой коммунизмъ, который уже не всецѣло преданъ атеизму. А развѣ нѣтъ хорошихъ идей въ составѣ коммунизма? Достаточно того, чтобы возникло, дѣйствительно, широкое и глубокое общеніе свободнаго міра съ коммунистическими странами, чтобъ переродился коммунизмъ, ставъ полезнымъ и даже желаннымъ соучастникомъ той новой общей жизни, которая теперь съ такими шансами на успѣхъ строится.

Такая установка сознанія облегчаетъ свободному міру борьбу съ голосомъ совѣсти — предъ фактомъ сговора съ коммунизмомъ цѣною отдачи ему всего имъ захваченнаго. Большаго достигаетъ коммунизмъ. Коммунизмъ признается свободнымъ міромъ формой правленія, равноправной со всякими другими, практикуемыми человѣчествомъ! Тѣмъ самымъ, свободный міръ какъ бы формально расписывается въ томъ, что коммунизмъ ни въ какой мѣрѣ не можетъ быть разсматриваемъ, какъ сатанократія. Разъ такъ — почему въ свободныхъ странахъ не можетъ «нормальнымъ» порядкомъ коммунизмъ придти къ власти? Получаетъ онъ и нѣчто иное, для него крайне полезное: не становится ли онъ законнымъ явленіемъ для свободныхъ отъ него странъ? Не вправѣ ли онъ притязать на ихъ территоріи на свободу своей дѣятельности? Такъ внѣдряется коммунизмъ въ свободный міръ, тогда какъ онъ допустилъ такое общеніе, исходя изъ того, что, напротивъ, онъ, свободный міръ, проявитъ свое рѣшающее вліяніе на коммунизмъ! Формально т. н. «культурный обмѣнъ» взаименъ, но разъ свободный міръ призналъ законнымъ режимъ, который Ложь считаетъ закономъ своего поведенія, то ясно, что коммунизмъ, весьма строго контролируя культурный обмѣнъ у себя, самъ будетъ усердно пользоваться имъ для своей захватной политики.

Происходитъ и нѣчто иное — еще болѣе страшное. Создаются формы коммунизма, такъ сказать «на вывозъ» — въ разныхъ варіантахъ, въ самыхъ неожиданныхъ комбинаціяхъ. Въ кругъ совѣтчины могутъ быть вводимы не только родственныя ему явленія, какъ соціализмъ, солидаризмъ, національ-соціализмъ, и т. д., но и демократизмъ, парламентаризмъ, либерализмъ и т. д. Вплоть до монархизма! Если реальностью стала лже-церковь, по чему не можетъ возникнуть

лже-монархія? Царство Лжи всеобъемлюще. Вмѣстѣ съ тѣмъ, обыденное общеніе съ Ложью накладываетъ отпечатокъ, придающій характеръ условности и относительности всему «своему». Дѣло уже не въ томъ, въ какой мѣрѣ повышаются шансы проникновенія коммунизма въ ту или иную страну — какъ власти. Дѣло въ томъ, что расшатывается подлинная качественность всего внѣ коммунизма сущаго. Коммунизмъ не притязаетъ на господствующее мѣсто въ мірѣ. Онъ переходитъ на положеніе одной изъ модальностей апостасійнаго перерожденія всего сущаго. Въ процессѣ такого перерожденія весь міръ готовится слиться воедино въ срѣтенье Антихриста...

Такъ, на протяженіи относительно очень короткаго времени, Христосъ и Веліаръ оказались во вселенскомъ планѣ — на одномъ уровнѣ, съ упраздненіемъ принципіальнымъ ихъ противупоставленія! Больше того: упраздняется самая раздѣльность ихъ бытія въ мірѣ, и это стараніями самаго свободнаго міра!

Дѣйствительно, всмотримся въ міровую жизнь — свободную. Идетъ гдѣ то борьба человѣчества, какимъ оно жило своей исторической жизнью, независимо отъ расы, культуры, вѣры, борьба этого уголка свободнаго міра съ открытой или прикрытой сатанократіей, своимъ центромъ имѣющей Красную Москву. Идетъ борьба не на жизнь, а на смерть между христіанствомъ, а то и иной какой вѣрой — и тоталитарнымъ безбожіемъ. Идетъ эта борьба съ шансами на успѣхъ, а иногда и побѣдоносно. И что же? Является Свободный Міръ и протягиваетъ свою умиротворяющую руку. Зачѣмъ проливать кровь! Сядемъ — поговоримъ, согласимся на совмѣстное существованіе... Это не т. н. «круглый столъ», за который садятся независимые участники, могущіе въ любой моментъ встать и уйти, — собравшіеся съ задачей установить условія своего раздѣльнаго бытія. Нѣтъ. Здѣсь задачей стоитъ именно упразднить раздѣльное существованіе, установивъ существованіе совмѣстное — и какъ установить? Тенденція все въ большей мѣрѣ проявляется принудительно останавливать борьбу — во имя «мира», не въ смыслѣ огражденія исторической жизни, гдѣ еще теплится огонекъ Вѣры, отъ воздѣйствія безбожнаго тоталитаризма, а въ смыслѣ устраненія самаго различія между исторической жизнью и той, которая на ново организуется безбожнымъ тоталитаризмомъ. И это властное, насильственное, вооруженной рукой уже даже нерѣдко проводимое сліяніе во едино двухъ міровъ — кѣмъ осуществляется? Вселенской организаціей, въ которой не просто участіе, а въ какой то мѣрѣ руководящее значеніе имѣетъ... сатанократія!..

Такъ называемая «борьба за миръ», совѣтской стороной проводимая недвусмысленно во имя овладѣнія вселенной, поддерживается

и свободнымъ міромъ, готовымъ стилизовать сатанократію подъ законную участницу въ дѣлѣ строенія новаго міра, — участницу, изживающую свои темныя стороны, а потому имѣющую внести нѣкій положительный вкладъ въ этотъ новый міръ, главное свойство котораго есть единеніе. Оно, это единеніе, проводится не только въ планѣ политическомъ, но и въ планѣ духовномъ, причемъ единеніе христіанства, упраздняющаго себя включеніемъ въ себя Совѣтскую церковь, явно дѣйствующую по указкѣ сатанократіи, имѣетъ открытую тенденцію распространяться и на другія «исповѣданія», въ составъ которыхъ вводится, какъ равноправный членъ мірового общенія — атеизмъ! Уже не подъ маской Совѣтской церкви начинаетъ входить коммунизмъ въ вселенское единеніе христіанства. Пусть формальное равноправіе атеизма пока еще достигается только въ жизни отдѣльныхъ государствъ, это уже расцвѣтъ новой эры, покрывающей себя обозначеніемъ, раскрывающимъ природу современной дѣйствительности: постъ-христіанство! Все изложенное было бы непредставимо, если бы человѣчество продолжало жить человѣческой жизнью. Съ развитіемъ Апостасіи, однако, создается та платформа, на которой только и можетъ дойти до своего оформленія сожительство Христа и Веліара. Эта платформа есть Вѣра въ Ложь.

*

* *

Вотъ та атмосфера, въ которой долженъ дѣйствовать свободный Русскій человѣкъ, имѣя заданіе: явить въ ней «подвигъ Русскости». Вотъ та атмосфера, въ которой ничто не можетъ ничего измѣнить къ лучшему внѣ «подвига Русскости».

Время «политики» прошло: это касается и «русскости». Мы бѣгло касались вопроса возстановленія Великой Россіи — не мечтой ли является это въ планѣ свободнаго міра, который съ Россіей отожествляетъ СССР и живетъ клеветническимъ очерненіемъ Россіи Исторической? Мечтательствомъ является и расчлененіе Россіи. Злостное то мечтательство, если имѣется заданіе образовать отдѣльныя государства, ибо этимъ путемъ упразднялась бы самая возможность возстановленія Удерживающаго, который не можетъ быть ни бѣлорусскимъ ни украинскимъ, каковыми не можетъ быть и Третій Римъ. Утопическое то мечтательство, если расчлененіе мыслится, какъ начатокъ новой федералистической Россіи, ибо новаго Третьяго Рима не благословитъ Господь, и вся мистическая природа преемственности Удерживающаго оказывается упраздненной помыслами о такой будущей импровизаціи.

Но и въ мірѣ свободномъ время импровизацій прошло. Это по той простой причинѣ, что время «идей» прошло — будь то политика, экономика, соціальная жизнь, все едино. Первая Великая Война бы-

за рубежомъ, которымъ завершилась живая жизнь человѣчества, проникнутая всяческимъ идеализмомъ. Да что говорить объ общественномъ идеализмѣ! Чувство самаго элементарнаго братства, казалось бы органически присущая человѣческимъ общеніямъ — развѣ сохранилось оно? Развѣ тѣ, кто бѣгутъ изъ за желѣзнаго Занавѣса, горятъ мыслью объ освобожденіи оставленныхъ ими подъ ярмомъ братьевъ? А свободные «братья» — развѣ живетъ въ нихъ мысль объ освобожденіи братьевъ подъяремныхъ?

Безнадежно слаба воля свободныхъ братій, направленная на освобожденіе подъяремныхъ. Но есть ли подлинная воля къ собственному высвобожденію у подъяремныхъ?

Означаетъ ли это все безнадежность положенія? Нѣтъ Это означаетъ только то, что въ иномъ планѣ должно восприниматься освобожденіе — въ какомъ, объ этомъ мы говорили уже. Борьба идетъ съ Сатаной, который, послѣ упраздненія Удерживающаго, не соблазняетъ, а уже властвуетъ въ мірѣ, и его связанность можетъ быть возстановлена только съ возстановленіемъ Удерживающаго. Только это понявъ до конца, можно понять, какъ безнадежна всякая возстановительная борьба въ современномъ мірѣ — внѣ «подвига Русскости».

Не мечтательствомъ ли является, однако, и эта надежда?

Надо разобраться. Мечтательствомъ можно назвать эту надежду въ двухъ смыслахъ. Можно счесть упованіе на «подвигъ Русскости» мечтательствомъ, сочтя это средство негоднымъ для того, чтобы можно было опрокинуть коммунизмъ. И можно счесть мечтательствомъ надежду на то, что Россія способна, въ своемъ современномъ видѣ, явить этотъ подвигъ.

Категорически надо отвергнуть первый видъ скепсиса. Онъ законенъ для тѣхъ, кто чужды, органически и духовно, Исторической Россіи. Но онъ непредставимъ для чадъ Исторической Россіи. Кто проникся подобнымъ скепсисомъ — уже не является чадомъ Исторической Россіи. Вѣдь не Господь лишилъ Русскій народъ его благодатной избранности, а Русскій народъ, оказавшись жертвой соблазна, самъ, своевольно, измѣнилъ своему промыслительному назначенію. Если Фатимская Божія Матерь открыла Западному христіанскому міру, что Русскій народъ палъ въ своемъ промыслительномъ назначеніи хранить міръ, и призывала этотъ, остающійся еще свободнымъ, міръ къ покаянію, открывая, однако, ему, что только «обращеніе» Россіи способно спасти міръ отъ гибели, то въ Россіи было явленіе Державной Божіей Матери, Которая засвидѣтельствовала, что подъ Ея покровомъ продолжаетъ оставаться Русскій народъ и что, слѣдовательно, какъ бы на вѣсу остаются судьбы міра — въ зависимости отъ чего? Опамятуется ли Русскій народъ? Способенъ ли онъ снова стать оплотомъ міровой жизни въ своей вѣрности Христу Истинному? Не Господь убралъ Удерживающаго, сочтя міръ

созрѣвшимъ для конца, фаталистически предопредѣленнаго. Господь попустилъ паденіе Удерживающаго — со всѣми отсюда вытекающими послѣдствіями, чѣмъ не упразднена возможность возстановленія Исторической Россіи, а тѣмъ самымъ и продленія жизни Міра.

Вопросъ, значитъ, стоитъ передъ всѣмъ міромъ — но обращенъ онъ непосредственно къ Русскому народу: способенъ ли онъ духовно возродиться, найдя надлежащее воплощеніе своему исконному «подвигу Русскости», не разъ изъ бездны подымавшему и на новую высоту возносившему Русскую національную государственность, въ ея служеніи Церкви?

Задумаемся надъ этимъ, вторымъ, вопросомъ.

Прежде всего, надо отбросить смягчающія обстоятельства, которыми нерѣдко какъ бы выгораживаютъ Русскій народъ при оцѣнкѣ свершившагося. Паденіе есть паденіе — чѣмъ бы оно ни было вызвано. И возстаніе изъ этого паденія не можетъ быть поставлено въ зависимость отъ какихъ либо самооправданій. Возстаніе способно произойти только на путяхъ покаянія. Вопросъ духовнаго возрожденія Русскаго народа, слѣдовательно, сводится къ чему? Способенъ ли Русскій народъ въ такой мѣрѣ покаянно оплакать свой грѣхъ передъ Богомъ, чтобы этотъ грѣхъ оказался изглаженнымъ милостивой Рукой Господа?

Грѣхъ Русскаго народа своего зенита достигъ въ отказѣ отъ вѣрноподданничества Царю. Русскій народъ не поднялся на Его защиту. Русская армія не встала на Его освобожденіе и на служеніе Ему. Можно какъ угодно дифференцировать вины отдѣльныхъ людей и круговъ общества: фактъ остается фактомъ. Попущено было Русскимъ народомъ — и убіеніе Царской Семьи...

Этотъ страшный грѣхъ повлекъ за собою невѣроятное духовное разложеніе и моральное паденіе Русскаго народа. О немъ можетъ представленіе дать одно изъ прошеній келейнаго исповѣданія грѣховъ, заключающее въ себѣ мольбу къ Богу о прощеніи Русскаго народа: «Народъ Твой заблудшій, страстьми обуреваемый, враждою и завистью снѣдаемый, соблазнамъ многимъ самохотнѣ предавшійся, Тебѣ измѣнившій и отъ вѣры Твоей святыя отвергшійся, Ты, о премилосердый Господи, прости и помилуй. Милостію Твоей посѣти, изнеможеніе духа его уврачуй, прельщеніе обмановъ разжени, належащіе соблазны ослаби. И вся ны благодатною силою Твоею защити и сохрани и сердцу нашему чуяти истину даруй».

Какъ извѣстно, Русскій народъ подвергся совершенно невѣроятнымъ страданіямъ. Можно быть увѣреннымъ, что эти страданія пошли во спасеніе очень многимъ отдѣльнымъ людямъ. Можно быть увѣреннымъ и въ томъ, что эти страданія стали въ не малой мѣрѣ мученичествомъ. Можно быть увѣреннымъ, что это новомученичество

озарило свѣтомъ невечернимъ всю картину паденія Россіи, явивъ, на фонѣ мрака, по истинѣ геенскаго, свѣтозарное, въ малой степени надъ открытое, вознoшеніе ангелами душъ Русскихъ людей въ Царствіе Небесное, съ вѣнцами нетлѣнными. Можно быть увѣреннымъ въ томъ, что обрушившаяся на Русскій народъ бѣда, не поддающаяся никакому вразумительному изображенію, отвела несчетное множество людей, готовыхъ безъ оглядки отдаться разнообразнымъ соблазнамъ удачливости, въ безпримѣрной массовости возникшимъ на закатѣ нашего Великодержавія, отъ духовной гибели, имъ угрожавшей. Все это былъ какъ бы заключительный Апоѳеозъ, въ угасающихъ лучахъ котораго погружалась въ прошлое Историческая Россія, То же, что зачиналось и расло, было Царствомъ Звѣря, которое покрываетъ лице Русской Земли до сего дня. Способна ли Россія, десятки лѣтъ пребывавшая въ лапахъ Звѣря, способны ли поколѣнія, въ ней возникщія и созрѣвшія, покаянно осмысливъ свое современное положеніе — обратиться къ Богу, къ Истинному Богу, пребывающему въ Истинной Церкви и, осознавъ промыслительное назначеніе своего отечества, воззвать къ Богу покаяннымъ гласомъ съ такой силой, которая бы уже знаменовала возрожденіе Русскости, въ ея исконномъ подвигѣ служенія Церкви?

Этотъ вопросъ можетъ показаться фантастическимъ, поскольку вниманіе обращено исключительно на доступную, въ той или иной мѣрѣ, обозрѣнію картину современной Русской жизни. Онъ становится реальнымъ, если мы учтемъ ту двойственность жизни, которая для режима сатанократіи является характерной.

Для того, чтобы не оказаться жертвой, завѣдомой, какихъ либо иллюзій, при оцѣнкѣ того, что происходитъ въ Совѣтской Россіи, надо отказаться отъ того, чтобы точно узнать, до конца понять и должнымъ образомъ оцѣнить этотъ міръ, въ его подлинной сущности. Человѣчеству недовѣдомый опытъ тамъ совершается. Осознать его абсолютную разнокачественность по отношенію ко всему, человѣчествомъ пережитому, можетъ, въ какой то мѣрѣ, только тотъ, кто оказывается участникомъ жизни, въ которой и адъ и рай являются уже реальностями земной жизни, тогда какъ нормальная человѣческая жизнь — отсутствуетъ. Для вѣрующаго человѣка жизнь тамъ получаетъ характеръ своеобразнаго «послушанія»: спасать свою душу въ условіяхъ формальной подневольности завѣдомому Злу! Творить благое можно только въ порядкѣ выпаденія изъ этой всеохватывающей подневольности, вслѣдствіе чего вся жизнь всѣхъ, за исключеніемъ тѣхъ, кто или окончательно предались Злу или, напротивъ, всецѣло исповѣднически отъ него отшатнулись, ведется въ двухъ раздѣльныхъ планахъ. Рядомъ съ жизнью «легальной», пронизанной Зломъ, творится въ самыхъ разныхъ формахъ нѣкая

куцая, растерзанная, отрывочная, но все же, «обычная жизнь», — терпимая господствующимъ Зломъ, но могущая въ любой моментъ не только быть подавленной, но и влекущей самыя тяжелыя послѣдствія. Помимо этой терпимой обыденной жизни пріобрѣтаетъ живая жизнь и характеръ потаенности, самой разной формы, и доходитъ она до такого предѣла, который внѣ господства сатанократіи непредставимъ: мужъ таится отъ жены, невѣста отъ жениха, родители отъ дѣтей. Эта потаенность входитъ въ сознаніе съ такой силой, что, чтобы отучиться отъ нея — надо школу свободной жизни пройти: привычка никому не довѣрять становится крѣпкимъ достояніемъ сознанія.

Отсюда возможность самыхъ невѣроятныхъ вещей, какъ въ смыслѣ обнаруженія отталкивающаго Зла подъ видимостью естественнаго добра (собственное ласковое дитя — шпіонъ!), такъ и въ смыслѣ возникновенія высокаго добра подъ видимостью привычнаго, профессіональнаго осуществленія Зла (спасеніе чекистомъ жертвы съ рискомъ для собственной жизни!).

Во всей совѣтской жизни, въ цѣломъ, можно оттѣнить два контрастныхъ процесса — максималистскихъ: стопроцентная совѣтизація однихъ, въ предѣльной ихъ лояльности и исполнительности въ отношеніи господствующаго Зла — т. е. всецѣлое отданіе себя Злу; и стопроцентное выключеніе себя изъ совѣтской жизни, какъ всецѣло преданной Злу. По срединѣ — масса, погруженная, съ большимъ или меньшимъ уклономъ въ одну или другую сторону, въ совѣтскій бытъ, отводящая душу въ «терпимыхъ» формахъ нормальной жизни, но находящая истинное утѣшеніе въ нѣкоемъ подпольѣ, главнымъ содержаніемъ, конечно, имѣющимъ — вѣру.

Всѣ стороны жизни легально являемыя — вплоть до науки, искусства, вѣры — находятся не только подъ контролемъ, но и подъ непосредственнымъ руководствомъ Сатанократіи: свободы нѣтъ ни въ чемъ, что носитъ характеръ легальности. Поскольку люди живутъ, проявляя свое нормальное человѣческое естество — они живутъ нелегально. Прошло время, когда коммунисты свободно, то есть по убѣжденію, осуществляли свое злое дѣло, были, такъ сказать, «идеалистами» Зла. Сейчасъ коммунистическая партія являетъ собою — если это не обманная видимость и не тупая послушливость! — сатанистовъ разнаго калибра, вдохновляющихъ сатанократическій аппаратъ принужденія, агенты котораго сами испытываютъ надъ собою, еще въ большей и худшей степени, то же принужденіе, которое осуществляютъ надъ другими. Терроръ и слѣжка среди самихъ сатанистовъ еще въ худшей степени осуществляется, образуя подлинный адъ, не знающій уже никакихъ просвѣтовъ. Чѣмъ выше стоитъ человѣкъ въ сатанократической іерархіи, тѣмъ онъ въ большей степени пронизанъ творимымъ имъ Зломъ, которое терзаетъ его хуже, чѣмъ онъ самъ терзаетъ людей — и это

въ тѣхъ же самыхъ формахъ, въ которыхъ онъ ихъ терзаетъ. Это — своеобразная логика побѣдоноснаго, торжествующаго Зла, которая, нынѣ впервые открытая человѣчеству, можетъ быть въ какой то мѣрѣ осознана только тѣми, кто отдались Сатанѣ.

Если сопоставить міръ, живущій подъ господствомъ Сатанократіи совѣтской, и міръ свободный, то можно такъ сказать: міръ свободный свободно идетъ по пути гибели, употребляя данный человѣку даръ свободы во зло — уходя отъ Бога и ставя себя на службу силамъ Зла; міръ, подневольный Сатанократіи, дѣйствіемъ всѣхъ возможныхъ способовъ принужденія и соблазна насильственно лишается возможности употреблять свою жизнь во спасеніе и буквально загоняется во власть силамъ Зла.

Гдѣ легче спасти свою душу? Отвѣтъ не можетъ вызывать сомнѣнія! Отсюда заключеніе. Свершившееся надъ нашимъ отечествомъ есть не отверженіе его Богомъ, а, напротивъ, есть проявленіе того же избранничества, которое лежало на челѣ Россіи во все ея историческое существованіе. Господь, снимая всякій покровъ обманный и прельстительный съ Сатаны, открываетъ максимально-благопріятныя возможности для спасенія. Въ этихъ условіяхъ вопросъ, который мы сейчасъ обсуждаемъ, а именно не является ли мечтательствомъ упованіе на то, что Господь откроетъ Русскому народу возможность явить снова «подвигъ Русскости», во спасеніе, и нашего Отечества въ цѣломъ, и всего міра, не является ни въ какой мѣрѣ утопическимъ. Конкретно этотъ вопросъ получаетъ такую формулировку: то страшное испытаніе, которому Господь подвергаетъ Русскій народъ, открывая его чадамъ возможность личнаго спасенія — въ формахъ намъ недовѣдомыхъ, остающихся тайной каждаго отдѣльнаго человѣческаго существа — способно ли это испытаніе породить такое общенародное духовное состояніе, при которомъ Русскій народъ, въ избранный Господомъ моментъ, окажется въ силахъ, въ отвѣтъ на призывъ избранныхъ Господомъ людей, — едиными усты и единымъ сердцемъ, явить всенародный покаянный молитвенный вопль о прощеніи общаго окаянства, приведшаго къ катастрофѣ — и тѣмъ начать путь восхожденія, образомъ, Господомъ предуказаннымъ?

*
* *

Что происходитъ въ Россіи? Идетъ ли отборъ «послѣднихъ христіанъ», способныхъ оказаться вѣрными истинному Богу даже въ преддверіи Страшнаго Суда, нынѣ съ все ускоряющейся быстротой приближающагося? Или предъ нами опамятованіе массовое Русскаго народа, способное послужить Богу основаніемъ для продленія жизни Россіи въ ея исконномъ обликѣ національно-государственнаго служенія Церкви и тѣмъ самымъ и для продленія жизни всего міра,

съ тѣмъ, чтобы отодвинуто было Второе Пришествіе Господа нашего Іисуса Христа, въ образѣ Судіи-Мздовоздаятеля? Одинъ Господь можетъ дать отвѣтъ на этотъ вопросъ. Но есть вещи, которыя открываютъ намъ возможность возрожденіе Россіи не считать невѣроятнымъ. Что, подъ этимъ угломъ зрѣнія, существенно? Отмѣтимъ основные факты.

Коммунизмъ въ Россіи идейно выдохся.

Совѣтская власть опасается духовнаго возрожденія массъ.

Совѣтская власть констатируетъ достаточно часто безсиліе своей борьбы съ вѣрой.

Совѣтская власть убѣдилась въ опасности для нея самой даже и т. н. Совѣтской церкви, что выразилось въ безпримѣрномъ гоненіи на нее, вотъ уже нѣсколько лѣтъ все съ большей силой осуществляемомъ.

На послѣднемъ обстоятельствѣ надо остановиться.

Совѣтская церковь имѣетъ два лика. Однимъ она обращена къ внѣшнему міру. Тутъ она является не только попутчикомъ и орудіемъ Совѣтской власти, но и сознательнымъ выполнителемъ ея заданій — предѣльно злостныхъ, о которыхъ мы выше говорили. Что касается Совѣтской церкви въ ея внутреннемъ бытіи, примѣнительно къ каждому отдѣльному человѣку, то она принадлежитъ, по самому своему существу, въ предѣльной мѣрѣ, къ тому недовѣдомому намъ опыту, никогда еще человѣчествомъ не испытанному, который не поддается, ни точному знанію, ни окончательной оцѣнкѣ. Поскольку Совѣтская церковь отвѣчаетъ своему заданію, то есть отдается въ подчиненіе сатанократіи, тѣмъ покупая свое «легальное» существованіе, она являетъ собою нѣчто предѣльно страшное. Это — подмѣна Церкви, т. е. нѣчто существенно-антихристово. Но въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ примѣнительно къ каждому отдѣльному служителю Церкви вопросъ осложняется — и это не только примѣнительно къ дѣлу спасенія души даннаго служителя Церкви, но и примѣнительно къ тому, что получаетъ вѣрующій, приходящій къ нему въ храмъ Божій. То тайна Божія вѣдѣнія. Что же касается того, что сейчасъ происходитъ въ отношеніи церковно-служителей и дѣятелей Совѣтской церкви, то это можно, во многихъ, вѣроятно, случаяхъ, уподобить «крещенію кровью», которое ставилось въ первохристіанствѣ рядомъ съ таинствомъ крещенія обычнымъ: мученики за Христа, проливая, будучи язычниками, свою кровь за Христа, дѣлали ее крещальной водой, вводящей ихъ въ Царствіе Небесное.

Тутъ мы соприкасаемся съ проблемой мученичества, которое, чтобы быть спасительнымъ, вѣнчающимъ, должно быть «законнымъ». Не всякое страданіе есть страданіе духовно очистительное! Ап. Петръ (2 посл. гл. 4, 12-19) поучаетъ: «Возлюбленные, огненнаго искушенія, для испытанія вамъ посылаемаго, не чуждайтесь,

какъ приключенія, для васъ страннаго, но какъ вы участвуете въ Христовыхъ страданіяхъ, радуйтесь, да и въ явленіе славы Его возрадуетесь и восторжествуете. Если злословятъ васъ за имя Христова, то вы блаженны, ибо духъ славы, Духъ Божій почиваетъ на васъ: тѣми Онъ хулится, а вами прославляется. Только бы не пострадалъ кто изъ васъ, какъ убійца, или воръ, или злодѣй, или какъ посягающій на чужое, а если какъ христіанинъ, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь... Итакъ страждущіе по волѣ Божіей да предадутъ Ему, какъ вѣрному Создателю, души свои, дѣлая добро». Апостолъ Павелъ (2 Посл. Тим. 2, 5) писалъ: «Аще же пострадетъ кто, не вѣнчается, если не законно мученъ будетъ».

Два разбойника около Креста Господня символизируютъ двоякую направленность страданій — могутъ идти страданія во спасеніе, но могутъ идти и въ гибель. Выразительна символическая значительность подножной дощечки Креста, въ ея направленности — внизъ, въ адъ, съ одной стороны, и вверхъ, въ рай, съ другой стороны. Тайна смерти нерѣдко открывается Господомъ, какъ въ ея свѣтовидности, такъ и въ ея геенской, иногда, тьмѣ. Но эта тайна обычно остается тайной при жизни, ибо нѣтъ фаталистическаго предопредѣленія на путяхъ спасенія человѣка. Срывъ возможенъ съ самыхъ предѣльныхъ высотъ и никто не ощущалъ силу своей боримой и съ помощью Божіей преодолѣваемой грѣховности, какъ святые. Такъ и подъемъ возможенъ изъ самыхъ предѣльныхъ глубинъ. И одна только устрашающая «предопредѣленность» Господомъ намъ возвѣщена: при подпаденіи подъ «грѣхъ противъ Святаго Духа», подъ которымъ нельзя не понимать такую отданность Сатанѣ, когда, въ духовномъ смыслѣ, уже при жизни человѣка совершается т. н. смерть вторая, означающая погруженіе въ тьму сатанинскую, въ которой нѣтъ самой возможности покаянія. Сатана и аггелы его не способны на покаяніе. Такъ себя отдали Злу и тѣ, которыхъ Господь обозначилъ, какъ совершившихъ «грѣхъ противъ Духа Святаго».

Нельзя не сказать, что совѣтская сатанократія являетъ максимально благопріятныя условія для достиженія стихіей Зла такой высоты напряженія. Въ составѣ этой сатанократіи видное мѣсто, подъ этимъ угломъ зрѣнія, не можетъ не занимать т. н. Совѣтская церковь, поскольку она становится сознательнымъ, намѣреннымъ, демонстративнымъ, обнаруженіемъ, подъ видомъ Ангела Свѣтла, сатанинской тьмы.

Наглядно господство Зла въ современной Россіи. Но это не безнадежность. Потаенныя силы Добра могутъ опрокинуть сатанократію въ одно мгновеніе! «Спасительная катастрофа» — вотъ чего мы ждемъ!

Если съ одной стороны, какъ въ образѣ разныхъ формъ подлинной катакомбной Церкви, такъ и въ образѣ крещаемыхъ кровью участниковъ Совѣтской церкви, формируется нѣкая духовная рать, то съ другой стороны есть основаніе считать совѣтскія массы не безнадежными для отклика сочувственнаго, а, можетъ быть, и восторжен-

наго, на обнаруженіе этой «спасительной катастрофы» — и это въ составѣ не только нейтральныхъ элементовъ, но и формально-коммунистическихъ. Есть основаніе думать, что нѣдра подсовѣтской психики таятъ въ себѣ въ этомъ отношеніи взрывчатый матеріялъ, сила, количество и качество котораго, конечно, не поддается измѣренію.

Трудно сказать, въ порядкѣ ли нѣкой превентивной борьбы съ этой «спасительной катастрофой», или независимо отъ мысли о ней, но Совѣтская власть въ настоящее время, пусть и не съ такимъ большимъ успѣхомъ, но все же устрояетъ нѣкій новый «климатъ» въ странѣ, допускающій «буржуазное», въ современномъ его обликѣ, времяпрепровожденіе. Трудно сказать, касается это главнымъ образомъ центровъ, или получаетъ распространеніе болѣе широкое, но несомнѣнно заражается совѣтская масса той заполненностью жизни суррогатами дѣйствительныхъ цѣнностей, которая въ свободномъ мірѣ съѣдаетъ духовное существо человѣка. До послѣдняго времени совѣтскій человѣкъ въ этомъ смыслѣ пребывалъ въ условіяхъ благопріятныхъ: желѣзный занавѣсъ закрывалъ отъ него «свободный» міръ, свою свободу употребляющій на духовное самоѣдство. Совѣтскій человѣкъ продолжалъ имѣть, пусть потаенное, но тѣмъ болѣе духовно насыщенное, «нутро», которымъ въ сущности жилъ. Можно себѣ представить какой голодъ въ этомъ отношеніи долженъ былъ возникать и крѣпнуть и какая разрядка способна была бы произойти, дай ей возможность возникнуть «спасительная катастрофа». Картина освобожденныхъ областей отъ совѣтской сатанократіи и быстрое, мгновенное, просто чудесное, преображеніе ихъ населенія въ «церковный народъ» можетъ служить примѣромъ того, что можно было ожидать на всемъ пространствѣ Россіи въ случаѣ паденія коммунизма.

Повторяемъ: трудно судить о мѣрѣ духовнаго разоренія Русскаго народа, приносимаго общеніемъ со свободнымъ міромъ, но несомнѣнно, что разбазариваніе духовныхъ сокровищъ происходитъ и въ какой то мѣрѣ становится нѣкимъ новымъ «климатомъ» совѣтчины. Къ счастью, совѣтскій режимъ неспособенъ, по самой своей природѣ, къ успѣшнымъ положительнымъ реформамъ, почему жизнь, если въ какой то мѣрѣ и улучшается, то съ такими срывами, которые способны къ худшему приводить и ужъ во всякомъ случаѣ чувство довольства не могутъ вызывать.

Повторяемъ: у насъ нѣтъ данныхъ для оцѣнки духовнаго обновленія Русскаго народа. Есть ли это отборъ «послѣднихъ христіанъ», въ преддверіи Страшнаго Суда, или это — массовое явленіе, которое можетъ открыть дѣйствію Божія милосердія возможность явить себя — въ формахъ, одному Богу извѣстныхъ?

Одно можно только сказать съ увѣренностью: нельзя себѣ представить высвобожденіе отъ ярма сатанократіи — въ формѣ «эволюціи». Возможна только «спасительная катастрофа». «Губительная» катастрофа опрокинула Императорскую Россію. «Спасительная» ка-

тастрофа опрокинетъ Совѣтскій режимъ, если опамятовался Русскій народъ. Силой вещей, аппаратъ совѣтскаго гнета и террора окажется въ параличѣ — предъ лицомъ стихійнаго покаянно-благодарнаго и молитвенно-вдохновеннаго «обращенія» Россіи. Праздное, конечно, занятіе — пытаться сейчасъ въ какія то конкретныя формы вкладывать содержаніе этого міроваго событія. Ясно одно: церковный характеръ будетъ оно носить. Второе крещеніе то будетъ, какъ новымъ крещеніемъ Церковь и называетъ таинство покаянія. Такъ только «подвигъ Русскости» можетъ возсіять на россійскихъ просторахъ, возвращая возраждаемой Россійской государственности ея прежнее значеніе — въ формахъ, намъ недовѣдомыхъ.

Трудно думать, чтобы могло затянуться сосредоточеніе назрѣвшаго обновленія, — если, вообще, оно достигло должнаго напряженія, — на сколько нибудь длительное время. Развитіе событій ускоряется, — само время какъ бы готовится къ своему упраздненію, ожидающему его въ новыхъ зрѣющихъ формахъ бытія. Надо быть готовыми ко всему.

*
* *

Обернемся же на себя. Примѣнительно къ внутреннимъ процессамъ нашего отечества — какова должна быть наша установка сознанія? Поскольку открывается возможность общенія, конечно, потаеннаго, съ внутренними элементами Россіи — эта возможность должна быть всецѣло использована. Микроскопичны наши возможности. Сознаніе этого, однако, не должно умалять нашего рвенія въ использованіи ихъ: великія событія нерѣдко, въ очень вѣсомой степени, бываютъ побуждаемы, а иногда и оказываются порождаемыми объективно-ничтожными воздѣйствіями. Одно, превыше всего, является нашимъ долгомъ, это — охраненіе себя въ своей качественности единственнаго открыто являемаго «подвига Русскости». Только такъ можемъ мы оказаться годнымъ матеріаломъ въ Рукахъ Божіихъ и, въ потребный моментъ, стать точкой приложенія какихъ то, намъ сейчасъ недовѣдомыхъ, явленій, такъ или иначе связанныхъ съ возникновеніемъ чаемой спасительной катастрофы.

Подъ этимъ угломъ зрѣнія два губительныхъ процесса насъ способны поѣдать и — да не будетъ! — привести насъ къ небытію, даже въ условіяхъ сохраненія нашей видимости. Одинъ, это — вовлеченіе въ стихію Апостасіи, которая нынѣ отъ коммунистической однозначности явно переходитъ въ стадію вселенской многозначности. Насъ не должно пугать наше все яснѣе обозначающееся одиночество въ составѣ свободнаго міра. Мы должны въ этомъ видѣть знаменіе ускоренія событій эсхатологическихъ, въ силу чего наше обособленіе не только естественно и необходимо, но и — спаси-

тельно. Трудно сказать, въ какихъ формахъ возникнетъ наше окончательное выключеніе, уже полное, изъ міровой жизни. Но оно не можетъ не возникнуть. Пока этого нѣтъ, на насъ лежитъ повышенная отвѣтственность въ смыслѣ показательной активности. Двоякій характеръ пріобрѣтаетъ эта активность. Независимо отъ важности нашего голоса, поскольку свобода слова отъ насъ еще не отнята, какъ единственнаго свободнаго голоса, исходящаго отъ того, что осталось отъ Исторической Россіи, есть совершенно конкретная заданность, вытекающая изъ того, что мы, въ свободномъ мірѣ, являемся голосомъ Православной Церкви, преемственно восходящей къ Русской Помѣстной Церкви и сохранившей церковную непорочность. Въ условіяхъ, когда даже свободная Православная Церковь пошла, въ лицѣ своихъ оффиціальныхъ возглавителей, по пути апостасійному, мы становимся единственнымъ источникомъ освѣдомленія «внѣшнихъ» объ истинности Церкви. Отсюда вытекаетъ огромная миссіонерская задача: быть маякомъ и пристанищемъ для тѣхъ, изъ всего инославнаго міра, кто на путяхъ Апостасіи въ такой мѣрѣ ощутили бы себя «послѣдними христіанами», что для нихъ голосъ нашей Церкви могъ бы стать въ великую духовную пользу. Ходячее увлеченіе инославныхъ православіемъ, экуменически опрощенное, носитъ характеръ такой, что насъ оно сознательно обходитъ, ведя къ тому, что можно назвать православнымъ сектантствомъ. Отъ этой среды могутъ, конечно, отдѣльныя единицы отрываться во имя Христа Истиннаго, но, въ общемъ, это движеніе, достаточно мощное и имѣющее шансы дальнѣйшаго развитія, способно испытать спасительное преображеніе только въ условіяхъ того новаго положенія міра, которое возникнетъ, если свершится въ нашемъ отечествѣ «спасительная катастрофа». Но при всѣхъ условіяхъ, и личное общеніе съ нами, и возможность пользоваться, такъ или иначе, сокровищемъ обладаемой нами Истины, есть нѣкій рессурсъ, какъ бы Самимъ Богомъ для всѣхъ, въ нашемъ лицѣ, въ свободномъ мірѣ образованный. Въ нарочитой степени нашъ голосъ можетъ быть полезенъ для православныхъ, ведомыхъ своими вождями по путямъ Апостасіи, но въ своей средѣ несомнѣнно имѣющихъ людей «вѣрныхъ».

Вообще, въ свободномъ мірѣ, какъ и въ Совѣтской Россіи, утверждается нѣкая двухъярусность общественныхъ и, въ частности и въ особенности, церковно-общественныхъ организацій. Далеко не всѣ сочувствуютъ общему курсу, но, за рѣдчайшими исключеніями, не подаютъ въ этомъ смыслѣ своего голоса. Въ этой средѣ могутъ созрѣвать здравыя рѣшенія анти-апостасійныя. Въ этихъ условіяхъ намъ нельзя не откликаться на крупнѣйшія событія апостасійнаго поступательнаго движенія. Нельзя знать, гдѣ и когда это сѣмя дастъ плодъ, но бросить сѣмя — святая наша обязанность. Такія, отвѣтственныя и принимающія характеръ нѣкой систематичности, высту-

пленія помогутъ и намъ держаться своей «вѣрности», поскольку по каждому поводу, достаточно важному,снова и снова, мы будемъ свидѣтельствовать Истину, нами исповѣдуемую. Это иммунитетъ нашъ будетъ поддерживать въ отношеніи втягиванія насъ самихъ въ стихію Апостасіи. Опасность то — повторяемъ — реальная и очень серьезная. Ею никакъ нельзя пренебрегать. Нельзя оставить никого изъ нашей среды безъ особаго попеченія, а такія принциціальныя выступленія несомнѣнно будутъ укрѣплять общую солидарность нашу въ нашемъ стояніи въ Истинѣ. Активность нашей Церкви и с п о в ѣ д н и ч е с к а я , свое участіе въ жизни вселенской церковности обнаруживающая въ формѣ какъ бы подставленія зеркала, въ которомъ отражалась бы данная апостасійная ложь, способна укрѣплять духъ нашей Церкви, въ ея цѣломъ.

Вторая опасность, это — внутренее охлажденіе и, въ связи съ этимъ, отвлеченіе отъ исповѣдничества мѣстными, никакого принципіальнаго значенія не имѣющими, контроверзами. Тутъ врагу огромное открывается поле дѣйствій, и онъ искусно возбуждаетъ страсти во всѣхъ слояхъ церковной жизни, создавая атмосферу взаимнаго озлобленія, взаимнаго недовѣрія, взаимнаго отчужденія. Нельзя не сказать, что, если эти проявленія церковно-общественнаго разложенія понижаютъ духовную качественность личнаго состава нашей Церкви, то, съ другой стороны, и небреженіе къ духовной качествености создаетъ особо благопріятныя условія для церковно-общественнаго разложенія. Уклоненія отъ вѣрности, подъ вліяніемъ всяческихъ проявленій апостасійности, въ сочетаніи съ лично-общественными отталкиваніями, могутъ оказаться по-истинѣ губительными, въ какой то моментъ приводя къ распаду Церкви, какъ къ уже неотмѣнимому факту. Предотвращеніе такихъ печальныхъ явленій возможно только на путяхъ повсемѣстнаго возгрѣванія церковно-общественнаго вниманія къ грознымъ событіямъ современности, подъ знакомъ Апостасіи, съ неопустительнымъ доведеніемъ до сознанія всего церковнаго народа всѣхъ послѣдовательно возникающихъ этаповъ того расхожденія между подлинной церковной истинностью и ея лживымъ преломленіемъ въ апостасійной дѣйствительности, которые съ такой потрясающей быстротой нынѣ смѣняютъ другъ друга. Годъ тому назадъ можно было говорить, какъ о мѣрѣ практически-живой, о созданіи кружковъ «духовнаго обновленія», имѣющихъ задачей чисто-внутреннее возгрѣваніе нашей церковности. Сейчасъ на первый планъ выходитъ другая задача, не отмѣняющая первой, но ее оттѣсняющая съ перваго плана. Это — задача своевременнаго осознанія дѣйствительности, въ міровомъ масштабѣ, подъ угломъ зрѣнія самоохраны отъ соблазна и во имя вящаго самоутвержденія въ истинности. А чтобы эта дѣятельность была доходчива до церковнаго народа, необходимо, чтобы поводомъ для подобныхъ бесѣдъ были публич-

ныя выступленія нашей собственной Церкви, возникающія въ отвѣтъ на очередные моменты Апостасіи.

Впрочемъ, не надо дѣлать себѣ иллюзій. Самосохраненіе, въ условіяхъ расцвѣтающей Апостасіи, вещь исключительно трудная. Не можетъ не происходить и въ нашей средѣ извѣстнаго отсѣва, сводящаго все къ большему минимуму «послѣднихъ христіанъ», въ нашемъ лицѣ формирующихся. И если быть трезвыми оцѣнщиками дѣйствительности, то надо становиться, такъ сказать, максималистами въ смыслѣ того, что теперь иронически называется пессимизмомъ. Не нужно исключать перспективы продленія Исторіи, съ возстановленіемъ, обновленнымъ, нашего Святаго Прошлаго. Но нужно исходить изъ перспективы близящагося конца міра. Если мы съ увѣренностью будемъ исходить изъ возстановленія Россіи, мы непремѣнно осознаемъ процессъ такого возстановленія мечтательно-субъективно — поработимъ себя нашей мечтѣ, тѣмъ вычеркивая себя изъ состава «послѣднихъ христіанъ» — то есть того единственнаго матеріала, изъ котораго Господь можетъ снова начать строить историческое будущее.

Чѣмъ обусловлена объективная неизбѣжность конца міра? Тѣмъ, что человѣчество перестаетъ думать о спасеніи души. Эта основоположная забота должна возвратиться — въ частности и прежде всего у насъ. «Спасаяй да спасетъ свою душу — единственная программа реалистически-возстановительная для нашего времени. Это и есть «подвигъ Русскости» въ условіяхъ Апостасіи. Оставайся Русскимъ и ни о чемъ не думай, какъ только о спасеніи своей души — вотъ въ чемъ выражается «подвигъ Русскости», въ наше время. Такое самосознаніе подскажетъ каждому вѣрное рѣшеніе въ каждомъ моментѣ его жизни и научитъ быть и отцомъ и мужемъ и гражданиномъ — вѣрными въ своей духовно-просвѣтленной Русскости.

Достаточно такъ формулировать содержаніе «подвига Русскости», чтобы уяснить всю трудность нашего самосохраненія въ сколько нибудь большихъ масштабахъ — особенно если пребывать въ тѣсной зависимости отъ окружающей среды. Говоримъ именно о зависимости — не объ общеніи. Послѣднее допустимо, возможно, даже, въ какой то мѣрѣ, необходимо. Но трудность общенія, не разорительнаго для насъ, въ нашемъ качествѣ «послѣднихъ христіанъ», заключается въ томъ, что надо сумѣть оставаться самими собою, не навязывая себя другимъ, но и не скрывая своего лица. Здѣсь должна вырабатываться такая же двухъ-ярусность внутренняго міра, какая существуетъ за Желѣзнымъ Занавѣсомъ, да и во всей свободной части міра, поскольку и въ ней происходитъ апостасійное перерожденіе душъ. Разница, однако, существенная есть между нашей двухъ-ярусностью и нашихъ сочеловѣковъ. Разница эта двояка.

Во-первыхъ, мы предѣльно освѣдомлены о томъ, что происходитъ въ мірѣ. Мы знаемъ все, что доступно знанію человѣка. Намъ открыто Откровеніе Божіе, насколько оно вообще открыто человѣку. Мы знаемъ, что′ міръ имѣлъ и что′ онъ потерялъ. Мы знаемъ, что міръ идетъ къ своему концу. Мы знаемъ, въ чемъ спасеніе міра. Знаемъ мы то, что кромѣ насъ, въ полной мѣрѣ, никто знать не можетъ. Въ этомъ наша помазанность, возлагающія на насъ «подвигъ Русскости». Ничего этого не знаютъ и не могутъ узнать, поскольку въ нихъ не произойдетъ нѣкоего внутренняго преображенія, участники свободнаго міра, кромѣ тѣхъ православныхъ, которые, преодолѣвъ свой націонализмъ, смогли бы до конца понять промыслительную миссію Исторической Россіи. Этого не могутъ понимать и подсовѣтскіе люди, кромѣ тѣхъ, кто уже сейчасъ дозрѣли не только до того, чтобы быть годнымъ матеріаломъ въ случаѣ «спасительной катастрофы», но и до того, чтобы быть потенціальными устроителями этой «спасительной катастрофы».

Вторая разница — исключительно важная, опредѣляющая самую природу нашего бытія! — заключается въ томъ, что намъ нечего бояться. Не говоримъ уже о томъ состояніи запуганности патологической, въ которой живетъ Русскій человѣкъ подсовѣтскій. Нѣкая подавленность психики характеризуетъ и ту здоровую среду свободнаго міра, которая, въ душѣ не раздѣляя общаго энтузіазма апостасійности, вмѣстѣ съ тѣмъ, не «расчеловѣчена» злыми флюидами, Апостасіей раждаемыми. Эта среда должна пройти большую школу, чтобъ, осознавъ свою чуждость окружающей ее средѣ, сумѣть членораздѣльно явить эту чуждость, открывая свое, какое то уже иное, чѣмъ все окружающее, лицо. Это можетъ быть крѣпкое стояніе въ до-апостасійномъ прошломъ. Это можетъ быть и нѣкое самоутвержденіе въ понимаемой по новому Истинѣ, открываемой въ поискахъ Ея, вызванныхъ отталкиваніемъ отъ Апостасіи. Нужны особенное мужество, особенная сила духа, чтобы открыто себя являть, идя противъ теченія, становящагося все болѣе мощномъ — не имѣя за собою прочнаго «тыла». Вотъ почему эти потенціальные «послѣдніе христіане» ведутъ потаенную жизнь — раскрывая, вѣроятно, себя въ очень тѣсномъ кругу единомышленниковъ.

Мы находимся въ совершенно иныхъ условіяхъ. Для насъ не существуетъ той запуганности, которая господствуетъ подъ большевиками. Для насъ не существуетъ и тѣхъ своеобразныхъ обстоятельствъ, которыя какъ бы печать молчанія налагаютъ на незакабаленныхъ апостасійностью, или разбуженными ею страстями, обитателей овободнаго міра. Мы знаемъ, кто мы и для чего мы живемъ, и мы сознаемъ себя вправѣ это исповѣдывать. Мы по нашему свободному изволенію живемъ двойной жизнью, и степень раздвоенности зависитъ всецѣло отъ нашего сужденія о полезности большаго или меньшаго нашего раскрытія передъ чужими.

Мы люди изъ другого міра. Этотъ міръ ушелъ, его больше нѣтъ. Окружающій насъ міръ находится въ полной увѣренности, что онъ ушелъ навсегда. Мы, однако, остаемся въ этомъ ушедшемъ мірѣ. И мы знаемъ, что если онъ, дѣйствительно, ушелъ, то міръ идетъ къ своему концу. Мы не скрываемъ того, что мы принадлежимъ къ этому ушедшему миру: мы живемъ его чувствами и мыслями. На насъ могутъ смотрѣть, какъ на чудаковъ. Но развѣ чудаки не имѣютъ права существовать, если они не нарушаютъ общественнаго порядка — въ свободной странѣ? Мы своего чудачества не скрываемъ. Мы его и не навязываемъ. Тѣ, кто съ нами общаются, одно только должны знать твердо: отъ своего «чудачества» отказаться мы не можемъ. Кто съ нами хочетъ имѣть дѣло, долженъ это признать. Въ свободномъ мірѣ дѣйствуетъ т. н. «культурная автономія», то есть право національныхъ меньшинствъ сохранять свои національныя особенности — беречь свой языкъ, имѣть для этого свою школу, имѣть свою церковь, свою печать, свои общественныя организаціи. Наша особенность въ томъ, что все это мы осуществляемъ съ оглядкой не на современную Россію, коммунизмомъ захваченную, а на Россію ушедшую — съ ея языкомъ (орѳографіей), съ ея міровоззрѣніемъ, съ ея бытомъ, съ ея Церковью. Въ этомъ наше «чудачество».

То «прошлое», которое мы воплощаемъ, пользуется плохимъ именемъ въ сознаніи современнаго свободнаго міра: оно такъ прочно оклеветано, что правда звучитъ ложью въ ушахъ тѣхъ, среди кого мы живемъ. Тѣмъ не менѣе, въ средѣ духовно-чуткой симпатія наблюдается въ отношеніи нашего «чудачества», и отчужденность въ отношеніи тѣхъ, кто отражаетъ современную Россію.

Первое движеніе при общеніи съ нами — будь то старческій домъ, промышленное предпріятіе, школа, или еще что иное — это обращеніе съ нами, какъ съ человѣческимъ матеріаломъ, который безвольно укладывается въ текущую жизнь. Отношеніе можетъ быть доброжелательное, но оно выражается въ формахъ общихъ, внѣ учета нашихъ особенностей. Все мѣняется, когда эти особенности выпячиваются, какъ что-то, съ чѣмъ надо посчитаться. Въ однихъ случаяхъ это вызываетъ рѣзкую перемѣну обращенія, въ другихъ интересъ возникаетъ къ нашимъ особенностямъ, не такъ ужъ рѣдко — доброжелательный. Въ отдѣльныхъ же случаяхъ обнаруживается трогательная внимательность, обусловленная тѣмъ, что убѣжденіе возникаетъ въ серьезности нашихъ особенностей, способныхъ раскрывать цѣлый новый міръ.

Этотъ новый міръ возбуждаетъ, обычно, любопытство. Приглядываясь къ нему, наблюдателю ясно становится, что наши особенности коренятся въ глубокихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, ставшихъ частью даже и внѣшней жизни. Въ степени неизмѣримо большей это наблюдается, поскольку западные люди оказываются плѣн-

никами сатанократіи и вклиняются ею въ русскій массивъ насельниковъ мѣстъ заключенія и лагерей. Вообще, Русскій человѣкъ, носящій на себѣ отпечатокъ «подвига Русскости», обладаетъ привлекательностью неотразимой для западнаго человѣка, морально и духовно чуткаго.

Такъ возникаетъ возможность, очень скромная, въ силу органически присущаго подвигу Русскости цѣломудрія, но все же реальная возможность для внѣшняго человѣка пріобщиться къ основному руслу той двойственной жизни, которая выпадаетъ на долю зарубежныхъ Русскихъ. Безъ всякой нарочитой заданности такое общеніе получаетъ силой вещей оттѣнокъ миссіонерскій.

Нашъ національный образъ миссіонерства вообще — показъ; не выставочный, рекламный, а показъ жизнью, пропитанной особенностями церковнаго и духовнаго порядка. Наша жизнь—бытавое исповѣдничество, которымъ мы держимся и внѣ котораго нельзя даже и представить себѣ подвигъ Русскости. Если этотъ бытъ охватываетъ въ Россіи иностранца нерѣдко въ такой мѣрѣ, что на родинѣ этотъ иностранецъ ощущаетъ себя уже неуютно, этого окруженія лишенный, то и за границей этотъ бытъ способенъ иногда ударить по сознанію иностранца своей ни на что не похожестью. А за нимъ стоитъ цѣлостное міровоззрѣніе: «внѣшнее» являетъ «внутреннее», и это въ убѣдительности, ни съ чѣмъ не сравнимой. Иностранецъ, прикоснувшійся ко второй жизни, духовно-интимной, русскаго человѣка — расширяетъ свой опытъ, прикасается къ такимъ явленіямъ жизни, о которыхъ онъ, быть можетъ, ранѣе понятія не имѣлъ. Развѣ это не миссіонерство?

Миссіонерство принимаетъ формы гораздо болѣе квалифицированныя, поскольку русскій человѣкъ, не утрачивая духовной окрыленности подвиговъ Русскости, входятъ въ среду иностранцевъ, какъ нѣкая ему близкая культурная сила. Тутъ открывается возможность обогащать своими сокровищами творимое дѣло, тѣмъ пріобщая, съ должнымъ тактомъ, къ этимъ сокровищамъ тотъ или иной кругъ лицъ. Въ планѣ апостасійномъ тутъ открываются возможности безцѣнныя — въ смыслѣ уже не культурнаго обогащенія, а спасенія душъ. Рѣчь идетъ не о прозелитизмѣ, что можетъ быть только рѣдчайшимъ исключеніемъ, а о расширеніи кругозора въ отношеніи пониманія собственныхъ явленій, своего круга жизни, своей конфессіональности, а также лучшаго пониманія явленій міровой политики, центромъ имѣющихъ неотмѣнно русскій коммунизмъ.

Особую квалифицированность пріобрѣтаетъ «подвигъ Русскости» примѣнительно къ внѣшнему міру, поскольку онъ осуществляется служителями Церкви, отъ высшихъ до низшихъ. Сейчасъ наблюдается исключительный интересъ къ Православію — не обязательно углубленный и возвышенный, а обусловленный экуменическимъ рас-

ширеніемъ кругозора. Почти по общему правилу освѣдомленіе о Православіи осуществляется модернистически настроенными авторитетами, почему о подлинномъ Православіи міръ узнаетъ далеко не все — и ужъ, конечно, общеніе съ Совѣтской церковью восполнить этотъ пробѣлъ не можетъ. Какимъ внѣшнимъ пренебреженіемъ ни окружена старозавѣтная наша Православная Церковь, ея голосъ далеко не безразличенъ: къ нему прислушиваются, о немъ освѣдомляются самые разные люди. Русская Зарубежная Церковь, какъ мы уже говорили въ другомъ планѣ, несетъ на себѣ промыслительную заданность являть Истину Церкви примѣнительно ко всѣмъ возникающимъ вопросамъ. Каждый церковный дѣятель въ кругу своей дѣятельности можетъ въ любой моментъ оказаться предъ лицомъ той или иной возможности явить эту Истину — и онъ обязанъ это сдѣлать въ полную мѣру своихъ силъ.

Тутъ мы подходимъ къ самой сердцевинѣ нашей анти-апостасійной заданности. Если Апостасія своимъ основнымъ выраженіемъ имѣетъ т. н. экуменичность, то есть единеніе по признаку отрицанія абсолютной истинности, во имя общаго, въ атмосферѣ Лжи, единенія вокругъ того центра, къ которому всѣ и вся одинаково тянутся, т. е. будущаго Антихриста, то единеніе должно происходить и въ другомъ планѣ — полярно-противуположномъ: по признаку отталкиванія отъ Апостасіи. Тутъ два рода общенія возникаютъ — различныхъ. Одинъ исходитъ изъ положенія, отрицаемаго экуменизмомъ, а именно изъ принципа абсолютности вѣры каждаго. Вѣра, въ своей абсолютности, отвергается и коммунизмомъ и экуменизмомъ: первый всѣ вѣры уничтожаетъ, а второй всѣ вѣры въ себя вбираетъ во имя созданія новой, обобщающей. Общій фронтъ естественно возникаетъ передъ агрессіей коммунизма — обнимающей всѣ вѣры: представители всѣхъ вѣръ могутъ сѣсть за круглый столъ для обсужденія общихъ мѣръ самозащиты противъ агрессіи коммунизма. Такое же взаимообщеніе мыслимо и примѣнительно къ экуменизму. Онъ хочетъ поглотить всѣ вѣры. Подлинный православный, подлинный католикъ, подлинный протестантъ, поскольку они хотятъ остаться каждый въ своей вѣрѣ, способны ощутить себя, съ достаточнымъ основаніемъ, братьями во Христѣ, и передъ лицомъ экуменизма. Трудно сказать, въ какія формы можетъ вылиться взаимопризнаніе предъ лицомъ общаго врага, какимъ, въ сущности, въ этихъ обоихъ варіантахъ, является Антихристъ, но духовно просвѣтленная солидарность на этихъ путяхъ не можетъ не раждаться.

Другое единеніе, болѣе глубокое, повелительно диктуемое Апостасіей: это — возвращеніе заблудшихъ братьевъ въ Отчій Домъ. Предстоитъ ли намъ Страшный Судъ, или «спасительная катастрофа», на нашей Родинѣ возникшая, откроетъ новые пути исторической жизни человѣчества, въ обоихъ случаяхъ не можетъ не получить своего осуществленія, — въ конкретной формѣ возвращенія къ исход-

ной истинности Церкви, сохранившейся въ Православіи, —обѣтованіе Господа объ Единомъ Пастырѣ и единомъ стадѣ. Какъ это произойдетъ и когда — мы не знаемъ. Но устремленность въ этомъ направленіи для насъ уже сейчасъ должна быть ясна, какъ Божій день. Должна она постепенно отверждаться и въ сознаніи тѣхъ элементовъ инославнаго міра, которые будутъ все больше проникаться отталкиваніемъ отъ Апостасіи во имя пріобщенія къ лику «послѣднихъ христіанъ». И тутъ открывается для насъ обширное поле дѣятельности — въ самыхъ разныхъ формахъ.

Во всемъ, что мы говорили, мы исходили изъ факта пребыванія нашего въ условіяхъ гражданской свободы. Это положеніе можетъ измѣниться — не обязательно въ формѣ распространенія власти коммунизма на тѣ территоріи, на которыхъ мы сейчасъ пребываемъ, возможно и извѣстное перерожденіе гражданскаго быта, подъ знакомъ Апостасіи. Принципіальное противопоставленіе себя тому стихійному устремленію антихристову, которое нынѣ съ такой разительной ясностью обозначается, ставитъ насъ передъ перспективой оказаться нежелательными элементами въ составѣ этого гражданскаго быта. Могутъ для насъ возникать всевозможныя трудности и въ сохраняющихся формахъ свободнаго режима, поскольку мы будемъ идти противъ теченія — а мы не можемъ не идти, разъ режимъ свободы продолжаетъ существовать. Исповѣдничество — наша миссія, наше заданіе, наше послушаніе. Какъ общее правило, можно одно только сказать. Или будемъ мы продолжать свое исповѣдничество открыто — во весь голосъ. Или мы будемъ вынуждены уйти въ подполье, поскольку мы не убѣжимъ отъ преслѣдованія туда, гдѣ этого преслѣдованія нѣтъ. Средняго нѣтъ. Должна сохраняться полная ясность нашего лица, ибо только такъ мы сохранимъ за собою право тщиться стать «послѣдними христіанами» и уповать на помощь Божію, всесильную. Всякая двусмысленность, всякое соглашательство не могутъ не опрокинуть всей нашей установки, и въ сознаніи людей, и въ очахъ Божіихъ. «Подвигъ Русскости», который былъ, въ условіяхъ былыхъ, подвигомъ государственно-патріотическимъ, включавшимъ въ себя подвигъ стоянія въ церковной истинности, для насъ теперь превращается, наоборотъ, въ подвигъ вѣрности Богу, въ Его истинной Церкви, за которымъ стоитъ вѣрность нашему историческому прошлому, которая внѣшнее выраженіе получаетъ только въ томъ, что истинная Церковь, которой мы служимъ, есть Русская Церковь, преемственно сохранившаяся въ нашей Зарубежной Церкви. Это намъ съ новой силой указываетъ, что «политики» сейчасъ нѣтъ въ нашемъ общецерковномъ обиходѣ, а есть вѣрность Богу въ качествѣ Русскихъ людей, являющихся чадами Русской Помѣстной Церкви, получившей обликъ Церкви Зарубежной.

Въ любой моментъ все можетъ измѣниться — въ планѣ реализаціи той «спасительной катастрофы», которая способна будетъ сдѣ-

лать конкретной реальностью возстановленіе въ національно-государственныхъ формахъ Исторической Россіи. Каждый можетъ имѣть въ этомъ планѣ свои предположенія и свои домыслы. Это нѣчто личное и частное. Это не должно опредѣлять сейчасъ нашего поведенія, чтобы не отвлекать насъ отъ главнаго, въ чемъ состоитъ наше послушаніе по осуществленію «подвига Русскости». Смиримся. И будемъ памятовать, что только такъ мы сможемъ послужить Божіимъ предначертаніямъ, осуществляя главное въ очахъ Божіихъ — спасая свои души и тѣмъ открывая Богу возможность направлять нашу дѣятельность на спасеніе другихъ душъ, а въ конечномъ счетѣ и на возсозданіе того Великаго Національно-Государственнаго Цѣлаго, духовный зарядъ котораго мы тщимся, съ Божіей помощью, въ себѣ сохранять и являть.

Въ истекшемъ году мы поминали трехсотлѣтіе великой даты: возстановленія, послѣ страшной Смуты, Московскаго Царства подъ главенствомъ династіи Романовыхъ. Трудно представить себѣ болѣе наглядную картину именно духовнаго возрожденія, какъ реальной основы политическаго оформленія отсюда возсіявшаго «подвига Русскости». Что же говорить о нашей современной Смутѣ, предъ которой блѣднѣетъ т. н. Великая Смута нашего далекаго прошлаго?! Не ясно ли, что всякое проявленіе политической торопливости можетъ свидѣтельствовать только о духовной недозрѣлости и объ отсутствіи, въ духовно оскудѣвшихъ русскихъ душахъ, самой основы, изъ которой могъ бы возсіять «подвигъ Русскости», способный вырвать изъ лапъ Сатаны возраждающуюся Историческую Россію.

Въ истекшемъ году поминали мы и другую великую дату — семисотлѣтіе блаженной кончины благовѣрнаго князя Александра Невскаго, побѣда котораго надъ грозившими Православію врагами обезпечена была помощью кротчайшихъ свв. князей Бориса и Глѣба, исповѣдничество Божіей Правды сдѣлавшихъ своей единственной «политикой». Помощь эта не была ли отвѣтомъ на умоначертаніе самого князя Александра, который ничего на знамени своемъ не имѣлъ, кромѣ святыхъ въ своей небесной простотѣ словъ: «Не въ силѣ Богъ, а въ Правдѣ?»

Не ждетъ ли отъ насъ и сейчасъ Господь исповѣдничества Его Правды, чтобы могъ Онъ, Милостивый, покрыть ее Своей Силой?

Вотъ изъ какого Прошлаго можетъ только возникнуть въ наше неизреченно-страшное время земное Будущее.

Архимандритъ Константинъ.

Воспоминанія о присноnамятномъ Владыкѣ Мелетіи.

Господи благослови!

Святителю, отче Мелетіе! Моли Бога о мнѣ и помоги мнѣ написать сію статью!

7 іюля 1869 г. въ селѣ Гилевскомъ Тюменьскаго уѣзда, Тобольской губ., въ семьѣ священника Василія Николаевича Заборовскаго, отъ законной супруги его Елены, родился ребенокъ мужескаго пола, въ святомъ крещеніи названный Михаиломъ, въ честь преп. Михаила Малеина (память 12 іюля). Мать младенца была очень благонравна — ангелоподобной называли ее прихожане, ангеломъ земнымъ. Она особенно внимательно слѣдила за ростомъ и развитіемъ ребенка. Родители видѣли въ немъ что-то необыкновенное.

Послѣ начальной школы Миша былъ переведенъ въ Тобольское Духовное Училище, а потомъ въ семинарію въ томъ же городѣ Тобольскѣ. Семинарію Миша кончилъ рано. Родители избрали ему невѣсту Марію, дочь священника Іоанна Демина, тоже воспитанную въ страхѣ Божіемъ. Женили его рано, и онъ тогда же былъ рукоположенъ въ санъ іерея и опредѣленъ въ село въ Ялуторовскомъ уѣздѣ. Семейное счастье его продолжалось недолго — немного болѣе года. Матушка получила скоротечную чахотку послѣ перваго ребенка, и остался молодой священникъ съ малымъ ребенкомъ на рукахъ. Не желая брать въ домъ чужую женщину, о. Михаилъ пригласилъ вести хозяйство и смотрѣть за ребенкомъ родную сестру, Клавдію, которая и вела хозайство у него въ домѣ до поступленія его въ Казанскую Духовную Академію. До этого о. Михаилъ оставался на томъ же приходѣ, чтобы накопить извѣстную сумму денегъ для перехода въ Академію. Служилъ онъ на селѣ въ возрастѣ отъ 21 до 26 года. Какъ онъ служилъ тогда, мнѣ о томъ довелось бесѣдовать съ однимъ бывшимъ его прихожаниномъ въ гор. Тобольскѣ, куда я ѣздилъ въ 1910 г., сопровождая еп. Мелетія къ его родителямъ.

Прибыли мы въ Тобольскъ на пароходѣ по р. Оби и Иртышу. Владыка Мелетій ушелъ на короткое время — пароходъ долженъ былъ сейчасъ же отправиться дальше по направленію къ селу Іевлево, гдѣ пребывали родители Вл. Мелетія. Я остался и прохаживался на пристани. Подходитъ ко мнѣ полицейскій и спрашиваетъ:—Откуда, батюшка? Отвѣчаю: — Изъ г. Томска пріѣхали, съ еп. Мелетіемъ. — А куда ѣдете, батюшка? Говорю: — Въ Іевлево, къ родителямъ Вл. Ме-

летія. Тогда онъ спрашиваетъ: — А не былъ ли онъ священникомъ? Говорю: — Былъ. Онъ тогда: — Онъ былъ священникомъ у насъ — и такого священника у насъ не было и не будетъ. Несмотря на молодость, онъ такъ велъ себя и такъ руководилъ приходомъ, что ему кланялись издалека и почитали, какъ угодника Божія...

Г. Баранова-Попова, хорошо знавшая семью Владыки, въ статьѣ, посвященной Владыкѣ Мелетію («Хлѣбъ Небесный», 1939 г., № 11) вспоминаетъ какъ слѣпецъ-звонарь говорилъ о Владыкѣ: «У нашего батюшки всѣ равны. Всѣхъ привѣтитъ, а ужъ матушка чистый ангелъ. Каждаго угоститъ, да еще бѣдному — потихонечку что нибудь сунетъ, либо денегъ, либо хлѣба».

Послуживъ у себя на селѣ и собравъ нужную сумму денегъ, о. Михаилъ сталъ готовиться въ дорогу, въ Академію. Очень были огорчены прихожане — не хотѣли разставаться съ любимымъ священникомъ. Въ Академіи, на второмъ курсѣ, былъ постриженъ о. Михаилъ въ монахи съ именемъ Мелетія, въ память архіеп. Мелетія Антіохійскаго (память его 12 февраля). Въ Академіи о. Мелетій несъ послушаніе академическаго благочиннаго. Студенты очень почитали молодого благочиннаго за его кротость и доброе обращеніе.

При постриженіи въ монашество Евангельскимъ отцомъ о. Мелетію былъ назначенъ извѣстный старецъ схи-архимандритъ Гавріилъ, бывшій тогда настоятелемъ Седми-озернаго монастыря, Казанской губерніи. Впослѣдствіи онъ подвизался, кажется, въ Елеазаровской пустыни, и тамъ и скончался. Онъ слылъ чудотворцемъ и прозорливцемъ, и отъ него Вл. Мелетій много воспринялъ добраго и монашескаго. Познакомиться съ жизнеописаніемъ старца Гавріила можно всѣмъ рекомендовать — оно очень назидательно.

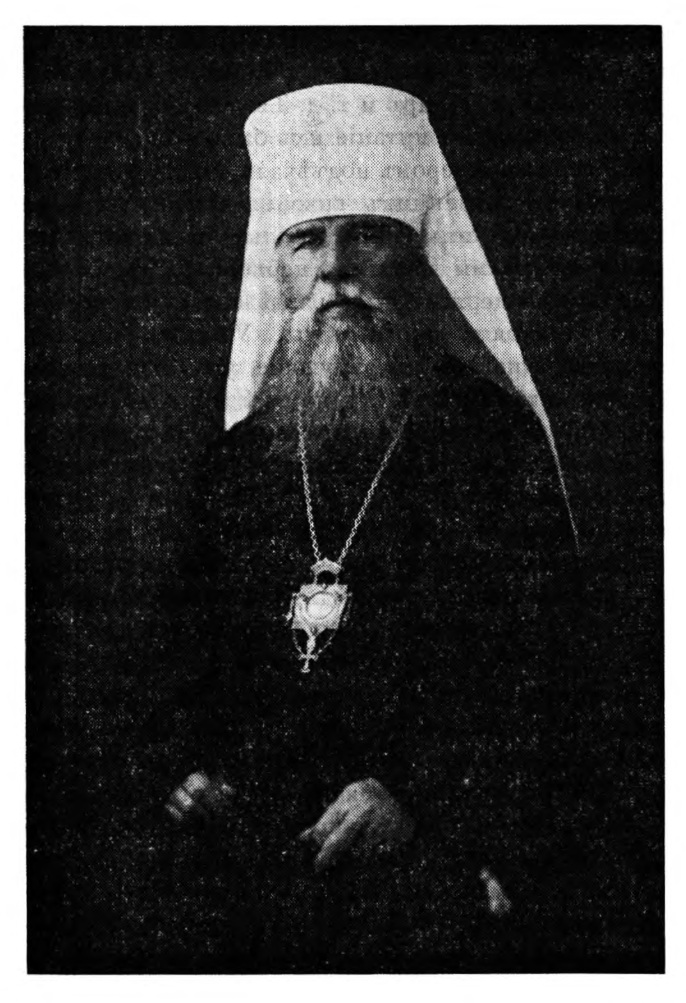
Послѣ окончанія Духовной Академіи, іеромонахъ Мелетій былъ назначенъ смотрителемъ Духовнаго училища въ г. Елабугѣ, Вятской губ.. Едва успѣлъ онъ туда переѣхать, какъ его назначили завѣдующимъ катехизаторскимъ училищемъ Бійскимъ, Томской губ., гдѣ онъ пробылъ около 4 лѣтъ. Тамъ ему было по душѣ, такъ какъ тамъ очень хорошо было поставлено обиходное пѣніе, которое онъ очень любилъ. Изъ Бійска его перевели ректоромъ въ Томскую духовную семинарію, гдѣ онъ, уже въ санѣ архимандрита, пробылъ около 4 лѣтъ, послѣ чего былъ представленъ архіеп. Макаріемъ Томскимъ во епископа. Въ ноябрѣ 1908 г. состоялся указъ о бытіи ему епископомъ Барнаульскимъ, вторымъ викарнымъ Томской епархіи. Викарнымъ пробылъ Вл. Мелетій съ ноября 1908 г. по сентябрь 1911 г., когда его назначили на Якутскую каѳедру. Здѣсь Владыка ежегодно объѣзжалъ епархію, б. ч. на саняхъ, такъ какъ въ Якутской области колесныхъ дорогъ почти н было. Якуты очень охотно съѣзжались къ тому пункту, куда пріѣзжалъ Владыка, и онъ проводилъ съ ними катехизацію, по митрополиту Макарію «Како вѣруеши». Велъ онъ катехизацію че-

резъ прот. о. Василія, по національности русскаго, но хорошо знавшаго якутскій языкъ. Воспроизведемъ разсказъ Владыки о Якутской области, переданный г. Барановой-Поповой.

«Страна въ высшей степени интересная, какъ въ смыслѣ природы, такъ и людей. Когда я пріѣхалъ въ Якутскъ, меня поразила вѣра якутовъ во Христа. Во всѣхъ главныхъ моментахъ своей жизни якутъ звалъ священника и просилъ его молитвы. Во время болѣзни почти всѣ якуты соборуются. Но наряду съ якутами-христіанами много было среди якутовъ шаманистовъ. Часто вѣрующіе просили молитвъ противъ прежнихъ своихъ боговъ — злыхъ духовъ. Поразительный случай былъ съ однимъ моимъ священникомъ, разсказываетъ Владыка. Селенія въ якутской области раскиданы на большомъ разстояніи другъ отъ друга, и, вотъ, когда якуты слышатъ о поѣздкѣ священника, они выѣзжаютъ на трактъ и просятъ, чтобы священникъ заѣхалъ и исполнилъ требу. Такъ случилось и съ тѣмъ іереемъ, о которомъ я вспомнилъ, какъ примѣръ живой борьбы съ злымъ духомъ. Одинъ якутъ пригласилъ возвращавшагося іерея къ себѣ отслужить молебенъ и окропить Святой водой жилище, такъ какъ злой духъ замучилъ ихъ, не давая ни днемъ, ни ночью покоя. Вмѣстѣ со священникомъ ѣхала и учительница со своей старушкой матерью въ назначенное ей село. И, вотъ, когда всѣ трое вошли въ домъ якута и онъ началъ разсказывать, что ровно въ полночь около дома начинаетъ бродить женщина вся въ бѣломъ и, когда пойдешь за ней, то она какъ бы растаетъ въ воздухѣ; то вдругъ, всей семьей слышимъ колокольный звонъ, то у насъ кто-то переворачиваетъ всю утварь, а никого не видно. Часто портитъ молочные продукты, засыпая ихъ землей. Не успѣлъ якутъ закончить свой нехитрый разсказъ, какъ дверь изъ сосѣдней комнаты сама открылась и мимо головы батюшки пролетѣлъ большой камень, на которомъ точатъ ножи — брусокъ. Въ сосѣдней комнатѣ никогда не было и изумленію окружающихъ не было предѣла. Въ это время окровавленый ножъ, какъ бы брошенный чьей-то невидимой рукой, взвился и воткнулся около чашки съ чаемъ, которымъ грѣлся батюшка съ дороги. Поблѣднѣвъ, онъ быстро облачился и сталъ служить водосвятный молебенъ. Затѣмъ, окропилъ все жилище Святой водой и собрался выѣхать вмѣстѣ съ своими случайными свидѣтелями, учительницей и ея матерью. Въ это время большая деревянная чашка, изъ которой ѣдятъ якуты, сорвалась сама собой съ мѣста и пронеслась надъ головой священника. Всѣ эти вещественныя доказательства: брусокъ, ножъ и чашку іерей привезъ мнѣ вмѣстѣ съ письменнымъ изложеніемъ происшедшаго. Я назначилъ слѣдствіе и все это подтвердилось, а также сообщили мнѣ, что якутъ заявилъ, что послѣ молебна все въ его домѣ успокоилось».

Къ воспоминаніямъ еще объ управленіи Якутской епархіи относится посѣщеніе Владыкой Мелетіемъ «городка прокаженныхъ», находящагося въ 12 верстахъ отъ города Вилюйска.

— «По прибытіи своемъ въ Якутскъ», разсказывалъ Владыка, «я уже зналъ, что въ моемъ духовномъ управленіи находятся несчастные больные и съ первыхъ же моментовъ моей службы у меня явилось желаніе посѣтить ихъ и помолиться вмѣстѣ съ ними. Городокъ прока-

женныхъ основанъ англичанкой Мартенсъ. Путешествуя по дальнему сѣверу, она набрела на отверженныхъ. Жизнь ихъ была гораздо хуже звѣрей. Какъ только заболѣвалъ кто-нибудь этой страшной болѣзнью въ якутской семьѣ, тотчасъ же его выгоняли за селеніе. Давали ему чашку для пищи, необходимую одежду и этимъ иногда кончались заботы о несчастномъ. Подъ страхомъ смерти они не могли заходить въ жилище. Заживо разлагающіеся, эти люди бродили около селеній, собирая то, что болѣе сердобольные люди выбрасывали для нихъ. Судьба этихъ обездоленныхъ людей такъ тронула сердце Miss Martens, что она поѣхала въ Петербургъ и начала усиленно собирать

деньги для постройки колоніи для прокаженныхъ. Наше правительство живо откликнулось на это благое дѣло и ассигновало громадныя суммы для постройки колоніи съ больницей и необходимымъ врачебнымъ персоналомъ; въ этой колоніи одинъ годъ службы засчитывался за три и кромѣ этого часто выдавались денежныя награды, и по окончаніи службы давалась хорошая пенсія. Больные жили отдѣльно другъ отъ друга по небольшимъ комнатамъ и каждому выдавался паекъ питанія: крупа, мясо, чай, сахаръ и т. д. Тяжело больные лежали въ общей палатѣ въ больницѣ и питаніе ихъ было общее.

«Тихимъ, яснымъ вечеромъ подъѣхали мы къ колоніи. Около церкви насъ встрѣчали священникъ колоніи, врачебный и административный персоналъ больницы. Прокаженные были уже въ церкви. Приложившись ко кресту, мы вошли въ церковь. Здѣсь мы были изумлены тѣмъ, что внутри церковь была раздѣлена перегородкой. Направо за перегородкой стояли прокаженные. У нихъ былъ свой особый входъ въ церковь, а налѣво всѣ вѣрующіе, кто былъ здоровъ. Начался молебенъ на якутскомъ языкѣ. Рѣдко мнѣ приходилось видѣть болѣе сильную молитву. У этихъ обездоленныхъ была одна только радость — знать, что тамъ, въ небесныхъ покояхъ, у Всеблагого Творца, они будутъ занимать одинаковое положеніе со всѣми людьми по своимъ заслугамъ и никто не будетъ въ ужасѣ убѣгать отъ нихъ. Сердце было полно жалости къ этимъ людямъ и не было въ немъ страха заразиться ужасной болѣзнью. Послѣ проповѣди, которую мѣстный священникъ перевелъ на якутскій языкъ, — мы благословили своихъ духовныхъ чадъ. Въ умиленіи преклонили они колѣни и затѣмъ стали подходить къ намъ цѣлуя крестъ, который мы держали въ своей рукѣ. Страшныя язвы находились на лицѣ у нѣкоторыхъ, уродуя образъ человѣка до неузнаваемости. Благословивъ еще разъ крестомъ болящихъ, мы въ сопровожденіи старшаго врача отправились посѣтить тѣ помѣщенія, въ которыя допускались постороннія лица, а затѣмъ, выполнивъ свой духовный долгъ, поѣхали дальше, но весь обратный путь одна и та же мысль не давала намъ покоя: «Какъ часто люди ропщутъ на свою судьбу! Какъ часто мы недовольны окружающими насъ людьми и всѣмъ, что наполняетъ нашу жизнь. Но что могутъ значить наши невзгоды въ сравненіи со страданіями этихъ заживо обреченныхъ на гніеніе?!» И въ памяти вставали ихъ лица и грустное, задушевное пѣніе молитвъ»... закончилъ Владыка».

Владыка, какъ получилъ хиротонію, такъ, и въ будніе и въ праздничные дни, читалъ самъ каноны, и читалъ на 12, какъ значится въ богослужебныхъ книгахъ — не торопясь, благоговѣйно. Такъ же чинно, неторопливо, благоговѣйно отправлялъ богослуженіе. Вообще, Владыка былъ больше монахъ, чѣмъ епископъ. Свѣтскаго въ немъ ничего не было. Никогда и никого онъ не судилъ. Только разъ услышалъ я отъ него нѣчто подобное. Это было послѣ соборной праздничной службы, пьемъ мы съ нимъ чай, а онъ говоритъ: — Да,

монашеское духовенство причащается съ бо́льшимъ благоговѣніемъ, чѣмъ бѣлое духовенство. Это былъ единственный случай, когда я слышалъ отъ него какъ бы осужденіе. Когда онъ служилъ въ соборномъ служеніи, онъ всегда служилъ тихо, безъ волненія, служба шла ровно. Владыка точно уходилъ отъ земли куда то. Въ это время онъ глаза закрывалъ, а обѣими руками какъ бы леталъ по воздуху — руки его были опущены внизъ и кистями рукъ онъ дѣлалъ такъ, точно, какъ птица, крыльями махалъ, не подымая рукъ, стоя спокойно на мѣстѣ — точно онъ находился не въ этомъ мірѣ, не на землѣ, а гдѣ то въ духовномъ мірѣ.

Послѣ вечерняго чаю онъ запирался на крючекъ. Никогда онъ не ужиналъ, а только пилъ чай; въ скоромные дни кушалъ стаканъ кислаго молока — вотъ и весь его ужинъ. Во время обѣда келейники ему читали житія святыхъ или что либо изъ духовнаго писанія. Послѣ утренней молитвы онъ ежедневно вычитывалъ апостольское посланіе и Евангеліе по стольку-то главъ — это неопустительно, до литургіи. А къ Божественной литургіи ходилъ ежедневно, пѣлъ съ пѣвчими на клиросѣ. Во время чтенія Апостола не садился — только если былъ на клиросѣ садился.

Если онъ не успѣвалъ почему либо прочесть положенное число главъ Апостола и Евангелія до литургіи, то вычитывалъ послѣ литургіи — до чаепитія: не сядетъ за столъ, пока не прочитаетъ. Слѣдуетъ замѣтить: до Литургіи Владыка никогда не пилъ чай — я ни разу не видалъ за 38 лѣтъ, чтобы онъ нарушалъ это правило (схиигуменъ Игнатій называлъ это «литургическій постъ», и самъ никогда не нарушалъ его). Когда бывали утренніе просители, пріѣзжіе, или какое неотложное дѣло, Владыка не задерживалъ просителей, принималъ тотчасъ же, — но принималъ безъ чая и такъ и бесѣдовалъ до обѣда.

Если бывалъ въ гостяхъ, за столомъ Владыка сидѣлъ, разговаривалъ, привѣтствовалъ хозяевъ, чокался своей стопкой — пилъ, то есть прикасался губами только. Если онъ замѣчалъ, что снѣдь скоромная, а день былъ постный, Владыка не обнаруживалъ того, что онъ это видитъ и что онъ этого не ѣстъ. Онъ сидѣлъ, отламывалъ кусочками отъ снѣди, но, конечно, самъ не вкушалъ отъ нея, а только поступалъ такъ, чтобы не смущать хозяйку.

Вл. Мелетій очень почиталъ своихъ родителей. Послѣ революціи они терпѣли большой недостатокъ. Отецъ прослужилъ на приходѣ до 85 лѣтъ, а потомъ приходъ сдалъ сыну Георгію. Сынъ былъ многосемейный и отцу помочь не могъ, приходъ былъ малочисленный. У о. протоіерея было ѣдоковъ 7 человѣкъ, домъ его націонализировали — нужна была помощь сына-епископа. Отъ денежной помощи родители отказались, просили посылать продуктовыя посылки, что и дѣлалъ еп. Мелетій. Дѣлалъ — пока не стали возвращать посылки съ отмѣткой, что адресатъ выѣхалъ въ неизвѣстномъ напра-

вленіи. Такъ потерялъ Владыка своихъ изъ вида. Послѣ смерти Владыки я началъ поиски и нашелъ изъ 12 человѣкъ двухъ — сестру Владыки, его крестницу, съ дочкой, тоже крестницей. Остальные 10 человѣкъ, очевидно, погибли.

Въ дни революціи къ Владыкѣ духовенство отнеслось враждебно. Когда состоялось первое революціонное Епархіальное собраніе, то постановили сдѣлать у Владыки обыскъ. Были коммандированы четыре священника отъ Собранія — рылись всю ночь; ничего, къ ихъ огорченію, не нашли обвинительнаго. Замѣчательно, что священники, которые до революціи слыли «либеральными», было такихъ въ городѣ три-четыре, — всѣ стали послѣ революціи правыми и приверженцами Владыки. Замѣчательно, что одинъ изъ нихъ жизнь кончилъ мученически за Христа. Въ гор. Читѣ областной правитель Матвѣевъ открыто Владыкѣ ничего плохого не дѣлалъ, и Владыка смогъ выѣхать изъ Читы, хотя областной революціонный судъ и объявилъ Владыку «внѣ закона». Прислано было это постановленіе Владыкѣ черезъ Епархіальный Совѣтъ, — уже въ Харбинъ!

И въ Томскѣ, и въ Читѣ, и въ Харбинѣ Владыка никогда въ помощи нищимъ не отказывалъ. Трезвый ли, пьяный ли — Владыка каждому просящему дастъ 10-20 коп. Нѣкоторые показывали, что у нихъ нѣтъ ботинокъ, или еще что — Владыка тогда давалъ больше, но говорилъ: — Смотри не пропивай! Къ слабостямъ ближнихъ Владыка былъ очень снисходителенъ. Такъ, у него келейникъ былъ, который имѣлъ слабость выпивать. Иногда и пилъ изрядно — тогда Владыка за больнымъ ухаживалъ самъ. Но въ концѣ концовъ, когда тотъ перешелъ всѣ границы — пропилъ галоши Владыки — тотъ съ нимъ разстался. Если старшая братія проявляла эту слабость, Владыка заставлялъ ходить въ церковь къ службамъ церковнымъ — это было и наказаніе и леченіе больного.

Въ кельѣ у Владыки не было ничего лишняго. Замѣтитъ — лишняя ряса, отдастъ неимущему брату.

Прихожане, гдѣ только Владыка ни бывалъ, особенно доброжелательно относились къ Владыкѣ — чувствовали какъ бы инстинктивно, что онъ истинный молитвенникъ. Это обнаруживалось иногда наглядно.

Совершенно исключительный случай Владыка описалъ въ своемъ дневникѣ. Это описаніе приводитъ Г. Баранова-Попова.

«Замѣчательный случай исцѣленія больной женщины Дарьи Ивановны Богомолкиной. 1921 г., 5 декабря ст. ст.., въ воскресенье, послѣ обѣдни, отслуженной мной, въ ц. Харбинскаго подворья Пекинской Д. Миссіи, приходитъ ко мнѣ вышеозначенная женщина въ слезахъ и въ весьма нервно приподнятомъ состояніи. Увидѣвъ меня, стала плакать, земно кланяться и постоянно повторять: «прости меня, Владыко, прости меня, Владыко!» Долго я не могъ добиться отъ нея чего-либо опредѣленнаго и готовъ былъ признать ее

не вполнѣ нормальной. Успокоившись, она мнѣ разсказала слѣдующее. Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ она страдаетъ экземой на рукахъ въ самой ужасной формѣ. Страданія подъ мышками, вслѣдствіе опухоли желѣзъ, размѣромъ въ яйцо, и ужасный зудъ на рукахъ не давали ей покоя ни днемъ, ни особенно ночью. Руки сплошь были покрыты водянистыми пузырями, засыхавшая и постоянно мокнувшая кожа скручивалась подобно верхней тонкой части бересты. Она была въ бѣлыхъ вязанныхъ перчаткахъ, мѣстами сплошь пропитанныхъ сукровицей. Приподнявъ чуть перчатки, мы (я, прот. В. Янусовъ и монахъ Спиридонъ) увидѣли руки ея въ вышеописанномъ видѣ. Для облегченія отъ болѣзни, она обращалась ко многимъ врачамъ въ г. Харбинѣ; прописываемыя ими лѣкарства, въ видѣ разныхъ мазей, не оказывали помощи и она на опытѣ познала невозможность получить облегченіе отъ медицинскихъ средствъ, перестала лечиться и только молитвою и надеждою на милость Божію облегчала свои невыносимыя страданія. Въ ночь на 5 декабря страданія ея были особенно сильны и она, вставши съ постели, обратилась къ Господу съ горячей слезной молитвой объ облегченіи ея страданій и чтобы Господь указалъ ей человѣка, который помогъ бы ей избавиться отъ тяжкой болѣзни. Послѣ молитвы она снова легла и въ тонкомъ снѣ, какъ бы на яву, видитъ пришедшаго къ ней старичка, весьма благообразнаго вида, похожаго, повидимому, на преп. Серафима Саровскаго, который спросилъ ее: «куда ты ходишь въ церковь?» Она отвѣтила: «Въ Благовѣщенскую церковь». Тогда старецъ сказалъ ей: «иди къ Владыкѣ, который тамъ наставляетъ народъ и котораго ты любишь слушать, если онъ тебя проститъ, тогда получишь выздоровленіе, а если не проститъ, то тебѣ никто не поможетъ».

«Тронутая этимъ видѣніемъ и данной ей надеждой на выздоровленіе, она усердно и со слезами просила у меня прощенія, Въ отвѣтъ на ея мольбу я сказалъ: «Богъ тебя проститъ», тогда она стала просить разрѣшить ей причаститься. Я ей сказалъ, что она завтра въ Николинъ день, 6-го декабря, можетъ вмѣстѣ съ другими причаститься Св. Тайнъ. Успокоенная этимъ, женщина ушла домой. На другой день она, исповѣдавшись, причастилась Св. Христовыхъ Тайнъ. Въ слѣдующій воскресный день 12 дек. вижу эту женщину, стоящую около праваго клироса въ первыхъ рядахъ и молящуюся съ великимъ усердіемъ, изъ глазъ ея лились потоки слезъ, она стояла безъ перчатокъ и руки ея были почти совершенно здоровыя. При видѣ всего этого во время кажденія послѣ малаго входа меня обуялъ страхъ и ужасъ. Я чудился столь необычайному явленію милости Божіей. По окончаніи литургіи женщина эта вмѣстѣ съ другими приходила принимать благословеніе и со слезами благодарила меня, хотя я и не зналъ того, за что меня слѣдовало бы благодарить. Черезъ недѣлю женщина эта выздоровѣла совсѣмъ и могла уже мыть и убирать свой

домикъ. Означенная женщина — жена кр-на Сергѣя Филипповича Богомолкина — Дарья Ивановна, 32 л. Мужъ у нея служилъ лоцманомъ пароходства К. В. Ж. Д. и до этого случая совсѣмъ не ходилъ въ церковь и сильно пилъ, послѣ исцѣленія жены измѣнился и сталъ посѣщать церковь каждый праздникъ»...

Второе чудо было послѣ смерти Владыки. Въ 1945 г. пришли въ Харбинъ большевики. Сразу начались «реформы». Изъ школъ стали выгонять учителей, особенно со старыми взглядами — стариковъ. Былъ въ Харбинѣ одинъ старый учитель, лѣтъ 65, Иванъ Ивановичъ Костючикъ. Его сразу уволили. Онъ нигдѣ больше не работалъ, не зарабатывалъ, и очутился на голодномъ пайкѣ. Имѣлъ онъ жену, и она тоже нигдѣ не работала. Всѣмъ такимъ уволеннымъ дали старое Реальное училище — тамъ и жили старики впроголодь. И. И. обнищалъ — все распродалъ, что имѣлъ, и все проѣлъ. Впалъ въ большую нужду и въ большую скорбь. А Владыка его очень уважалъ и высоко цѣнилъ его труды. Былъ онъ очень религіозный и къ церкви близкій, часто выступалъ и съ амвона — говорилъ проповѣди. И вотъ, когда И. И-чу стало ужъ очень тяжко, и задумываться онъ сталъ — какъ бы добыть себѣ пропитаніе на завтрашній день, является Владыка во снѣ одной благочестивой женщинѣ и говоритъ ей: «Снеси Ивану Ивановичу Костючику денегъ». Просыпается она: — Кто же этотъ Костючикъ? Разспрашиваетъ и узнаетъ, что это учитель долголѣтній въ Коммерческомъ училищѣ, извѣстный педагогъ. И вотъ, приходитъ она къ И. И-чу и передаетъ ему деньги, разсказавъ свой сонъ. Костючикъ, конечно, принялъ деньги съ благодарностью. И что же оказалось? Онъ задолжалъ какъ разъ такую сумму денегъ, какую ему принесла эта женщина. Надо сказать, что китайцы охотно даютъ въ долгъ продукты — но условно: въ срокъ нужно платить. Если по первое число, такъ перваго изволь заплатить, а то больше товаръ отпускаться не будетъ: живи какъ хочешь. Черезъ нѣсколько времени Костючикъ опять впалъ въ нужду — платить надо, а платить нечѣмъ. И въ сонномъ видѣніи Владыка является уже другой женщинѣ и говоритъ ей: отнеси такую то сумму денегъ И. И. Костючику — именно ту, какая была потребна, то есть какую задолжалъ Костючикъ въ лавкѣ. Все это мнѣ Костючикъ самъ разсказалъ.

Вл. Мелетій былъ въ жизни очень осмотрителенъ, остороженъ, вдумчивъ — хоть, скажемъ, при рукоположеніи. Если кого представляютъ, онъ тщательно все провѣрялъ самъ, прочитывалъ всѣ документы со вниманіемъ. Рѣшенія Епархіальнаго управленія — и тѣ провѣрялъ. Приведу примѣръ. Поступила жалоба на священника, и Еп. Совѣтъ пришелъ къ рѣшенію перевести его на худшій приходъ. Постановленіе поступило на разсмотрѣніе Вл. Мелетія. Ознакомившись съ дѣломъ, Владыка положилъ резолюцію: перевести священника на лучшій приходъ. Дѣло поступило обратно въ Еп. Совѣтъ. Тотъ ознакомился съ резолюціей и послалъ одного члена объяснить

Владыкѣ, что резолюція его неправильна, что слѣдуетъ священника наказать. Владыка взялъ дѣло и наложилъ вторую резолюцію: «Еже писахъ, писахъ». Получивъ эту резолюцію, члены Совѣта ахнули. Но дальше уже нельзя было разговаривать. Владыка не ошибся. Доносъ оказался ложный — по злобѣ. Священникъ довѣріе Владыки оправдалъ на новомъ мѣстѣ. Онъ развилъ приходскую жизнь. Вообще, когда бывали доносы, Владыка призывалъ къ себѣ виновника на тщательный допросъ, но держалъ себя не какъ начальникъ, а какъ другъ, какъ собратъ, вызывалъ довѣріе къ себѣ, располагалъ къ себѣ, а не нагонялъ на него страхъ. Къ слову пришлось — напомню. Владыка Меѳодій тоже вызывалъ къ себѣ виновнаго и, разспросивъ его по-отечески, наговорившись, говорилъ, наконецъ, обвиняемому: «Ну, помолимся Господу Богу!» Встанетъ на колѣни и молится со слезами, благодаритъ Бога, что открылась истина — и отпускаетъ виновнаго съ миромъ.

Вл. Мелетій сохранялъ чистоту православія и исполнялъ каноны церковные. Посты соблюдалъ строго, честно. Такъ, когда наступалъ Великій Постъ, на первой недѣлѣ почти ничего не вкушалъ — немного послѣ канона Андрея Критскаго, обыкновенно простой вареный картофель, безъ масла, съ чернымъ хлѣбомъ. И всегда, садясь за столъ, помолится и скажетъ: «Постъ услади пищу». Вкушаетъ — не разговариваетъ, а затѣмъ стаканъ горячей водицы — и это весь ужинъ. Въ общей трапезѣ то же самое — ничего кромѣ варенаго картофеля.

Однажды, въ Великій Постъ, его келейники, двое молодыхъ людей по 19 лѣтъ, напились молока. Какъ то Владыка узналъ объ этомъ. Пробралъ виновныхъ. Держалъ посохъ въ рукахъ, стучалъ имъ объ полъ и нагналъ такой страхъ на келейниковъ, что не забудутъ.

Разъ причастился у насъ, въ Вел. Четвергъ, предсѣдатель окружного суда, хорошій пріятель Владыки, человѣкъ очень образованный, начитанный. Часто обращался къ нему Владыка за разъясненіемъ... Пришли изъ церкви. Владыка его пригласилъ на чай. Владыка его уважалъ. А тотъ убѣжалъ на кухню — накурился тамъ. Владыка сразу почувствовалъ дымный смрадъ и такъ усовѣстилъ ученаго мужа, что тотъ краснѣлъ — не зналъ, что и сказать, просто онѣмѣлъ отъ неожиданности. А Владыка пробралъ его, а потомъ, какъ бы ничего не было, пригласилъ его къ столу, угостилъ чаемъ. Успокоилъ его.

Владыка почти цѣлый годъ по пріѣздѣ въ Харбинъ изъ Забайкалья прожилъ при Подворьѣ безъ дѣла, какъ рядовой простой человѣкъ; только служилъ въ праздники. Спустя годъ, Начальникъ Пекинской Духовной Миссіи, еп. Иннокентій, назначилъ его Завѣдующимъ Подворьемъ, и получалъ Вл. Мелетій 10 рублей жалованія. Въ это время жилъ въ Харбинѣ нѣкто, бывшій консисторскій крючекъ, говорили, что онъ служилъ когда то на Кавказѣ, имя ему Власъ Ни-

колаевичъ Семеновъ. Онъ собралъ стариковъ, прихожанъ нашихъ, и привелъ ихъ къ Владыкѣ. Владыка принялъ ихъ по хорошему, усадилъ. Семеновъ началъ говорить: — А какъ вы ведете дѣло? Приходъ-расходъ церковный? Владыка отвѣчаетъ: — Да, я веду дѣло. Семеновъ продолжаетъ: — А какъ записываете? Надо бы провѣрить приходо-расходную книгу. Владыка говоритъ съ важностью: — Я отдаю отчетъ своему начальнику, кто меня назначилъ сюда. И тутъ Владыка неожиданно для всѣхъ скомандовалъ: — Встать! И продолжаетъ говорить: — Въ чемъ дѣло? Что вы хотите? Что вамъ надо отъ меня? Тѣ соскочили съ мѣстъ — онѣмѣли отъ неожиданности, растерялись, и ничего не могутъ сказать! А Владыка продолжаетъ: — Что вамъ нужно? Семеновъ заговорилъ, было, но не можетъ: — У меня, говоритъ, въ горлѣ пересохло. А Владыка ему: — Вы не горячитесь, не волнуйтесь — говорите спокойно. А я вижу изъ пришедшихъ съ нимъ, ихъ было трое, всѣ, шапку въ охапку — и незамѣтно уходятъ. Остается одинъ Семеновъ. Да и тотъ не можетъ говорить. Владыка ему сдѣлалъ внушеніе — чтобы не совался не въ свое дѣло. И тотъ перокочевалъ въ Иверскую церковь.

Владыка почти никогда самъ не начиналъ разговоръ о какомъ-нибудь предметѣ, а любилъ слушать, что говорятъ. Частенько его посѣщали ученые мужи. Посѣщалъ прот. Петръ Рождественскій, разговоръ касался жизни профессоровъ Казанской Духовной Академіи. Бывало, заслушаешься ихъ — не надо и Академіи! Проговаривали часовъ до 11 ночи. Второй собесѣдникъ — о. Іоаннъ Сторожевъ — тотъ универсантъ, юристъ. Заслушаешься! И Владыка любилъ его слушать, съ большимъ интересомъ слушалъ. О. Іоаннъ, будучи студентомъ, каникулы проводилъ въ монастыряхъ — въ Саровѣ, въ Дивѣевѣ и иныхъ большихъ монастыряхъ, часто бывалъ у старцевъ. Отъ нихъ о. Іоаннъ получилъ много духовнаго богатства. Когда онъ говорилъ проповѣдь за службой, то онъ всегда со слезами говорилъ. О. Іоаннъ любилъ Владыку и былъ всегда желаннымъ его гостемъ. Третьимъ собесѣдникомъ былъ прот. Панормовъ, миссіонеръ. Больше онъ разсказывалъ, какъ онъ сражался со старообрядцами, какъ ихъ побѣждалъ. Иногда приводилъ курьезные случаи, даже смѣшные. Владыка улыбался.

Владыка не уклонялся бесѣдовать и съ простыми людьми, даже изъ деревенской жизни, и здѣсь тоже слушалъ съ большимъ интересомъ. Нѣкоторые, ищушіе бисера, приходили къ нему съ вопросами — и Владыка отвѣчалъ охотно, и говорилъ, какъ бы читалъ изъ Добротолюбія, святоотеческими словами. Слушатели много поражались глубиной его рѣчи. Владыка говорилъ ищущимъ бисера, что надо идти Царскимъ путемъ, онъ ведетъ ко спасенію, а уклоняться, хотя бы и въ право — опасно: можно впасть въ прелесть. И онъ самъ шелъ Царскимъ путемъ.

Выше я говорилъ, что Владыка ни передъ кѣмъ не измѣнялъ своей совѣсти. Въ 1917-1918 гг. напалъ на Пекинскую Миссію, отъ Совѣтской власти, Караханъ — хотѣлъ отнять миссію, то есть миссійское зданіе. Владыка Иннокентій, Начальникъ Миссіи, возсталъ противъ этого. Долго боролся, но боялся за Подворье въ Харбинѣ. Онъ написалъ Вл. Мелетію, чтобы, во избѣжаніе худшаго, Владыка все имущество Подворья заложилъ, а деньги перевелъ ему. Владыка Мелетій возсталъ противъ этого — писалъ, что мы такъ потеряемъ Миссію, никогда ее не выкупимъ, и отстоялъ подворье: Вл. Иннокентій съ нимъ согласился.

Я уже говорилъ, что Вл. Мелетій былъ очень осторожный человѣкъ — особенно при рукоположеніяхъ въ санъ дьякона, въ санъ іерея, или при постриженіи въ монашество — всячески провѣрялъ достоинство кандидата. Было у насъ однажды такъ, что предстояло три постриженія. Одинъ самъ отказался — захотѣлъ идти по свѣтской линіи, рукоположился во іерея, былъ окончившій семинарію. Второму отказали отъ постриженія, такъ какъ онъ курилъ. Третьяго Владыка пригласилъ къ себѣ и детально его разспросилъ объ его поведеніи, такъ какъ получилъ анонимное письмо, какъ бы отъ барышни. Удовлетворившись объясненіями кандидата, Владыка постригъ его.

Когда Вл. Мелетій былъ поставленъ епископомъ, архіеп. Макарій нерѣдко командировалъ его для обозрѣнія епархіи. Владыка Мелетій бралъ съ собою протодіакона и трехъ послушниковъ, чтобы прислуживали при богослуженіи, проводилъ катехизацію и слѣдилъ, какъ совершается богослуженіе священниками. Часто дѣлалъ внушеніе, исправленія въ богослуженіи. Однажды, Владыка обнаружилъ, что двое священниковъ плохо знаютъ службу. Онъ вызвалъ одного изъ нихъ по указу въ Томскъ и заставилъ служить подъ руководствомъ опытнаго іеромонаха. Іерей прошелъ курсъ служенія и уѣхалъ на приходъ исполненный благодарности. Другой священникъ не зналъ какъ причащаться, хотя кончилъ семинарію первымъ ученикомъ. Владыка вызвалъ его въ Алексѣевскій монастырь и велѣлъ пройти тамъ курсъ служенія, что священникъ и сдѣлалъ съ большимъ усердіемъ. Замѣчу, что Владыка никогда не былъ грубъ и рѣзокъ — училъ съ любовью, отечески. Ставленниковъ никогда не отпускалъ сразу домой, а оставлялъ на недѣлю или двѣ — отпускалъ лишь, когда убѣждался въ томъ, что человѣкъ знаетъ службу. Иногда стоялъ самъ въ алтарѣ — слѣдилъ, какъ служитъ ставленникъ. Отпуская на приходъ, пригласитъ къ себѣ къ чаю, поговоритъ съ нимъ, дастъ наставленія, какъ вести себѣ на приходѣ, какъ приготовляться къ службѣ, какъ истово служить, давалъ что нибудь на память, совѣтовалъ, какими книгами обзавестись, какъ священнослужителю.

Часто присылали въ монастырь епитемійщиковъ на разные сроки. Владыка обращался съ ними съ любовью, утѣшалъ скорбящихъ, сокращалъ иногда сроки епитиміи и отпускалъ съ миромъ во свояси.

Бывали случаи, послѣ революціи, когда духовенство, какъ и прихожане, распоясавшись, подавали часто жалобы — по самому пустяшному дѣлу. Иногда и запутанныя были дѣла — и Епархіальному совѣту работа и Архіерею забота — разбираться надо. Владыка въ такихъ случаяхъ приглашалъ къ себѣ и обвинителей и обвиняемыхъ и разбиралъ дѣло самолично, стараясь умиротворить враждующихъ. Часто достигалъ хорошихъ результатовъ. Но бывали и упорные, и тогда Владыка очень огорчался. Ему непремѣнно хотѣлось кончить дѣло миромъ, и онъ съ большой тяжестью на душѣ подписывалъ обвинительную резолюцію — тяжко страдалъ.

Выше я говорилъ, что Владыка въ бѣженствѣ не имѣлъ книгъ. А до бѣженства у него была хорошая библіотека. Такъ въ Якутскѣ онъ имѣлъ хорошія книги — Добротолюбіе, еп. Өеофана Затворника, еп. Игнатія Брянчанинова и еще кое какія, что онъ вывезъ изъ Томска. А когда бѣжать пришлось изъ Читы, онъ книги оставилъ у одного сельскаго священника — думалъ возвратиться скоро обратно. Въ Якутскѣ и Читѣ настольными книгами у него были Добротолюбіе и Өеофанъ Затворникъ. Въ молодости, по окончаніи Академіи, онъ былъ у о. Іоанна Кронштадтскаго, но что ему говорилъ о. Іоаннъ — не разсказывалъ, не хотѣлъ этимъ сотворить себѣ славу. Былъ у него и еще разъ, нѣсколько позже. Объ этихъ посѣщеніяхъ узнаемъ отъ Г. Барановой-Поповой слѣдующее.

«Дважды я удостоился молиться вмѣстѣ съ о. Іоанномъ Кронштадтскимъ, такъ вспоминаетъ Владыка: Первый разъ я вмѣстѣ со своимъ другомъ по Академіи, пріѣхалъ въ Кронштадтъ наканунѣ 21 моя, въ день памяти св. царей Константина и Елены. О. Іоанна въ городѣ не было. Онъ былъ въ Петербургѣ, неся свои молитвы и исцѣленія вѣрующимъ. Около 5 час. утра 21 мая мы были уже въ Кронштадтскомъ Соборѣ. Соборъ былъ почти полонъ народу. Много священнослужителей находилось въ алтарѣ. Волнуясь и съ какимъ то трепетомъ мы подошли къ отцу Іоанну, передавъ ему карточку отца ректора, на которой была написана просьба оказать христіанскую любовь двумъ молодымъ миссіонерамъ. Отецъ Іоаннъ прочитавъ поднялъ на насъ глаза и мы увидали прекрасные голубые глаза, наполненные такой любовью, что сердце невольно забилось и на душѣ сдѣлалось сразу легко и пріятно. — «Богъ поможетъ вамъ въ этомъ подвигѣ», отвѣтилъ о. Іоаннъ, привѣтствуя насъ, «подвигъ миссіонерскій приравнивается къ апостольскому подвигу. Онъ очень великъ» и тотчасъ же сталъ облачаться для служенія утрени. Живость его движеній какъ-то гармонировала съ благоговѣйной настроенностью всего его облика. Канонъ онъ читалъ самъ и сразу же послѣ утрени совершалъ Божественную Литургію. Невольно мы всѣ окружающіе были охвачены его молитвеннымъ экстазомъ. Молился онъ необыкновенно. Часто подходилъ къ жертвеннику, порывисто становился на колѣни, клалъ руки на жертвенникъ и на нихъ погружалъ свое лицо, какъ бы

уходя изъ здѣшняго міра совсѣмъ»... «Второй разъ» — разсказываетъ Владыка, «я пріѣхалъ къ отцу Іоанну за благословеніемъ по сбору на Катехизаторское Училищѣ въ г. Бійскѣ. Было послѣднее воскресенье передъ масленицей, въ которое вспоминается Страшный Судъ. Народу было такъ много даже и въ алтарѣ, что передъ службой не было возможности подойти и поговорить съ о. Іоанномъ. Опять также ровно въ 5 час. утра началась утреня и за ней сразу же Божественная Литургія. Опять я присутствовалъ при величайшемъ чудѣ — великой молитвѣ къ Господу. Казалось о. Іоаннъ источалъ необыкновенныя волны мира и любви, и сердца людей забывали окружающее. За Литургіей онъ сказалъ удивительную проповѣдь, которую я до сихъ поръ не могу забыть. Высоко поднявъ палецъ вверхъ, онъ сказалъ: «Не думайте, что страшнаго суда не будетъ, нѣтъ: все, что сказалъ Спаситель, все сбудется и мы дадимъ отвѣтъ во всемъ!» Его убѣдительный тонъ и какая-то необыкновенная сила создавали жуткое впечатлѣніе, будя въ душахъ вѣрующихъ раскаяніе. Послѣ Литургіи о. Іоаннъ спускался внизъ, гдѣ подъ алтаремъ ему была устроена комната, ввиду того, что батюшка отъ своего молитвеннаго подвига нуждался хотя бы въ получасовомъ отдыхѣ, а обыкновеннымъ путемъ ему нельзя было выйти изъ храма: громадная толпа осаждала его постоянно, прося молитвъ и наставленія. Въ алтарѣ оставалась висѣть ряса батюшки и я остался ждать, когда вернется за ней батюшка, чтобы высказать ему свою просьбу. Вскорѣ Соборъ опустѣлъ, прошло еще нѣсколько времени, въ алтарь поднялся о. Іоаннъ, чтобы одѣться и ѣхать на молебны. Онъ очень сочувственно отнесся къ открытію училища, далъ 50 руб. и произвелъ на меня еще большее впечатлѣніе своимъ христіанскимъ обликомъ и той святостью, что исходила отъ него.

Вѣроятно, по его молитвамъ и благословенію Катехизаторское училище получило очень большую поддержку отъ правительства и надобность въ сборѣ денегъ отпала».

Господь хранитъ праведники. Въ 1940 году Владыка служилъ у себя въ Благовѣщенской церкви. Тамъ, на горнемъ мѣстѣ, висѣла Икона, во весь ростъ, Господа Вседержителя, а передъ Иконой висѣла лампада трехъ стаканная, а внизу былъ шпиль остроконечный, вѣсомъ около 5-6 фунтовъ. Во время чтенія Апостола сидѣлъ Владыка подъ лампадой на стулѣ, а во время чтенія Евангелія тутъ же стоялъ. Вотъ прочелъ Евангеліе протодьяконъ — и Владыка отошелъ отъ своего мѣста. Не успѣлъ благословить трикиріемъ — какъ рухнула лампада. И свалилась лампада не на бокъ, а вонзилась концомъ въ половыя доски. Не чудо ли? Если бы Владыка стоялъ на этомъ мѣстѣ, шпиль вонзился бы ему въ голову. Мы, служащіе, всѣ поблѣднѣли — поняли, какое чудо свершилось!

Владыка Мелетій никогда никому не мстилъ. Въ Якутскѣ вообще къ пришлымъ изъ Россіи относились не особенно дружелюбно

— чѣмъ это объяснить, не знаю. Былъ одинъ протоіерей въ городѣ заслуженный, грудь вся въ орденахъ (можно сказать его имя, умершій онъ уже — Михаилъ Протопоповъ). Тюремный онъ былъ священникъ. Что-то не понравилось ему во Владыкѣ, и онъ написалъ на него въ Синодъ жалобу. Синодъ жалобу прислалъ Владыкѣ. Всѣмъ стало извѣстно, что жалоба пришла обратно. Ждутъ — что-то будетъ. Владыка не вызываетъ виновнаго. Не стерпѣлъ жалобщикъ — самъ пришелъ къ Владыкѣ. Мы, келейники, навострили уши — что-то будетъ! Владыка принялъ его съ честью. Облобызались, усѣлись. Владыка хотя бы словомъ упомянулъ о жалобѣ. Поговорили. Владыка его проводилъ, какъ почетнаго гостя. Было и другое дѣло. Одинъ, кого Владыка возвысилъ и кого уважалъ — задумалъ перевести Владыку съ Подворія въ мужской монастырь: Благовѣщенская церковь не его дѣло, его дѣло — епархія! Нашлась такая кучка — собирались они и послали о томъ прошеніе Вл. Виктору въ Пекинъ. Переводъ состоялся. Владыка Мелетій отъ обиды заплакалъ. Но собрался уже переѣхать, а меня назначилъ временнымъ секретаремъ. Но въ это дѣло вмѣшался одинъ прихожанинъ, лично поѣхалъ къ архіеп. Виктору и все объяснилъ, прося отмѣнить рѣшеніе. Владыка Викторъ тутъ же отмѣнилъ свою резолюцію телеграммой. И что же! Владыка ни слова не сказалъ бунтарямъ — какъ будто ничего и не было! Таковъ былъ Владыка!

Въ 1938 году Владыка съѣздилъ въ Сремски Карловцы на Заграничный Соборъ. По пути былъ въ Іерусалимѣ и у всѣхъ Палестинскихъ святынь. Побывалъ и на Аѳонѣ, въ монастыряхъ тамъ. Понравились ему Аѳонскіе старцы.

По возвращеніи въ Харбинъ, сталъ Владыка прихварывать. Начало болѣзни, будто, возникло 6 января, когда Владыка простудился на водосвятіи и на Іордани. Врачи это отрицали. Владыка не поддавался, служилъ, работалъ, управлялъ епархіей. Поправился Владыка. Въ это время шла постройка полнымъ темпомъ Благовѣщенскаго храма. Владыка говорилъ: — Далъ бы Богъ достроить храмъ — хоть бы одну литургію отслужить. Построили храмъ, освятили, и Владыка служилъ въ этомъ храмѣ не одну литургію, а цѣлыхъ три года.

Въ это время японцы подняли вопросъ о поклоненіи богинѣ Аматерасу — всѣ должны кланяться въ сторону храма этой богини. Когда этотъ вопросъ сталъ оффиціально, Владыка собралъ всѣхъ архипастырей: архіеп. Нестора, еп. Димитрія и еп. Ювеналія. Въ указанное время прибыли еп. Димитрій и еп. Ювеналій. Архіеп. Несторъ не пріѣхалъ. Прибыли и японскіе представители съ переводчиками. Больной Владыка сидѣлъ въ креслѣ семь часовъ безъ перерыва. Ни къ чему не пришли въ это засѣданіе. Такъ собирались неоднократно. Владыка говорилъ мало, на все отвѣчалъ кратко, точно, въ нѣсколькихъ словахъ — неизмѣнно отрицательно. Часто говорилъ еп.

Димитрій — говорилъ нервно, иногда своимъ хриплымъ голосомъ какъ бы кричалъ. Японцы ему въ отвѣтъ: — Вы хотите драться — ну что же будемъ драться. Владыка имъ: — Не драться; драться мы не будемъ, но я Вамъ говорю, что мы христіане, не кланяемся идоламъ, истуканамъ. Не разъ были такія встрѣчи съ японцами, они сидѣли по три, четыре, до семи часовъ — въ общей сложности всего 47 часовъ. И Владыка все время сидѣлъ. Но ничего такъ и не добились японцы. Послѣдній разъ японцы сказали Владыкѣ: — Вы здѣсь старшій, Вы руководитель, на Васъ смотрятъ русскіе, Вы должны первый кланяться богинѣ Аматерасу. Это было въ пятницу. Въ понедѣльникъ, сказали, мы пріѣдемъ за отвѣтомъ.

На этотъ день были приглашены архипастыри. Всѣ прибыли, кромѣ архіеп. Нестора, который такъ ни разу и не былъ. Прибыли и японскіе представители. А наши отцы еще раньше постановили, что пусть насъ вышлютъ въ Союзъ, а мы кланяться не будемъ. Японцы получили отвѣтъ — и только развели руками, уразумѣвъ, что архипастыри стоятъ твердо. Интересно отмѣтить, что все время слѣдили за ходомъ переговоровъ мѣстные евреи, — они восхищались архіерейской твердостью и хвалили еп. Мелетія.

Приведемъ текстъ архипастырскаго посланія, выпущеннаго отъ имени митрополита Мелетія, епископа Димитрія и еп. Ювеналія (архіеп. Нестору оно послано было на подпись, но возвратилось неподписаннымъ), по поводу поклоненія богинѣ Аматерасу. Это посланіе не было прочтено со всѣхъ амвоновъ, но стало достаточно широко извѣстнымъ и, во всякомъ случаѣ, побудило японцевъ не проявлять суровой требовательности при совершеніи поклоненій въ сторону храма Аматерасу: голосъ Црквн прозвучалъ достаточно внятно.

АРХИПАСТЫРСКОЕ ПОСЛАНІЕ ПРАВОСЛАВНОМУ ДУХОВЕСТВУ И МІРЯНАМЪ ХАРБИНСКОЙ ЕПАРХІИ.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Возлюбленные во Христѣ чада и братіе.

Въ теченіе 22-хъ лѣтняго своего существованія наша Харбинская епархія по милости Божіей пользовалась тишиной и миромъ во внутренней свой жизни, и вѣрующіе христіане, пребывающіе здѣсь, за всѣ невзгоды, какія претерпѣли у себя на родинѣ, награждались особымъ миромъ и спокойствіемъ: церкви умножались, приходы устроялись, и вся церковная жизнь шла по указаніямъ соборнаго опредѣленія 1917-18 г.г.

Но вотъ въ недавнее время появились тревожные признаки внутренняго неспокойствія, раздоровъ, а быть можетъ и раскола.

Дѣло въ томъ, что по порядку государственной жизни въ извѣст-

ное время считается обязательнымъ дѣлать поклоненія. Нѣкоторые изъ нихъ русскими православными христіанами, какъ не противорѣчащіе внутреннему убѣжденію ихъ, совершаются добровольно и охотно. Къ таковымъ относятся молитвы за Императора, страну и правителей, согласно наставленія ап. Павла, а также поклоненіе государственнымъ флагамъ и въ сторону резиденцій Императоровъ Ниппонъ и Маньчжу-Ди-Го, какъ почтеніе и уваженіе государственной власти.

Въ недавнее же время въ ознаменованіе государственныхъ событій были построены особые храмы (Дзиндзя, Кенкоку Синбіо), посвященные богинѣ Аматерасу Оомиками, какъ объ этомъ говорится въ оффиціальныхъ изданіяхъ. Поклоненіе въ сторону этихъ храмовъ съ этого времени стало считаться также обязательнымъ и для православныхъ русскихъ эмигрантовъ.

Вопросъ этотъ, весьма важный для душевнаго мира и внѣшняго спокойствія русскихъ православныхъ людей, обсуждался довольно продолжительное время въ руководящихъ кругахъ Харбинской епархіи и въ Миссіонерскомъ Совѣтѣ и получилъ опредѣленное и для вѣрующихъ русскихъ людей авторитетное рѣшеніе. Такъ какъ всякаго рода поклоненія иновѣрнымъ божествамъ и храмамъ запрещены заповѣдями Божіими: «Да не будутъ тебѣ боги — иные, кромѣ Меня» и «не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія, елика на небеси горѣ, елика на земли низу, елика въ водахъ подъ землею, да не поклонишися имъ и не послужиши имъ», — то православные христіане, послушные Волѣ Божіей и Закону Его, не могутъ и не должны совершать этого поклоненія, ибо таковыя поклоненія противорѣчать основнымъ положеніямъ Православной Вѣры.

Объ освобожденіи отъ этого рода поклоненій мѣстной государственной власти было подано особое ходатайство за собственноручной подписью всѣхъ четырехъ проживающихъ въ Харбинѣ іерарховъ во главѣ съ правящимъ епархіей Владыкой Митрополитомъ Мелетіемъ, что должно почитаться голосомъ всей мѣстной Харбинской Православной Церкви.

Вопреки этому взгляду Православной Харбинской Церкви о недозволительности поклоненія храмамъ, посвященнымъ языческой богинѣ Аматерасу Ооками, — нѣкоторые изъ православныхъ христіанъ и даже пресвитерскаго сана высказываютъ мнѣніе о возможности такихъ поклоненій и совершаютъ ихъ.

Выражая свое глубокое сожалѣніе о такомъ заблужденіи, въ своей сущности явно противорѣчащемъ прямой заповѣди Божіей и ученію Православной Церкви, — обращаемъ къ вамъ, возлюбленные во Христѣ чада и братіе, архипастырскій свой призывъ быть единомысленными и единодушными со своими іерархами, дабы не стать отступниками отъ Православной Вѣры.

Да будутъ вамъ, возлюбленные чада и братіе, укрѣпленіемъ въ

вашихъ испытаніяхъ слова апостола Павла: «Стойте въ вѣрѣ, мужайтесь, утверждайтеся» (1 Кор. 16, 13). Мы молимъ Господа о дарованіи вамъ терпѣнія и силъ до послѣдняго издыханія сохранять и исповѣдывать Святую Православную Вѣру. Да ниспошлетъ вамъ Господь руку помощи, да возвеселитъ и утѣшитъ васъ Благодатію Святаго Духа.

Русскіе православные люди, будемъ безропотно и смиренно переносить ниспосылаемыя намъ всякаго рода испытанія. Будемъ взирать на подвигъ святыхъ угодниковъ Божіихъ, которые всѣмъ жертвовали въ своемъ стояніи за Святую Православную Вѣру. И да утвердитъ Господь всѣхъ насъ даже и до смерти въ твердомъ и неукоризненномъ исповѣданіи Православной Вѣры нашей въ Господа Іисуса Христа и въ святой и вѣчный Законъ Его и въ покорномъ послушаніи голосу Святой Его Православной Церкви.

Благодать Господа нашего Іисуса Христа и любовь наша со всѣми вами во Христѣ Іисусѣ. Аминь.

1944 г. Января 30 дня ст. ст. — день памяти Вселенскихъ великихъ учителей и Святителей Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго.

Подлинное имѣетъ подписи:

Мелетій, Митрополитъ Харбинскій и Маньчжурскій
Димитрій, Епископъ Хайларскій
Ювеналій, Епископъ Цицикарскій.

Тѣмъ временемъ здоровье Владыка ухудшалось. По праздникамъ Владыка бывалъ въ церкви и пріобщался Святыхъ Тайнъ. У него отнялись ноги, и его возили въ храмъ въ коляскѣ, а потомъ, когда нельзя было возить въ коляскѣ — духовникъ приносилъ къ нему Св. Тайны на квартиру. Тамъ Владыка исповѣдывался и пріобщался.

Инициаторомъ постройки новаго храма на Подворьѣ Пекинской Миссіи былъ не Владыка Мелетій, а игуменъ Іосифъ, который прибылъ въ Харбинъ въ 1922 г. О. Іосифъ ученикъ великаго старца Варлаама Бѣлогорскаго монастыря, Пермской губ. Скажу нѣсколько словъ объ этомъ старцѣ. Онъ былъ старообрядецъ скитскаго толка. Не удовлетворялся онъ старообрядческимъ вѣроученіемъ, а ходилъ по всѣмъ часовнямъ, скитамъ — искалъ Истину. Побывалъ и на Рогожскомъ кладбищѣ въ Москвѣ и въ монастыряхъ старообрядческихъ. Бывалъ и въ православныхъ монастыряхъ. Всѣ хвалятъ свое вѣроисповѣданіе... Послѣднимъ мѣстомъ его посѣщенія былъ Высокопетровскій православный монастырь въ Москвѣ. Вотъ сидитъ онъ у вратъ монастыря, а душа его мятется, ищетъ истину. Наконецъ, взмолился онъ ко Господу Богу такими словами: «Господи, укажи мнѣ Истину! Если православная вѣра истинная — то полей наши поля дождемъ!» А когда онъ уходилъ изъ села, то дождя не было и напали черви и лежала земля совершенно черная отъ бездождія. «Если

прольется дождь — я приму Православіе». Возвращается Варлаамъ въ свое село — и что же? Подъѣжаетъ къ селу, а земля такая зеленая — просто красота. И Варлаамъ принялъ Православіе. Сталъ онъ священникомъ, игуменомъ, архимандритомъ — сталъ великимъ чудотворцемъ. Жизнь кончилъ мученически. Большевики его взяли, связали руки и ноги и спустили въ Каму, въ прорубь... О. Іосифъ бѣжалъ изъ Бѣлогорскаго монастыря. Бѣжали вдвоемъ — имѣлъ онъ еще спутника. Ночью шли, днемъ укрывались. Такъ дошли до насъ. Въ Читѣ они прямо зашли въ церковь Женскаго монастыря. Было время литургіи. Стоятъ въ церкви, молятся. Въ это время проживалъ около монастыря, такъ саженяхъ въ 50-60, въ домѣ своихъ родителей, молодой человѣкъ Николай Богатыревъ. Былъ онъ юродивый. Было ему около 30 лѣтъ. Одѣвался онъ только, чтобы прикрыть наготу, жилъ въ лѣтней кухнѣ; сидя спалъ въ большомъ котлѣ. Провидѣлъ будущее. Когда о. Іосифъ, придя въ Читу, стоялъ въ церкви женскаго монастыря, Николай говоритъ матери своей: — Иди въ церковь монастырскую и привѣтствуй двухъ странниковъ, которые тамъ стоятъ. Мать пошла въ храмъ. Тамъ привѣтствовала пришельцевъ. Этотъ юродивый не показывался на людяхъ, такъ что я его и не видѣлъ — да я и боялся его. Мнѣ разсказала его невѣстка, т. е. брата жена Николая. Ночью долженъ былъ быть обыскъ у Богатыревыхъ: конфисковать, что найдется. Николай пришелъ въ домъ, и что то хлопочетъ. Принесъ доски, гвоздей и началъ строить сусѣкъ, отъ косяка до ближайшей стѣны. Заколотилъ сусѣкъ и насыпалъ туда восемъ кульковъ крупчатки. Сусѣкъ замаскировалъ, чѣмъ попало. Пришли ночью большевики. Произвели обыскъ, мимо сусѣка проходили нѣсколько разъ, а сусѣка такъ и не замѣтили. И мука осталась цѣла.

Еще говорила мнѣ. Въ 12 часовъ Николай растворяетъ калитку, которая на улицу, и въ это время заходитъ въ домъ другая юродивая (жена милліонера), наша сосѣдка. И взялись за руки потанцовали въ залѣ, и разошлись по домамъ. Юродивую звать Александра, фамилію забылъ...

О. Іосифъ такъ и остался у насъ въ братіи. Владыка назначилъ его экономомъ монастыря. Человѣкъ онъ былъ очень опытный въ монастырской жизни. Онъ то и былъ иниціаторомъ постройки новаго храма. На постройкѣ храма храма рабочіе китайцы вставали на работу въ три часа. Такъ и о. Іосифъ съ трехъ часовъ толкался между ними до вечера — и такъ велъ постройку съ начала до конца. Былъ, конечно, организованъ и Строительный комитетъ — наблюдалъ и онъ.

Помню такой случай. Работали на постройкѣ китайцы. Имъ надо хоть немного, но постоянно платить — хлѣба купить, домой послать. А вотъ насталъ день, когда въ кассѣ ни гроша. Что дѣлать? Сидѣли Владыка и отецъ Іосифъ понурые — ничего придумать не могли. Нѣтъ денегъ! Значитъ, надо пріостановить работы — такъ и

сказали старшему. Владыка плачетъ... А тутъ вспомнилъ я. Года два назадъ, послалъ меня разъ Владыка въ мѣняльную лавку зачѣмъ то. И вотъ у забора вдругъ вижу — какая то бумажка лежитъ. Нагнулся, подобралъ. Смотрю — сто іенъ! Принесъ я ихъ домой, завернулъ въ бумажку, написалъ: «найдено тамъ-то, тогда-то», и положилъ у себя. Думаю сейчасъ — надо ихъ Владыкѣ отдать. Принесъ ему — онъ прямо расцвѣлъ. Позвалъ о. Іосифа. Радостный, говоритъ: «Есть деньги, будемъ строить!» Позвали китайца, и съ тѣхъ поръ уже не разу затрудненій такихъ не было — достроили до конца...

Владыка жилъ тихо. Никуда не ходилъ, сидѣлъ, служилъ, зналъ, какъ будто, только свои церковныя дѣла. Но знали его всѣ. Про евреевъ я уже кратко говорилъ. Вотъ и китайцы — какъ будто совсѣмъ замкнуто живутъ своей жизнью, но и они знали его, всѣ слѣдили за нимъ. Когда большевизмъ сталъ проникать постепенно, то китайцы говорили: пока Та-Лама живи, ничего, а его помирай — шибко здѣсь худо будетъ. Это китайское предсказаніе точно исполнилось. Съ приходомъ большевиковъ китайскіе нравы измѣнялись, разрушались. Вчера патріархальные китайцы становились неузнаваемы, не только по отношенію къ русскимъ, но и по отношенію къ своимъ. Такъ, что и послѣ смерти Владыки — поминали его. И не только простой народъ почиталъ Владыку, но и высшій слой... Приведу примѣръ, какъ китайцы уважали Владыку.

Въ Харбинѣ русскихъ прачешныхъ не было, а стирали китайцы. На Владыку, на меня и на другихъ келейниковъ стирали китайцы. Разъ, въ зимнее время, приходитъ нашъ китаецъ-прачка. Говоримъ, что бѣлья пока нѣтъ. А онъ говоритъ: — Нѣтъ моя хочу посмотрѣть. Чего смотрѣть? Говоритъ: — моя больше не работай, я старика, я хочу въ Чифу. Китайцы рабочіе были, большею частью, изъ Чифу, вотъ онъ и пришелъ прощаться съ Владыкой. Говоримъ, что «Лама отдыхай». Говоритъ: — моя жди. Владыко выходитъ въ 3 часа и китаецъ объяснился съ Владыкой, что онъ уѣзжаетъ въ Чифу. Простился съ Владыкой. Гдѣ то нашелъ онъ иконку преп. Серафима Саровскаго и передалъ Владыкѣ на память. Китаецъ чуть не плачетъ, что видитъ Владыку послѣдній разъ. Этого китайца мы тоже уважали, онъ всегда чистенькій, у него дѣтская улыбка и весьма честный человѣкъ, уѣхалъ, и мы его больше не видѣли. И говорилъ китаецъ про Владыку, «его шибко хорошій человѣкъ».

А вотъ что было разъ при большевикахъ.

Въ 1945 г., когда царствовали въ Харбинѣ большевики, пришелъ одинъ старшій лейтенантъ. Видя его у насъ, я вздрогнулъ — испугался. Заговорилъ онъ важнымъ тономъ, не торопясь: «Мнѣ бы хотѣлось посмотрѣть у васъ церковь». Я согласился открыть для него церковь и повести его туда. А онъ тутъ закурилъ — я подумалъ: не закурилъ ли онъ демонстративно? Еще болѣе содрогнулся. Но, когда мы подошли къ дверямъ храма, онъ бросилъ папиросу. Войдя въ

церковь, перекрестился — и это хорошо, не торопясь, истово. Я ожилъ и сталъ разсказывать ему, какъ строился храмъ. Пожелалъ онъ посмотрѣть и старый храмъ — показалъ я ему и старый храмъ. А тутъ онъ спрашиваетъ — нельзя ли повидать Владыку. Я говорю — можно, только болѣетъ онъ. Потомъ говорю, у насъ такъ принято, что если кто входитъ къ Владыкѣ, то беретъ благословеніе, цѣлуетъ руку. Надо сказать: — Благословите, Владыко! Надо сложить при этомъ руки такъ, а потомъ поцѣловать руку благословляющую. Говоритъ — хорошо. Только я открылъ дверь къ Владыкѣ — а онъ уже говоритъ, и такъ отчетливо: — Благословите, Владыко! Владыка принялъ его ласково, поговорили они. Когда я провожалъ его, онъ говоритъ мнѣ: — Мы знаемъ архіерея Мелетія, кто онъ такой. Такъ говорили и въ консульствѣ. Думаю, что Владыка завоевалъ такую симпатію своей гуманностью — вѣдь онъ никому никогда грубаго слова не скажетъ, во всю свою жизнь никого никогда не оскорбилъ. Я часто надъ этимъ вопросомъ задумывался: вотъ человѣкъ родился гдѣ то въ захолустьѣ, въ маленькой деревушкѣ Сибири — 50-60 домовъ. И росъ онъ въ этой деревушкѣ. А сколько въ немъ было благородства! Разсказывалъ прот. о. Леонидъ, впослѣдствіи еп. Никандръ, что приходитъ онъ какъ то къ митрополиту Мелетію: сидятъ, разговариваютъ. А по привычкѣ прот. Леонидъ Викторовъ закинулъ ногу на ногу. Владыка это замѣтилъ и говоритъ ему такъ тихо, просто: — Это Вы, навѣрно, такъ привыкли сидѣть въ военной средѣ. «Я, говорилъ о. Леонидъ, прямо сгорѣлъ со стыда».

Выше я говорилъ, что Владыка мало самъ заговаривалъ, а на вопросы отвѣчалъ охотно. Къ нему приходили, ища успокоенія души, потрясенные какимъ либо горемъ, какимъ либо семейнымъ несчатьемъ. Такимъ Владыка говорилъ и утѣшалъ ихъ — наставлялъ, гдѣ найти утѣшеніе и какъ перести горе. Владыка былъ самъ искушаемъ, а потому могъ и искушаемымъ помощи. Послѣ потери матушки молодой священникъ, о. Михаилъ, вынесъ искушеніе, посланное отъ Бога, такъ крѣпко, что силенъ былъ и другимъ дать утѣшеніе. Владыка не забывалъ о своемъ горѣ, но боролся съ нимъ. Такъ, въ 1910 году, онъ съѣздилъ на родину. Не доѣзжая гор. Тюмени, говоритъ мнѣ: — Заѣзжай къ о. Ивану, настоятелю св. Ильинской церкви. А самъ отсталъ отъ меня и поѣхалъ на кладбище, гдѣ матушка почивала, и тамъ оставался одинъ. Черезъ нѣсколько часовъ пріѣзжаетъ, какъ будто ничего не переживалъ, а у самого глаза красные. Такъ Владыка не показывалъ своихъ переживаній и своихъ волненій. Побесѣдовавшій съ Владыкою горемычный уходилъ успокоенный и примиренный съ судьбою. Мнѣ какъ то сказалъ одинъ такой горемычный: «Меня спасъ Владыка Мелетій».

Кто же воспиталъ такого человѣка? Думаю — мать. Она была именно земной ангелъ, какъ говорили прихожане. Она все говорила обдуманно, не торопясь, и всегда со всѣми была привѣтлива, ласко-

ва. Мнѣ не разъ приходилось слышать, что такіе люди, какъ Владыка, раждаются разъ въ столѣтіе. Можетъ быть оно такъ и на самомъ дѣлѣ. Владыка Мелетій никогда не хвалился ни чѣмъ ни передъ кѣмъ. Бывало, приходятъ къ нему, просятъ помолиться: — Вы, Владыка, помолитесь обо мнѣ! Никогда не скажетъ Владыка: — Хорошо, помолюсь. А говоритъ: — Ну, помоги тебѣ Господь, молись! Никогда не говорилъ: — Я молюсь за тебя, молюсь каждый день, какъ многіе говорятъ. Владыка не хвалился и не показывалъ себя, что онъ молитвенникъ.

— Ну, ну, Богъ тебѣ поможетъ — такъ обычно отвѣчалъ Владыка на просьбу помолиться о немъ. И былъ Владыка воистину миротворителенъ. Одно его присутствіе умиротворяло смущеннаго человѣка. Часто приходящіе въ ограду церкви, проходя мимо квартиры Владыки, останавливались и полагали на себя крестное знаменіе, а нѣкоторые клали и земной поклонъ въ его сторону.

Когда бывали на родинѣ, Владыка любилъ служить въ родной своей церкви. Было трогательно на этой службѣ. Сынъ служитъ старшимъ, а отецъ младшимъ. Отецъ говоритъ возгласъ и кланяется сыну, какъ старшему, а сынъ отца благословляетъ. Отецъ подходитъ къ св. Престолу и говоритъ сыну: «Преподаждь ми недостойному протоіерею Василію св. Пречистое Тѣло Господа и Бога нашего Іисуса Христа», а сынъ отвѣчаетъ: «Святое Пречистое Тѣло преподается протоіерею Василію во оставленіе грѣховъ...»Нельзя было безъ слезъ смотрѣть... Придешь домой — столъ накрытъ скромно, но сытно. Кушаютъ молча. Отецъ говоритъ съ сыномъ. Всѣ остальные молчатъ, слушаютъ скромно. Вопросы задаетъ отецъ. Сынъ отвѣчаетъ вдумчиво, не торопясь. Обѣдъ конченъ, со стола убираютъ. Опять собираются вокругъ стола. Отецъ задаетъ вопросы. Сынъ отвѣчаетъ. Мать сидитъ молча, изрѣдка вставляетъ словечко вопроса. И сестры тоже сидятъ, каждая на своемъ мѣстѣ — и никогда ни слова. Какая патріархальность, какой уютъ! Неописуемый семейный уютъ. Когда погода благопріятствовала, выходили вмѣстѣ на прогулку по селу. Увидятъ, что батюшка гуляетъ со всей семьей — и мужики тоже выходятъ. Владыка всѣхъ зналъ по имени. А мужики по прежнему, по свойски: «А какъ, Михайло Васильевичъ, Вы поживаете?» И Владыка разспрашиваетъ, какъ кто — какъ у тебя сынокъ то Василій и Матвѣй — и разговоръ начинается. Сколько было радости въ домѣ, когда Владыка пріѣзжалъ къ родителямъ, сколько слезъ, когда онъ уѣзжалъ — тяжело даже писать.

Отецъ Владыки имѣлъ дома фисгармонію и пѣлъ всегда псалмы, играя на фисгармоніи. Пѣлъ баскомъ. Служилъ онъ инспекторомъ приходскихъ церковныхъ школъ — былъ строгій инспекторъ.

Владыку приглашали служить приходскіе священники. Владыка никогда не отказывалъ, служилъ. Приглашали также въ школы, въ началѣ учебнаго года, на молебенъ и на экзамены. Владыка всег-

да посѣщалъ, что весьма утруждало его. Онъ былъ многолѣтній педагогъ и любилъ это дѣло.

Бывало придемъ къ кому нибудь, и глава семьи начинаетъ похваливать своихъ дѣтей — вотъ-де мой сынъ очень хорошо учится, способный, послушный. Владыка молча слушаетъ. А когда ребенокъ удалится, говоритъ родителямъ: — Дѣтей въ глаза не хвалите, только ребенка этимъ портите.

Родная сестра Владыки Зоя Васильевна учительствовала въ родномъ селѣ. Въ числѣ учащихся были дѣти бѣдныхъ, не имѣли чѣмъ купить себѣ и тетради и карандаши. Такимъ дѣтямъ Владыка помогалъ чрезъ сестру. Помогалъ учащимся въ среднихъ школахъ. Но по своей скромности никогда не оглашалъ этого.

Владыка въ кельѣ своей не имѣлъ книгъ. Если ему нужно было, онъ просилъ у кого либо изъ своихъ близкихъ. Такъ, когда онъ болѣлъ, лежалъ въ постели, какъ то мнѣ говоритъ онъ: — Нѣтъ ли у насъ басней Крылова? Говорю: — Нѣтъ, но я найду. Пошелъ къ букинистамъ и нашелъ старое изданіе Крылова. Надо сказать, что Владыка читалъ ихъ съ любовью. Надо сказать, что басни Крылова были настольной книгой у іеросхимонаха Амвросія Оптинскаго, и онъ часто прочитывалъ оттуда приходящимъ въ назиданіе.

Одинъ разъ, вѣроятно, было это въ 1913 г., возвращались мы изъ родительскаго дома, прибыли въ село Покровское, гдѣ жилъ Распутинъ, Григорій Ефимовичъ. Здѣсь надо было перепрягать коней. Остановились мы, пока коней перемѣняли, въ домѣ Распутина, приняла насъ жена его, самого Распутина не было, жена ждала его съ минуты на минуту изъ Тюмени. Распутинъ ѣхалъ изъ Петербурга, за нимъ ѣздилъ сынъ его. Хозяйка усиленно предлагала Владыкѣ чаю, но онъ рѣшительно отказался. Мы выѣхали, доѣхали только до поскотина, подъѣхалъ Распутинъ на парѣ вороныхъ. Онъ усиленно просилъ Владыку возвратиться обратно на чай и хотѣлъ много разсказать про Петербургъ, но Владыка категорически отказался. Распутинъ отпустилъ сына домой, а самъ пѣшеходомъ проводилъ насъ съ версту и говорилъ съ Владыкой. Онъ говорилъ Владыкѣ — не холодно ли Вамъ въ Читѣ, я устрою Вамъ переводъ въ теплые края, хотя бы въ Тобольскъ, въ свои края. А Владыка: — нѣтъ, нѣтъ, мнѣ тамъ хорошо, никакого перевода не нужно. Затѣмъ, обернулся Распутинъ въ мою сторону и говоритъ Владыкѣ: — а это у тебя навѣрное хорошій человѣкъ. А Владыка въ отвѣтъ: — да, ничего. Сухо такъ отвѣтилъ. И мы разстались. Онъ вернулся пѣшкомъ домой, а мы въ Тюмень и въ Читу.

Въ 1917 году Владыка ѣздилъ, какъ епархіальный епископъ, на соборъ въ Москву. Послѣ первой сессіи были распущены члены Собора по епархіямъ на Рождественскіе праздники. Владыка сообщилъ отцу, что заѣдетъ къ родителямъ. Отецъ встрѣтилъ сына радушно. Послалъ зимнія одежды, катанки, шубы на собственныхъ своихъ ло-

шадяхъ. Прибыли въ родной домъ благополучно. Владыка служилъ въ родной церкви совмѣстно съ отцомъ и другими священниками. Прожили около недѣли. Собираться стали въ путь дорожку. Вотъ подали пару коней отцовскихъ. Владыка вышелъ изъ дому, помолившись дома. Занялъ мѣсто въ кошовѣ. Возлѣ кошовы стоитъ мать съ маленькой иконой св. Николая въ рукахъ, и все время благословляетъ сына. У Владыки изъ глазъ слезы ручьемъ, такъ и мать стоитъ возлѣ сына въ слезахъ. Отецъ еле на ногахъ стоитъ, въ слезахъ тоже. Сестры сгруппировались. Всѣ плачутъ. Видятся съ Владыкой послѣднiй разъ. Около 20-го года выгнали семью Владыки изъ собственнаго дома, а черезъ 2-3 года выслали неизвѣстно куда...

Владыка Мелетiй почти никогда не хворалъ. Когда же чувствовалъ онъ себя не совсѣмъ здоровымъ, то накидывалъ, сверхъ обычной одежды, легкую рясу и къ богослуженiю не выходилъ — я ужъ знаю, нездоровится Владыкѣ. Но не жаловался, а если спросишь о состоянiи здоровья, скажетъ: да, немнождо есть. И все тутъ. Къ врачамъ зря не обращался, не безпокоилъ людей. Но и не отвергалъ врачебной помощи. По прiѣздѣ въ Харбинъ былъ личнымъ его врачемъ докторъ А. В. Спасскiй, а послѣ его смерти Н. П. Голубевъ. Совѣты врача Владыка исполнялъ точно.

Какъ отмѣчено было выше, Владыка сталъ болѣть послѣ возвращенiя изъ Сремскихъ Карловцевъ. Дѣлами Владыка не переставалъ заниматься, какъ и продолжалъ служить въ любимомъ своемъ храмѣ. Послѣ 1941 года я сталъ замѣчать, что у Владыки трясутся руки, но онъ по прежнему ни на что не жаловался. Замѣтилъ это Н. П. Голубевъ, посовѣтовалъ провести лѣтнiй сезонъ для отдыха въ Циндао, а слѣдующее лѣто на епархiальной дачѣ около Харбина на рѣкѣ Ажихэ. Пользы это не принесло. Между тѣмъ, епархiальное управленiе осложнялось, и много было у Владыки непрiятностей, что не могло не отзываться на его сердцѣ. Болѣзнь прогрессировала. Въ концѣ 1944 года Н. П. Голубевъ собралъ консилiумъ. Опредѣлили у Владыки прогрессивный параличъ. Были приняты всѣ мѣры для того, чтобы поднять Владыку, но это не удалось.

Когда болѣзнь Владыки усилилась дежурили у него по ночамъ врачи и два фельдшера. Была и постоянная опытная сестра милосердiя.

Скончался Владыка безъ предсмертной агонiи, безъ всякаго мученiя, тихо, мирно, наканунѣ Благовѣщенiя, престольнаго праздника своего храма, въ 7 часовъ 15 минутъ утра. Была тогда у его ложа одна только сестра милосердiя. Она потомъ говорила, что надъ Владыкой было особое явленiе, котораго она никогда не замѣчала: надъ нимъ носилось какъ бы облако голубоватаго, небеснаго свѣта...

Многiе не вѣрили, что Владыка скончался, открыто высказывали свое сомнѣнiе. Пришлось вызвать врачей, которые констатировали смерть. Когда тѣло Владыки лежало въ храмѣ, много приходило

красноармейцевъ проститься, и такъ много ставили свѣчей, что не хватало мѣста на подсвѣчникахъ, и ставили большія свѣчи, фунтовики. Нѣкоторые говорили: «Мы знаемъ, кто былъ Владыка Мелетій».

Городъ былъ оповѣщенъ о кончинѣ Владыки 12 ударами, медленными, большого колокола.

*

* *

Въ заключеніе еще два личныхъ воспоминанія...

Я уже говорилъ, что Владыка Мелетій не любилъ оглашать своихъ добрыхъ дѣлъ, а творилъ ихъ молча. Около 1930 г. въ газетахъ появилась замѣтка, что въ Нахаловкѣ на такой то улицѣ, тамъ то, находится женщина съ новорожденнымъ младенцемъ — нуждается въ матеріальной помощи. Владыка прочелъ и говоритъ мнѣ — вотъ тебѣ адресъ, вотъ тебѣ деньги (не помню сколько) — отнеси. Я отыскалъ женщину, передалъ ей. Жила она на самомъ краю Нахаловки. Въ домѣ, повидимому, никто не проживалъ, домъ полуразрушенный, одна она тамъ, свѣта не было — полумракъ и днемъ. Вручая мнѣ деньги, Владыка сказалъ — никому ничего не говори...

А вотъ какъ я уѣхалъ, выѣхалъ изъ Харбина.

Въ 1957, 1958 и 1959 гг. я много подписей давалъ — поручительство на выѣздъ, а самъ не рѣшался. Наступилъ 1959 г. Служу я Божественную литургію. Приготовился, прочелъ положенное правило, иду въ церковь. Перекрестился трижды на востокъ, на иконы, подхожу къ склепу, гдѣ почиваютъ митр. Мелетій и архим. Іосифъ.

Помолился на этотъ разъ такъ: «Святителю, отче Мелетіе, преподобне отче Іосифе! Скажите мнѣ — какъ мнѣ быть: оставаться ли, уѣзжать ли — всѣ уѣзжаютъ...»

Прошелъ въ алтарь, совершилъ проскомидію, отслужилъ Божественную литургію. Молился о томъ же и за литургіей. Кончилась служба, день прошелъ, настала ночь. Помолившись, какъ обычно, легъ спать. Уснулъ какъ помнится, быстро. Сонъ. Сижу, будто, у себя въ кельѣ, заходитъ архим. Іосифъ и, не отходя отъ порога, говоритъ мнѣ: «Надо ѣхать, здѣсь слова Божія не будетъ». И сталъ невидимъ.

Черезъ недѣльку я подалъ на выѣздъ. Это было въ октябрѣ. Вызвали меня мѣсяцевъ черезъ пять, суббота то была, предложили выѣхать въ понедѣльникъ. Но я еще не оправился отъ болѣзни, воспаленіе легкихъ, и мой довѣренный похлопоталъ, и мнѣ разрѣшили выѣхать днемъ позже, во вторникъ. Если бы я не выѣхалъ въ этотъ день, мой выѣздной билетъ аннулировался бы. Я смогъ выѣхать. Во всемъ этомъ усматриваю, что мнѣ помогли выѣхать изъ Харбина митр. Мелетій и архим. Іосифъ, которые услышали мою молитву и такъ быстро отозвались на нее.

Архимандритъ Поликарпъ.

Христіанская миссія Россіи на Востокѣ.

СОСТОЯНІЕ СИБИРСКАГО ЦАРСТВА ВЪ ПОЛИТИЧЕСКОМЪ И ВЪ ЦЕРКОВНОМЪ ОТНОШЕНІИ ДО ОСНОВАНІЯ ВЪ НЕМЪ ЕПАРХІИ.

Покореніе Ермакомъ Сибири и его гибель. — Вторичное завоеваніе Сибири. — Движеніе русскихъ на Востокъ. — Востаніе сибирскихъ инородцевъ. — Стремленіе московскаго правительства утвердить русскую власть въ Сибири. — Построеніе городковъ и острожковъ. — Связь Сибири съ Москвою въ эпоху Смутнаго времени. — Сибирскіе инородцы, ихъ этнографическій составъ и религіозныя формы. — Отношеніе къ нимъ московскаго правительства. — Попеченіе царя Бориса Годунова объ устроеніи соціально-экономической жизни въ Сибири. — Заботы правительства объ удовлетвореніи религіозно-церковныхъ нуждъ русскихъ поселенцевъ въ Сибири при царяхъ Іоаннѣ Грозномъ, Θеодорѣ Іоанновичѣ, Борисѣ Годуновѣ и въ эпоху Смутнаго времени. — Построеніе церквей и монастырей. — Царскіе указы о вѣротерпимости къ религіознымъ вѣрованіямъ сибирскихъ инородцевъ и объ условіи ихъ крещенія. — Мѣры и способы, примѣняемые правительствомъ для привлеченія сибирскихъ инородцевъ въ Православную вѣру. — Заботы царскихъ воеводъ объ удовлетвореніи религіозныхъ и церковныхъ нуждъ русскаго населенія въ Сибири въ эпоху Смутнаго времени. — Сознаніе необходимости основанія самостоятельной епархіи.

Своими блестящими побѣдами, съ небольшой дружиною удалыхъ казаковъ, завоевавъ Сибирь до Тобола, Ермакъ не только далъ знать о томъ Строгановымъ, но также отослалъ царю Іоанну Грозному грамоту, въ которой писалъ, что его «бѣдные, опальные казаки, угрызаемые совѣстью, исполненные раскаянія, шли на смерть и присоединили знаменитую державу къ Россіи во имя Христа и Великаго государя, на вѣки вѣковъ, доколѣ Всевышній благоволитъ стоять міру»; что они ждутъ указа и воеводъ его: сдадутъ имъ царство Сибирское, и безъ всякихъ условій, «готовые умереть, или въ новыхъ подвигахъ чести, или на плахѣ, какъ будетъ ему угодно и Богу».

Съ этой грамотой поѣхалъ въ Москву сподвижникъ Ермака Иванъ Кольцо «съ товарищами», «бить челомъ» Іоанну царствомъ Сибирскимъ, драгоцѣнными соболями, черными лисицами и бобрами.

Давно, пишутъ лѣтописи, не бывало такого веселія въ Москвѣ унылой: Государь и народъ воспрянули духомъ. Слова: «новое цар-

ство послалъ Богъ Россіи» съ живѣйшей радостью повторялись во дворцѣ и на Красной площади. Звонили въ колокола, пѣли молебны благодарственные, какъ въ счастливыя времена завоеваній царствъ Казанскаго и Астраханскаго.

Молва увеличивала славу подвига: говорили о безчисленныхъ воинствахъ, разбитыхъ казаками, о множествѣ народовъ, ими покоренныхъ, о несмѣтномъ богатствѣ, ими найденномъ. Казалось, что Сибирь тогда упала только сейчасъ съ неба для Россіянъ: забыли ея давнюю извѣстность и самое подданство, чтобы тѣмъ болѣе возславить Ермака. Опала обратилась въ честь: «оглашенный преступникъ», Иванъ Кольцо слышалъ милость, хвалу и имя славнаго витязя, атамана Ермака. Государь жаловалъ его и другихъ сибирскихъ пословъ деньгами, сукнами, камками.

Между тѣмъ, Ермакъ и его казаки успѣли завести торговлю съ отдаленными азіатскими странами, издревле славившимися богатствомъ и купечествомъ. Караваны ходили сквозь степи Киргизъ-Кайсаковъ, оживляя пустынную сибирскую столицу бойко торгующими ярмарками.

Такъ продолжалось не долго. Счастье Ермаку измѣнило. Наступило время бѣдствій.

Открылась жестокая цынга. Занемогли стрѣльцы, посланные Іоанномъ Грознымъ, во главѣ съ княземъ Симеономъ Димитріевичемъ Боховскимъ и съ Иваномъ Глуховымъ, на подмогу Ермаку, въ количествѣ 500 человѣкъ, а отъ нихъ и казаки. Многіе лишились силъ, а многіе и жизни.

Зимою возникъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ: страшные морозы, вьюги и мятели, препятствуя казакамъ ловить звѣрей и рыбу, мѣшали и доставкѣ изъ сосѣднихъ юртовъ, , гдѣ нѣкоторые жители занимались скуднымъ хлѣбопашествомъ. Наступилъ голодъ. Болѣзнь усилилась, люди гибли ежедневно. Въ числѣ многихъ другихъ умеръ воевода царскій, князь Болховской.

Лишившись, можетъ быть, половины воиновъ отъ болѣзни и голода, Ермакъ потерпѣлъ еще больше отъ легковѣрія и отъ неосторожности самихъ казаковъ.

Нѣкій Карача, хитрый и коварный князь, или мурза, имѣвшій многолюдный улусъ, вознамѣрился освободить Сибирь отъ русскаго владычества. Онъ ждалъ удобнаго случая и слѣдилъ за казаками, имѣя многочисленныхъ лазутчиковъ. Однажды онъ прислалъ пословъ съ богатыми дарами въ Искеръ, гдѣ спокойно и мирно жилъ Ермакъ со своей дружиною, отдыхая послѣ послѣднихъ побѣдъ. Карача просилъ защиты отъ будто бы намѣревавшихся на него напасть ногайцевъ. Онъ клялся въ вѣрности. Ермакъ отпустилъ къ нему сорокъ казаковъ съ атаманомъ Иваномъ Кольцо. Горсть казаковъ отправлялась къ мнимымъ друзьямъ безъ опасенія. Карача же, устроивъ ловушку, всѣхъ перерѣзалъ. Въ синодикѣ Тобольскаго собора, составленномъ

первымъ архіепископомъ Кипріаномъ, убіеніе Ивана Кольцо отмѣчено 17-мъ числомъ апрѣля мѣсяца. Случилось то въ 1583-мъ или 1584-мъ году. Послѣдствіемъ гибели этихъ казаковъ быто то, что произошелъ мятежъ и среди данниковъ Ермака: татары и остяки убили въ разъѣздѣ атамана Якова Михайлова, соединились съ Карачею и стали необозримыми обозами вокругъ Искера, пытаясь взять городъ изморомъ. Тяжелое положеніе казаковъ заставило ихъ рѣшиться на отчаянное дѣло.

12-го іюня, ночью, оставивъ Ермака блюсти крѣпость, казаки прокрались, съ атаманомъ Матвѣемъ Мещерякомъ, сквозь непріятельскіе обозы и напали на станъ Карача. Разгромъ былъ полный. Карача едва убѣжалъ съ малымъ числомъ людей. Казаки возвратились въ освобожденный ими городъ, и окрестныя селенія и юрты снова стали данниками русскихъ.

Но вотъ, Ермакъ, ожидая бухарскихъ купцовъ, узналъ, что изгнанный имъ царь Кучюмъ снова появился, и его люди не даютъ дороги въ степи Вагайской. Ермакъ рѣшилъ съ ними встрѣтиться. Не найдя ни каравановъ, ни слѣдовъ непріятеля, онъ расположился ночевать въ шатрахъ на берегу рѣки Иртыша.

Ермакъ зналъ о близкомъ присутствіи царя Кучюма, но этому не придавалъ особаго значенія. Не поставивъ охраны и ночной стражи, онъ мирно заснулъ со своими казаками. Непріятель не дремалъ. Царь Кучюма, узнавъ черезъ лазутчиковъ о такой безпечности, ночью 5-го августа прокрался въ шатры Ермака и всѣхъ перерѣзалъ, кромѣ двухъ: одинъ бѣжалъ въ Искеръ, а другой, самъ Ермакъ, пробужденный звукомъ мечей и стономъ раненыхъ казаковъ, махомъ своей сабли пробилъ себѣ дорогу и бросился въ бурный и глубокій Иртышъ, надѣясь доплыть до своихъ лодокъ. Это ему не удалось. Отягченный желѣзной кольчугой, подаренной ему царемъ Грознымъ, Ермакъ утонулъ.

Вѣсть о гибели Ермака привела въ уныніе русскихъ, жившихъ, въ Сибири: по лѣтописи, ихъ было около ста пятидесяти, казаковъ и воиновъ московскихъ, вмѣстѣ съ остатками иноземной Строгановской дружины, подъ главнымъ начальствомъ атамана Матвѣя Мещеряка. Казалось, все кончено. Оставалось одно: бѣжать въ Россію отъ Кучюма и Карачи. «Оставшіе казаки, повѣствуетъ Есиповская лѣтопись, изыдоша изъ града съ воеводою, и убрався со всякими запасы въ струги, и поплыша внизъ рѣки Иртыша, и великою рѣкою Обью черезъ Камень бѣжа къ Руси».

Однако, волны Иртыша, если поглотили тѣло Ермака, то онѣ не смогли поглотить, ни славы его, ни Ермаковаго дѣла. Слова славнаго атамана, что Сибирь подарена русскому государству «на вѣки вѣчные», остались въ полной силѣ. Сибирь была возвращена Россіи въ царствованіе сына Іоанна Грознаго, Θеодора Іоанновича.

Не зная о гибели Ермака, но зная, что его военныя силы уменьшились отъ болѣзней и голода, Московское правительство послало въ Сибирь воеводу Ивана Мансурова съ отрядомъ стрѣльцовъ, а вслѣдъ за ними и другихъ: Василія Сукина, Ивана Мяснаго, Данилу Чулкова съ знатнымъ числомъ ратныхъ людей и съ огнестрѣльными снарядами.

Воевода Иванъ Мансуровъ первый встрѣтилъ атамана Матвѣя Мещеряка съ остатками Ермаковыхъ казаковъ на рѣкѣ Турѣ. «Добліе казаки ожили радостью», отмѣчаетъ лѣтопись. Исполнившись мужествомъ и надеждою, возвратились они назадъ и снова бросились въ бой, пробиваясь къ рѣкѣ Толѣ, чтобы обратно взять сибирскую столицу Искеръ. Это имъ не удалось. Тамъ властвовалъ теперь не старецъ Кучюмъ, а совсѣмъ еще молодой мудрый князь Сейдакъ, его вчерашній побѣдитель. Узнавъ о новомъ наступленіи казаковъ, смѣлый и энергичный князь съ многочисленнымъ войскомъ сталъ на берегу Иртыша, готовый къ сильному бою.

Казаки предложили воеводѣ Мансурову плыть далѣе Иртыша, не смотря на плохую осеннюю погоду. Тамъ, гдѣ эта рѣка впадаетъ въ Обь, они построили деревянную крѣпость. Воеводы же Сукинъ и Мясной остановились на берегу Туры, гдѣ, на мѣстѣ городка Чингія, основали нынѣшній Тюмень, а Данило Чулковъ заложилъ Тобольскъ (1587 г.) и въ немъ построилъ первую православную Церковь.

Извѣстивъ объ этомъ воеводу Мансурова и атамана Мещеряка, Чулковъ соединился съ ними, разбилъ князя Сейдяка, дерзнувшаго приступить къ Тобольской крѣпости, взялъ его, раненаго, въ плѣнъ, захватилъ весь его обозъ и все его богатство и этою побѣдою, которая стоила жизни послѣднему Ермаковому атаману, Никитѣ Мещеряку, довершилъ паденіе Ногайскаго иртышкаго царства, а съ нимъ и всей Сибири. Сибирская столица Искеръ опустѣла. Столицей Сибири вскорѣ сталъ Тобольскъ.

Завоевать Сибирь было, однако, легче, чѣмъ удержать ее. Старый Кучюмъ и его потомки продолжали борьбу, а мѣстные инородцы не хотѣли подволить себя подъ «высокую руку московскаго государя» и вносить ему «ясакъ», подымая возстанія.

Царь Θеодоръ Іоанновичъ предлагалъ Кучюму жалованіе, города и волости въ Россіи и даже обѣщалъ оставить его царемъ въ Сибирской землѣ, пусть только онъ съ покорностью явится въ Москву. О томъ же писалъ отцу его плѣненный сынъ Абдулъ-Хаиръ, славя великодушіе русскаго царя. Гордый Кучюмъ отвѣчалъ: «Я не уступалъ Ермаку Сибири, хотя онъ и взялъ ее. Желая мира, требую иртышскаго берега». Поэтому весь этотъ періодъ можно еще считать завоевательнымъ. Русскіе немало прилагали силъ и немало пролили крови, чтобы укрѣпить на вѣчныя времена за Россіей Сибирь, вопреки мнѣнію И. С. Аксакова, будто русскимъ досталась Сибирь съ

ея неисчислимыми богатствами «за мѣдные гроши, безъ малѣйшей растраты силъ».

Какой она досталась цѣною русской крови, объ этомъ свидѣтельстуетъ извѣстный сибирскій историкъ П. А. Словцовъ. Въ своемъ «Историческомъ Обозрѣніи Сибири» онъ приводитъ изъ года въ годъ возникавшія возстанія.

Такъ, въ 1605-мъ году березовскіе остяки намѣревались разрушить городъ Березовъ. Въ томъ же году калмыки разорили расположенное на рѣкѣ Иртышѣ въ татарскомъ округѣ русское поселеніе. Въ 1607-мъ году годоръ Березовъ вторично подвергся опасности, на этотъ разъ со стороны пельмскихъ вогуловъ, сговорившихся съ сургутскими остяками и самоѣдами разорить этотъ городъ, но заговоръ ихъ былъ своевременно раскрытъ русскими властями. Въ 1606-мъ году взбунтовались нарымскіе и котскіе инородцы. Въ слѣдующемъ году вогулы и татары, надѣясь на помощь калмыковъ, пытались разрушить Тюмень. Въ 1610-мъ году ногайскіе татары напали на тюменьскій округъ въ окрестностяхъ Исети. Въ 1612-мъ году вогулы, утверждая, что въ Россіи нѣтъ больше царя, и не желая поэтому больше подчиняться русскимъ властямъ, еще разъ пытались сжечь городъ Пелымъ, и только благодаря помощи казаковъ, тамошнему воеводѣ удалось съ ними справиться.

Но и послѣ Смутнаго времени, когда въ Россіи установилась государственная власть, сибирскіе инородцы продолжали возставать.

Такъ, въ 1614-мъ году ногайскіе татары дѣлали набѣгъ на Алатырь. Въ 1616-мъ году сургутскіе остяки убили 30 русскихъ казаковъ Въ 1622-мъ году киргизы разорили томскій округъ.

Мало этого. Историческіе документы отмѣчаютъ, что не только въ царствованіе Алексѣя Михайловича, но и при сынѣ его, Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, продолжались возстанія и набѣги на русскіе города. Башкиры постоянно безпокоили предѣлы Западной Сибири, а въ Восточной возмутились якуты и тунгусы, платившіе ясакъ. Впрочемъ, это послѣднее возмущеніе вызвали грабительствомъ и насиліемъ сами сибирскіе воеводы и служилые люди. Это возмущеніе было укрощено не малыми усиліями русскихъ.

Ведя постоянную борьбу съ возстаніями и набѣгами, московское правительство посылало въ Сибирь воеводу за воеводой, которые, отвоевывая стратегическіе пункты, стали ихъ укрѣплять построеніемъ городковъ и острожковъ, что было тогда главнымъ средствомъ для утвержденія русской власти въ Сибири.

Такъ, въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, возникъ въ Сибири цѣлый рядъ русскихъ городковъ. Кромѣ Тюмени и Тобольска, построенныхъ царскими воеводами, о чемъ мы уже говорили, тогда же, возникли, въ 1592-мъ году, города Березовъ и Сугрутъ, въ 1594-мъ Тара, въ 1596-мъ — Нарымъ, въ 1598-мъ — Пелымъ, основанный княземъ Горчаковымъ.

Въ царствованіе Бориса Годунова (1598-1605), возникъ рядъ русскихъ городовъ, какъ напримѣръ, Верхотурье въ 1598 г., и Туринскъ въ 1600-мъ году, основанный воеводою Иваномъ Лихаревымъ на мѣстѣ татарскаго городка Епанчина, близъ котораго Ермакъ разбилъ татаръ. Въ 1601-мъ году построена была Магазея, въ 1604-мъ году Томскъ.

Съ построеніемъ въ Сибири городовъ, строились и православные храмы, о которыхъ заботливо пеклись московскіе цари, посылая въ Сибирь церковную утварь и другіе предметы религіозно-церковнаго обихода. Съ наступленіемъ Смутнаго времени, заботы о сибирской церкви московскаго правительства временно прекратились и перешли въ руки сибирскихъ воеводъ. Но связь Сибири съ Москвою не прерывалась, и тамошнее русское населеніе, живо воспринимало тогдашнія событія.

Такъ, захвативъ въ 1605-мъ году Москву, лже-Димитрій І-й извѣщаетъ Сибирь о своемъ «воцареніи». О томъ посылаетъ грамоту ставленникъ Самозванца лже-митрополитъ Исидоръ. Къ Сибири обращается съ грамотою и князь Пожарскій, увѣдомляя сибиряковъ о новгородскихъ дѣлахъ и требуя отъ сибиряковъ присылки выборныхъ людей для совѣта относительно избранія на Московскій престолъ шведскаго королевича.

Насколько живо реагировало русское населеніе Сибири на тогдашнія событія, можно судить по перепискѣ между сибирскими воеводами. Въ іюлѣ 1614-го года тюменскій воевода Матвѣй Годуновъ сообщалъ воеводѣ туринскому Петру Григорьевичу Желябужскому о полученіи имъ письма отъ князя Бориса Хилкова объ окруженіи въ Астрахани бунтовщика Ивашки Заруцкаго и о готовности его сдаться государственнымъ воеводамъ и выдать сообщниковъ. «И тебѣ, господине, — писалъ Годуновъ, — тѣ вѣсти были вѣдомы, и на Верхотурье и на Пелымъ про тѣ вѣсти отъ себя отписать, чтобы имъ тѣ вѣсти были вѣдомы». Въ августѣ того же года, Годуновъ Желябужскому сообщалъ уже «о покореніи бояриномъ и воеводою княземъ Иваномъ Никитичемъ Одоевскимъ Астрахани и о побѣдѣ надъ бунтовщикомъ Ивашкою Заруцкимъ съ Маринкою на Каспійскомъ морѣ».

Увѣдомляя въ сентябрѣ 1614-го года о привезеніи въ Астрахань пойманныхъ Ивашку Заруцкаго вмѣстѣ съ Маринкою и ея сыномъ и съ чернецомъ Николаемъ, Годуновъ писалъ: «И мы, господине, слыша такую неизреченную милость Божію, воздали хвалу всесильному въ Троицѣ славимому Богу въ соборной церкви и по всѣмъ церквамъ пѣли молебны со звономъ... и тебѣ бы, господине, по тому же велѣть по всѣмъ церквамъ пѣти молебны со звономъ...»

По словамъ Н. А. Абрамова, сибирскіе правители не поддавались ни слухамъ, ни внутреннимъ или внѣшнимъ покушеніямъ, а единодушно пребывали въ вѣрности престолу и отечеству.

Въ 1612-мъ году, когда получено было окружное посланіе князей Трубецкого и Пожарскаго объ очищеніи Москвы отъ враговъ отечества, Сибирь воздала хвалу Богу и пѣла молебствія во всѣхъ храмахъ по три дня съ колокольнымъ звономъ.

Запись Московскаго Земскаго Собора отъ 6-го февраля 1613-го года объ избраніи Михаила Өеодоровича на царскій престолъ вызвала въ Сибири неописуемую радость.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ объ племенномъ составѣ Сибири и объ религіозномъ ея обликѣ.

Сибирскихъ инородцевъ, въ племенномъ отношеніи, обыкновенно раздѣляютъ на три группы — финскую, монгольскую и тюрко-татарскую. Югъ и Востокъ Сибири наполняютъ племена монгольскія — киргизы, калмыки, бурята, тунгусы, якуты, чукчи, коряки, камчадалы и разные при-амурскіе народцы; Западъ и Юго-Западъ Сибири заселенъ преимущественно татарскими племенами. Финскія же племена — вогулы, остяки, самоѣды — сосредоточились, главнымъ образомъ, на сѣверо-западѣ.

Что касается религіи, то господствующими являются: шаманство, ламайство и магометанство. Шаманство — древняя религія сибирскихъ инородцевъ. Ламаизмъ ввелъ ханъ Кюблай, иначе Кубелей или Коблей, Хубилай, современникъ великаго князя Александра Невскаго. Исламъ былъ насажденъ Ахметомъ Гиреемъ приблизительно за 50 лѣтъ до прихода русскихъ.

Шаманство господствуетъ среди остяковъ финскаго племени, магометанство среди татарскихъ племенъ, ламайство среди монголовъ.

Географически послѣдователи Магомета встрѣчаются на юго-западѣ, ламаиты на югѣ, а шамисты по всему сѣверу Азіи.

Христіанства до прихода русскихъ въ Сибири не существовало. Правда, въ средніе вѣка латинская церковь проявила заботу объ обращеніи въ христіанство татаръ, но миссія ея имѣла незначительный успѣхъ и не оставила слѣдовъ. Съ приходомъ русскихъ впервые началось обращеніе инородцевъ въ христіанство, такъ было весь, почти сорокалѣтній, періодъ времени еще до учрежденія архіепископіи.

Правительство, ведя борьбу съ возстаніями, въ то же время относилось къ населенію въ высшей степени миролюбиво, осторожно, нисколько не насилуя религіозную совѣсть. Всячески старалось оно оградить своихъ новоподданныхъ отъ произвола и насилія сибирскихъ воеводъ, уменьшить взыскиваемый съ нихъ ясакъ и облегчить соціально-экономическія условія ихъ жизни.

Уже царь Борисъ Годуновъ въ 1598 году наказывалъ верхотурскому воеводѣ: не брать у тюменскихъ татаръ подводъ для гонцовъ, не взыскивать ясака съ татаръ и остяковъ бѣдныхъ, старыхъ, больныхъ и увѣчныхъ; заботиться о примиреніи выгодъ туземцевъ и русскихъ переселенцевъ, наконецъ, крещеныхъ дикарей записывать въ

стрѣльцы, служба коихъ, согласно обычаю того времени, оплачивалась жалованіемъ.

Царь Борисъ, который, по словамъ Авраамія Палицына, «о исправленіи всѣхъ нужныхъ царству вещей зѣло печашеся», немало заботъ и попеченія проявилъ и объ устроеніи соціально-экономической и церковной жизни въ Сибири. Въ Верхотурскомъ уѣздѣ имъ были заведены казенныя соляныя варницы, построены рѣчныя суда для болѣе удобной доставки хлѣбныхъ запасовъ изъ Европейской Россіи новопостроеннымъ сибирскимъ городамъ, испытывавшимъ въ то время недостатокъ въ хлѣбѣ; проведены сухопутныя дороги, какъ напримѣръ, между Соликамскомъ и Верхотурьемъ; построены мосты.

Съ такой же заботливостью и гуманностью къ сибирскимъ инородцамъ относился и царь Михаилъ Ѳеодоровичъ. Онъ безпрерывно твердилъ своимъ воеводамъ въ Сибири, чтобы они обращались кротко съ покорившимися туземцами, не угнетали ихъ, не обременяли чрезмѣрными податями. Принятіе ими христіанства должно быть совершаемо не насиліемъ, а по «ихъ волѣ».

О высоко-гуманномъ и христіанскомъ отношеніи къ своимъ новоподданнымъ, пребывавшимъ еще въ язычествѣ, свидѣтельствуетъ наказъ государя Михаила Ѳеодоровича служилымъ людямъ въ Сибири, которымъ «накрѣпко приказывалось», чтобы «они, ходя за ясакомъ, ясачнымъ людямъ напрасныхъ обидъ и налоговъ отнюдь никому не чинили, собирали бы съ нихъ государевъ ясакъ ласково и привѣтомъ, а не жестокостью и не правежомъ, чтобы собирали ясакъ съ прибылью, брать съ нихъ ясакъ сколько будетъ можно, по одному разу въ годъ, а по два и по три ясака на одинъ годъ не брать. Которые новыхъ землицъ люди станутъ непослушны, такихъ прежде уговаривать ласкою, а если никакими мѣрами уговорить будетъ нельзя, то смирять ихъ войною, небольшимъ разореніемъ, чтобы ихъ смирить слегка».

Ревниво заботясь о насажденіи среди инородцевъ русской государственности, а вмѣстѣ съ нею и христіанства, московское правительство, конечно, прежде всего было обезпокоено тѣмъ, чтобы удовлетворить церковно-религіозныя нужды русскаго населенія.

По вычисленіямъ Н. А. Словцова, къ 1622-му году русское населеніе Сибири простиралось до 15.000 человѣкъ на квадратную площадь въ 1.500 верстъ. Притокъ русскихъ въ Сибирь поощрялся. Еще царь Іоаннъ Грозный далъ казакамъ, первымъ вѣстникамъ въ Москвѣ о завоеваніи Сибири, позволеніе вызвать охотниковъ для заселенія вновь пріобрѣтеннаго края. Многіе поспѣшили воспользоваться царскимъ изволеніемъ — преимущественно тѣ, кто занимались торговлею, ремесломъ и не были привязаны къ опредѣленному мѣсту семьею и хозяйствомъ.

Немало, однако, нашлось и такихъ, которые спѣшили перебраться черезъ Каменный Поясъ, чтобы избѣжать наказанія за преступленія или чтобы освободиться отъ обязательнаго труда.

Нужда въ русскихъ поселенцахъ Сибири была настолько велика, что московское правительство въ 1597-мъ году издало законъ, въ силу котораго бѣжавшіе въ Сибирь за шесть и болѣе лѣтъ до изданія закона оставлялись на постоянное житіе. Съ этого времени русскіе уже безъ опасенія стали пристраиваться на осѣдлую жизнь за Ураломъ. Кромѣ того, правительство постоянно посылало туда, какъ войска, для расширенія и для защиты русскихъ владѣній, такъ и земледѣльцевъ для водворенія и поддержанія тамъ русской жизни и для развитія сельскаго хозяйства. Туда же иногда отправлялись ссыльные за разныя гражданскія и уголовныя преступленія, а также и плѣнные.

Такое множество русскихъ христіанъ не могло оставаться безъ храмовъ и священнослужителей. Въ царскихъ граматахъ вмѣняется сибирскимъ воеводамъ въ обязанность устройство и церковной жизни. Н. А. Словцовъ могъ съ полнымъ основаніемъ сказать: «гдѣ зимовье ясачное, тамъ и крестъ или впослѣдствіи часовня; гдѣ водвореніе крѣпостно, тамъ и церковь и пушка; гдѣ городъ, тамъ управленіе воеводское, монастырь, кромѣ церкви».

Дѣйствительно, съ самаго появленія русскихъ въ Сибири, въ лицѣ ея завоевателя Ермака и его казаковъ, засіялъ тамъ крестъ Христовый и равнины Западной Сибири освятились, и пѣніемъ церковныхъ молитвъ, и принесенными казаками святыми иконами.

Сибирскія лѣтописи гласятъ, что Ермакъ привезъ съ собою въ Сибирь «чернаго попа», а по нѣкоторымъ лѣтописямъ даже трехъ, что онъ построилъ часовню во имя святителя Николая и что Ермаковы казаки постились и молились передъ боемъ, призывая Божію помощь на свое ратное дѣло. Изъ описаній тобольскаго каѳедральнаго собора видно, что изъ часовни Ермака иконы перенесены были въ первую тобольскую Троицкую церковь. Одна до сихъ поръ находится въ тобольскомъ каѳедральномъ соборѣ, а именно икона Христа Спасителя съ предстоящими. Остальныя розданы были, повидимому, въ даръ частію царственнымъ особамъ, частью воеводамъ преосвященными. Такъ, икону святителя Николая, принадлежавшую часовнѣ Ермака, преосвященный архіеп. Евгеній, въ 1826-мъ году, въ іюлѣ, препроводилъ въ С.-Петербургъ ко дню коронованія Императора Николая I-го.

Когда Іоаннъ Грозный получилъ извѣстія отъ Ермаковыхъ казаковъ о покореніи Сибири, однимъ изъ первыхъ его распоряженій было повелѣніе вологодскому епископу отправить въ Сибирь десять священниковъ съ семьями. Но о храмахъ христіанскихъ не упоминается до 1586 года, т. е. до времени построенія перваго русскаго города Тюмени. Здѣсь христіанскіе храмы были воздвигнуты — одинъ

во имя Всемилостиваго Спаса, другой — Рождества Пресвятыя Богородицы, третій — во имя святителя Николая, съ придѣломъ.

Въ 1600 году и въ 1610 были построены въ томъ же Тюмени еще три новыя церкви, изъ которыхъ одна замѣнила прежнюю, такъ что въ 25 лѣтъ городъ украсился пятью церквами.

Причты при этихъ церквахъ не были полны: въ 1610-мъ году, когда предстояло освятить одинъ изъ нововоздвигнутыхъ храмовъ, тамъ не оказалось діакона и мѣстный воевода потребовалъ доставить діакона изъ Верхотурья.

По числу храмовъ и относительной неполнотѣ причта, Тюмень можетъ служить примѣромъ для другихъ русскихъ городовъ,.

Число храмовъ возрастало чрезвычайно быстро, особенно въ городахъ ближе къ Россіи, а потому и болѣе населенныхъ. При основаніи, въ 1587-мъ году, Тобольска, построеннаго извѣстнымъ уже намъ письменнымъ головою Даниломъ Чулковымъ, имъ была воздвигнута временная церковь во имя Святой Троицы изъ лѣса тѣхъ лодокъ, на которыхъ онъ сюда прибылъ съ 500 казаками.

Въ слѣдующемъ же году, вмѣсто нея, поставлена была новая церковь съ придѣломъ въ честь святителя Николая, а въ 1600-1602 гг. Тобольскъ обрѣлъ еще три новыхъ церкви. За 15 лѣтъ существованія въ городѣ было уже шесть церквей.

Немного медленнѣе строились церкви въ Верхотурьѣ и въ Пелымѣ: въ первомъ отъ 1598-го года до 1607-го воздвигнуто было четыре храма, а во второмъ, вскорѣ послѣ его основанія (1592 г.), построено было двѣ церкви. Какъ отмѣчаютъ историческіе документы, въ 1602 году число священниковъ въ Пелымѣ было не болѣе трехъ. Кстати сказать, въ 1605-мъ году грамотою лже-Димитрія Отрепьева повелѣно было этому городу молить Бога о новомъ царѣ «по всѣмъ церквамъ». Въ томъ же, въ 1605-мъ году, воеводою Никифоромъ Проханіотовымъ была воздвигнута въ городѣ Березовѣ Воскресенская церковь.

Строились храмы и новокрещеными инородцами. Такъ, обдорскій остяцкій князь Василій, по принятіи имъ святаго крещенія въ Москвѣ, возвратясь въ Обдорскъ, въ 1610-мъ году построилъ церковь во имя святителя Василія Великаго. Въ остяцкомъ же княжествѣ Алачеевъ въ 1602-мъ году воздвигъ церковь во имя Зосимы и Савватія, соловецкихъ чудотворцевъ.

Согласно историческимъ даннымъ, до учрежденія сибирской архіепископіи были построены церкви при основаніи слѣдующихъ городовъ: Мангазеи, Верхотурья, Тары, Сургуты, Нарыма, Кетска, Томска, Тобольска, Кузнецка и Енисейска. Но, по всей вѣроятности, воздвигнуты были храмы и въ другихъ городахъ, не упомянутыхъ исторіей Сибири.

Первые храмы обыкновенно строились по распоряженію правительства и на казенный счетъ, а послѣдующіе и по усердію жителей

городовъ на ихъ собственныя средства. Бывали случаи, когда жители сибирскихъ городовъ просили царя о позволеніи строить первый храмъ или о помощи уже начатому ими. Такъ было, напримѣръ, въ Туринскѣ и въ Верхотурьѣ. Поводовъ и побужденій къ такимъ просьбамъ было много. Бывали особыя нравственныя побужденія къ созданію храмовъ. Такъ, въ Тобольскѣ обыденная церковь святителя Николая Чудотворца поставлена была по обѣщанію всѣхъ православныхъ христіанъ отъ конскаго падежа. (Празднество съ крестнымъ ходомъ было постановлено совершать ежегодно 23-го или 27-го іюля). Храмъ Вознесенія Господня былъ построенъ на рѣкѣ Тоболѣ, потомучто «по рѣкѣ Тблу благодать Божія пріиде въ Сибирь и діаволъ покоренъ быть». Тамъ же при воеводахъ Шереметьевѣ и Пушкинѣ (1600-1602 гг.) построена церковь во имя святителя Николая на горѣ «по явленію сего святаго». Но большею частью обыкновенныя церковно-религіозныя нужды располагали жителей просить царя о построеніи храма и о доставленіи всего необходимаго для богослуженія.

Иногда городъ строился по царскому указу, но о храмѣ и о священникѣ ничего не говорилось въ указѣ. Тогда жители, заготовивъ «на церковное дѣло срубъ съ алтаремъ и съ трапезою, били челомъ царю, чтобы онъ велѣлъ воеводѣ гнуть храмъ, по ихъ обѣщанію, велѣлъ бы его довершити и обложити, и прислати попа, безъ котораго имъ нужда великая» .

Постройки происходили поспѣшно, какъ это видно уже изъ быстраго увеличенія числа храмовъ, почему храмы оказывались непрочными и скоро слишкомъ малыми.

Московскіе цари ревниво заботились о присылкѣ въ Сибирь предметовъ церковно-религіознаго обихода и церковной утвари.

Грамоты царскія XVI и XVII вѣковъ свидѣтельствуютъ, въ какомъ количествѣ и какія церковныя принадлежности посылались государями въ Сибирь. Изъ этихъ грамотъ сохранились — одна Θеодора Іоанновича (1592 г.), три Бориса Годунова (1601-1606 г.) и одна царя Василія Шуйскаго (1607 г).

Изъ подобныхъ грамотъ приведемъ одну, замѣчательную по полнотѣ и опредѣленности росписи церковныхъ принадлежностей, отправленныхъ изъ Москвы въ Туринскъ для первой туринской церкви въ 1601-мъ году.

«Образъ мѣстной страстотерпецъ Христовыхъ Бориса и Глѣба на празелени, деисусъ стоячей на празелени, и въ немъ девять иконъ, двери царскія со столбцы и съ сѣнью на празелени, а на нихъ писаны святители; образъ Пречистыя запрестолья на празелени, крестъ воздвизальный, обложенъ мѣдью; сосуды церковные — потиръ и блюдца древяны, звѣзда и копье мѣдяно съ покровцы; на престолъ выбойки по девята аршина, кадило мѣдяно; три фунта темьяну, одинъ пудъ воску; одно ведро вина церковнаго, ризы поповскія,

стихарь, поручи, патрохиль, поясъ нитяной да книгъ: Евангеліе письменное, тетръ, оболочено выбойною, Апостолъ, Служебникъ, Часовникъ, Минея общая, двѣ книги окта и по восемь гласовъ, Тріодь постная, Тріодь цвѣтная печатная, Трефолой письменной».

Обратимся къ сибирскимъ монастырямъ, которые, кромѣ главной своей цѣли — подвижничества, имѣли еще особое назначеніе: они дѣлались пріютомъ для старыхъ и дряхлыхъ людей, какъ то бывало и въ Россіи. Въ самые первые уже годы, когда въ Сибири стали строиться руекіе города, монастырь считался какъ бы необходимымъ въ каждомъ городѣ.

Монахи явились прежде монастырей, изъ Россіи, — въ качествѣ священнослужителей.

Они-то и были строителями первыхъ сибирскихъ монастырей, по личнымъ побужденіямъ и планамъ, частными, мѣстными средствами; пособіе отъ правительства давалось уже послѣ, для поддержанія ихъ начинанія.

Старѣйшій, по письменнымъ памятникамъ, монастырь — Верхотурскій Николаевскій, стоявшій между городомъ и ямской слободой. Основателемъ его былъ «черный попъ» (или игуменъ) Іона Пошехонецъ. Давъ обѣтъ построить монастырь во имя святителя Николая и свв. страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, онъ, отчасти мірскою дачею, отчасти займомъ у казны лѣса, успѣлъ возвести зданіе храма, но принужденъ былъ оставить дальнѣйшія работы вслѣдствіе недостатка матеріала для сооруженія монастырскихъ зданій. Это обстоятельство побудило его отправиться въ Москву и бить челомъ царю о помощи. Царь Борисъ грамотою 1604-го года повелѣлъ верхотурскому воеводѣ дать усердному строителю лѣсъ на постройку храма, на кельи и ограду и не взыскивать съ него прежде взятый имъ въ казнѣ лѣсъ для монастырскаго дѣла. Іона, въ слѣдующемъ, 1605-мъ году, возвратился въ Сибирь, кажется, уже игуменомъ и докончилъ строеніе монастыря.

Въ 1616-мъ году Нифонтъ, монахъ изъ Казани, основалъ въ Тюмени, на краю ямской слободы, Преображенскій монастырь на деньги, собранныя отъ тамошнихъ жителей, безъ царскаго указа. Впослѣдствіи этотъ монастырь, подъ именемъ Троицкаго, сдѣлался знатнѣйшимъ и богатѣйшимъ въ Сибири.

Къ тому же времени относятъ построеніе слѣдующихъ монастырей: Туринскаго Покровскаго, который въ опискѣ Кипріана, перваго сибирскаго архіепископа, называется «старымъ»; Рождественскаго на Тигелѣ; Введенскаго на Невьѣ. Послѣдніе два монастыря находятся въ верхотурскомъ уѣздѣ. О нихъ тоже упоминаетъ архіепископъ Кипріанъ, послѣдній изъ нихъ также называя «старымъ».

Къ тому же времени относятъ монастырь мужескій Тобольскій, находившійся первоначально за Иртышемъ, а въ 1610-мъ году перенесенный на гору, за острогъ, гдѣ нынѣ дѣвичій Успенскій монастырь.

Тамъ была поставлена и церковь Успенія Пресвятыя Богородицы. Первымъ архимандритомъ его былъ Меѳодій.

Упоминаютъ еще женскій Тюменскій монастырь, извѣстный раньше подъ именемъ Ильинскаго, а потомъ Успенскаго. Первый разъ этотъ монастырь отмѣченъ лѣтописью въ 1613-мъ году.

Вѣроятно, всѣ эти монастыри были построены частными лицами, на средства тамошнихъ жителей — безъ царскаго указа.

Слѣдуетъ отмѣтить, что не только нужда монастырей, но подчасъ и самое существованіе ихъ не всегда было извѣстно правительству, съ которымъ не было постоянныхъ сношеній по этимъ дѣламъ. Такъ, напримѣръ, о Невьянскомъ монастырѣ не знали въ Москвѣ, гдѣ онъ находится и къ какому уѣзду принадлежитъ.

Только въ 1621-мъ году, когда была учреждена сибирская архіепископія, сдѣлано было нѣсколько предписаній воеводамъ сибирскимъ о составленіи подробной переписи сибирскихъ монастырей и церквей. Такъ, грамотою царя Михаила Ѳеодоровича въ 1621-мъ году было предписано верхотурскимъ воеводамъ «обо всемъ этомъ розыскать и отписать въ Москву, потому что прежде никто не писалъ».

Поэтому неудивительно, что сибирскіе монастыри первое время содержанія не получали отъ казны, а существовали отъ усердія мѣстныхъ жертвователей. Борисъ Годуновъ, позволяя Іонѣ Пошехонцу брать лѣсъ на довершеніе храма будущаго монастыря, ничего не говоритъ о жалованьѣ и угодьяхъ для него. Очевидно, Іона и безъ того былъ доволенъ царскою милостью. Туринскій монастырь также сперва не имѣлъ вотчинъ, и монахи его не получали никакого денежнаго пособія. Содержаніе монастыря зависило отъ личнаго труда монаховъ и отъ усердія окрестныхъ обитателей; послѣдніе подарили монастырю нѣсколько обработанныхъ пашенъ, а монахи уже сами распахивали землю.

Когда же нужда возникала въ постоянномъ источникѣ доходовъ, тогда, лично или при посредствѣ кого-либо, ходатайствовали о томъ у правительственной власти и обычно получали отъ нея, кромѣ денежнаго и хлѣбнаго жалованія, которое обыкновенно давалось приходскимъ церковнымъ жителямъ, еще землю, угодія и рыбную ловлю.

Въ какомъ количествѣ даваемо было это жалованіе — опредѣлить точно нельзя: этого во всей полнотѣ и опредѣленности не знало и само правительство до 1621-го года. Можно только сказать, что это жалованіе было достаточное, «чѣмъ мочно быть сытымъ», какъ выражались тогда въ подобныхъ случаяхъ.

Съ учрежденіемъ сибирской архіерейской каѳедры, ея архипастыри придавали огромное значеніе монастырямъ, считая ихъ не только мѣстомъ для благочестія и для развитія духовной жизни или богоугодными заведеніями для старыхъ и дряхлыхъ людей, но, главнымъ образомъ, разсадниками духовнаго просвѣщенія и важнѣйшимъ

и чуть ли тогда не единственнымъ средствомъ для распространенія христіанства среди сибирскихъ инородцевъ.

Поэтому сибирскіе архипастыри отличались большою ревностью въ построеніи монастырей, всячески стараясь не только увеличить ихъ численность, но и поднимать на болѣе высокую ступень религіозно-нравственную жизнь монаховъ, улучшая и внѣшнимъ образомъ ихъ бытъ.

Въ этомъ отношеніи особенно отличался первый архіепископъ сибирскій, Кипріанъ, при которомъ рѣшительно измѣнилась къ лучшему монастырская жизнь, въ чемъ была едва ли не самая важная заслуга доблестнаго архипастыря.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію вопроса о распространеніи и утвержденіи христіанства въ Сибири среди инородцевъ, о дѣйствіяхъ правительства въ этомъ отношеніи и, наконецъ, о тѣхъ способахъ, которые имъ примѣнялись для достиженія этой цѣли. Всячески стараясь выполнить возложенную на него Провидѣніемъ высокую миссію — распространить среди въ полудикомъ состояніи пребывающихъ сибирскихъ инородцевъ христіанство, — правительство встрѣтилось здѣсь съ большими препятствіями. Одно изъ самыхъ большихъ и почти непреодолимыхъ было полное отсутствіе просвѣщенныхъ священниковъ-миссіонеровъ, которые могли бы, изучивъ исторію сибирскихъ племенъ, ихъ нравы и языкъ, проповѣдывать и изъяснять имъ истины Православной вѣрѣ на ихъ родномъ языкѣ. Мало того. Не хватало священниковъ для окормленія русскаго населенія. Не находилось священниковъ, которые добровольно, по своей волѣ, пожелали бы отправиться въ Сибирь на служеніе церкви, причемъ сами были бы людьми грамотными, «небражниками» и «неплутами». Священники тѣ, которыхъ правительство отправляло въ Сибирь принудительнымъ порядкомъ, нерѣдко, не доѣзжая до мѣста назначенія, разбѣгались.

О нравственномъ состояніи сибирскаго духовенства, судя по историческимъ документамъ и донесеніямъ сибирскихъ архіепископовъ, характеристика установилась довольно не лестная: безграмотность, небрежность въ исполненіи своихъ священническихъ обязанностяхъ и въ совершеніи церковныхъ службъ, піянство, развратъ, кляузничество — вотъ то, что отмѣчаютъ эти документы.

Конечно, были священники достойные, подлинные пастыри, но таковыхъ было немного.

Острота вопроса о христіанизаціи сибирскихъ инородцевъ смягчалась, однако, тѣмъ, что правительство съумѣло расположить туземное сибирское населеніе къ принятію христіанства своимъ миролюбивымъ и благосклоннымъ отношеніемъ къ нему.

Строго придерживаясь духа Православной церкви, московское правительство, какъ мы знаемъ, относилось съ полной вѣротерпимостью къ религіознымъ убѣжденіямъ своихъ новоподданныхъ. Объ

этомъ свидѣтельствуютъ и иностранцы, какъ, напримѣръ, Адамъ Олеарій, бывшій въ первой половинѣ XVII столѣтія въ Россіи и засвидѣтельствовавшій въ своемъ цѣннѣйшемъ по своему историческому значенію «Описаніи путешествія Гольштинскаго посольства въ Московіи» въ такихъ словахъ о вѣротерпимости русскихъ: «не слышно, чтобы русскіе насильно кого-либо обращали въ свою вѣру».

Дѣйствительно, правительство постоянно требовало отъ сибирскихъ воеводъ и наказывало сибирскимъ архіепископамъ, чтобы крестили только тѣхъ, которые «похотятъ креститься свою волею, неволею ихъ къ тому не нудить».

Московское правительство примѣняло другія мѣры для привлеченія къ принятію православной вѣры: оно обѣщало новокрещеннымъ раздачу пособій, службу съ оплатою хлѣбнымъ и денежнымъ жалованіемъ, льготы при сборѣ государственныхъ податей.

Переходъ въ христіанство сибирскихъ инородцевъ облегчался и тѣмъ, что тогда не требовалось отъ иновѣрцевъ никакого подготовленія къ принятію святого крещенія: миссіонерство замѣнялось объявленіемъ воеводы, — кто крестится, того государь поверстаетъ въ службу, пожалуетъ жалованіемъ хлѣбнымъ и денежнымъ и выдастъ пособіе.

Такъ, въ царствованіе Бориса Годунова, въ 1603-мъ году, когда крестились на Верхотурьѣ чусовскіе вогулы: «Бай Мурза, да Куланъ, да Казакъ Арцыбашевъ, да тагильскій вагулятинъ Обайтко Комаевъ и тѣмъ новокрещеннымъ для (за) крещеніе даны по два сукна середнихъ, да по рубашкѣ, да по сапогамъ».

Этотъ способъ распространенія христіанства примѣнялся правительствомъ и въ послѣдующія времена. Въ историческихъ документахъ, относящихся къ царствованію Михаила Ѳеодоровича, встрѣчается немало царскихъ указовъ, согласно которымъ сибирскіе воеводы обязаны были выдавать новокрещеннымъ матеріальныя пособія, а также и жалованіе. Такъ, въ 1615-мъ году, по повелѣнію царя Михаила Ѳеодоровича, велѣно было верхотурскому воеводѣ Зюзину выдавать «хлѣбное жалованіе» новокрещенному Шехирову. А въ другомъ указѣ воеводамъ, діякамъ, подъячимъ и служилымъ людямъ приказывалось: «никакихъ иноземцевъ, женъ и дѣтей ихъ во дворъ къ себѣ не брать и не крестить... Если же кто изъ ясачныхъ людей захочетъ по своей волѣ креститься, такихъ людей крестить, обыскавши до-пряма, что добровольно хотятъ креститься, окрестя, устраивать на государеву службу, верстать денежнымъ и хлѣбнымъ жалованіемъ, смотря по людямъ, кто въ какую статью пригодится... Если женщины захотятъ креститься, то, окрестя ихъ, выдавать замужъ за новокрещенныхъ или за русскихъ служилыхъ людей...»

Способствовало принятію Православія болѣе всего пребываніе русскихъ въ Сибири. Туземцы, знакомясь съ русскими, вступали съ ними въ тѣ или иныя отношенія и невольно знакомились съ ихъ вѣ-

рою. Они видѣли храмы православныхъ и совершаемыя тамъ богослуженія и, сознавая превосходство русскихъ не только въ религіозномъ отношеніи, но и въ общемъ строѣ жизни, мѣняли охотно вѣру своихъ отцовъ на вѣру русскихъ.

Какъ общее правило, обратившіеся въ христіанство, при тогдашнихъ способахъ веденія миссіонерскаго дѣла, едва ли могли быть сознательными христіанами, хотя бы и по своей волѣ и по своему влеченію приняли святое крещеніе. Поэтому для укрѣпленія вѣры у новокрещенныхъ царскія грамоты предписывали, чтобы послѣ крещенія «отдавать новокрещенныхъ подъ начало и поучать ихъ всему крестьянскому закону».

Трудно, а подчасъ и невозможно было исполнить подобное предписаніе. Но какъ бы то ни было, а фактъ остается налицо, что съ возникновеніемъ въ Сибири русскихъ городовъ и остроговъ Православная вѣра пускала корни въ языческое туземное населеніе Сибири и находило тамъ себѣ массовыхъ послѣдователей среди вогуловъ, остяковъ, татаръ и другихъ предстивителей сибирскихъ народностей.

Съ наступленіемъ Смутнаго времени, несмотря на исчезновеніе законной власти православныхъ государей, вмѣсто которой появилась власть иновѣрческихъ и притомъ враждебно настроенныхъ къ Россіи поляковъ и несмотря также на анархію, охватившую всѣ стороны жизни Московскаго государства, миссіонерское дѣло въ Сибири продолжалось, хотя и не въ такой степени, какъ это было раньше. Сибирскіе воеводы продолжали строеніе новыхъ монастырей и храмовъ, а пустовавшія приходскія мѣста пополняли священниками, присылаемыми изъ внутреннихъ епархій.

Такъ въ 1612-мъ году при содѣйствіи воеводъ былъ законченъ постройкой верхотурскій Николаевскій монастырь.

Когда же, въ 1611-мъ году, поляки заключили первосвятителя россійской церкви, патріарха Гермогена, на Кирилловскомъ подворьѣ, и онъ, будучи въ «велицѣмъ заточеніи» лишенъ былъ возможности управлять церковью, царскіе воеводы въ Сибири стали обращаться со своими церковными нуждами къ ближайшему къ предѣламъ Сибири іерарху. Такъ, въ томъ же 1611-мъ году, сибирскіе воеводы обратились съ письменною просьбою къ вологодскому и бѣлозерскому архіепископу Сильвестру, прося его прислать въ Сибирь священниковъ и антиминсы. Они писали: «Въ Тобольскѣ и во всѣхъ сибирскихъ городахъ у многихъ приходскихъ церквей поповъ нѣтъ, и затѣмъ стоятъ безъ пѣнія, и многія люди безъ поповъ помираютъ безъ причастія, а младенцы безъ крещенія, и многія церкви поставлены вновь, а стоятъ неосвящены для того, что въ сибирскихъ городахъ антиминсовъ нѣтъ». Сибирскіе воеводы просили прислать въ Сибирь антиминсы и священниковъ, хотя бы пять или шесть человѣкъ.

До открытія Сибирской епархіи, огромныя пространства завоеванныя тамъ русскими и простиравшіяся на востокъ отъ Урала до рѣки Енисея, а на сѣверъ до Таймыра, въ церковномъ отношеніи входили въ составъ епархіи Московскаго патріарха. Всѣ распоряженія по церковнымъ дѣламъ выходили изъ далекой Москвы, причемъ большая часть изъ нихъ исходила отъ лица самихъ государей. Государи же назначали для сибирскихъ церквей и священнослужителей изъ внутреннихъ русскихъ епархій, ближайшихъ къ предѣламъ Сибири, изъ епархій ростовской, рязанской, а чаще всего изъ епархіи вологодской.

Заботы объ устроеніи церквей въ Сибири возлагались на тамошнихъ воеводъ.

Между тѣмъ, число русскихъ въ Сибири возрастало, особенно въ XVII-мъ столѣтіи, когда ея имя стало символомъ успѣшной предпріимчивости. Повсюду стали возникать острожки, деревни, слободы, а съ ними церкви и монастыри. Прежнее церковное управленіе уже не могло удовлетворить религіозныя нужды тамошняго христіанскаго населенія.

Съ возстановленіемъ порядка въ Россіи, все болѣе становилось ясно, какъ говоритъ историкъ П. Н. Словцовъ, что «на обширномъ пространствѣ завоеванныхъ мѣстъ въ Сибири не достаетъ жезла архипастырскаго, нѣтъ свѣтильника для великой страны съ разнообразными ея племенами».

Съ благословенія патріарха Филарета и всего освященнаго собора 1620-го года положено было открыть сибирскую епархію, мѣстомъ каѳедры которой былъ бы городъ Тобольскъ.

Выборъ палъ на Кипріана, архимандрита новгородскаго Хутынскаго Спасо-Преображенскаго монастыря.

Священникъ А. Буткевичъ.

ИСТОЧННИКИ и ПОСОБІЯ.

Абрамовъ, Н. А. — «Матеріалы для исторіи христіанскаго просвѣщенія въ Сибири» Ж.М.Н.П. 1849, ч. IXIV; 1854, ч. IXXXI.

Адріановъ. — «Къ вопросу о покореніи Сибири» Ж. М. Н. П. 1893, №4.

Акты историческіе, собранные и изданные Археологической Коммиссіей. Т. VII, №4. СПБ. 1889.

Акты Археологической Экспедиціи, I-IV. СПБ. 1836.

Андріевичъ, В. К. — «Исторія Сибири» I-V тт. 1889.

Андреевъ, А. И. — «Очерки по источниковѣдѣнію Сибири» XVI, Л-градъ 1940.

Амвросій, архіеп. — «Исторія россійской іерархіи».

Архангельскій — «Городъ Енисейскъ (1618-1918)» 1920.
Археологическая Комиссія — «Сибирскія лѣтописи» СПБ. 1907.
Барсуковъ, А. П. — «Списи городовыхъ воеводъ XVII в.», СПБ. 1902.
Бахрушинъ, С. В. — «Очерки по колонизаціи Сибири XVI-XVII вв.», Л-градъ.
Брокгаузъ и Ефронъ — Энцикл. Словар. (Сибирь; Ханъ Кучумъ, его преемники и борьба съ ними).
Буцинскій, проф. — «Заселеніе Сибири и бытъ ея первыхъ насельниковъ». Харьковъ 1889. «Открытіе Тобольской епархіи». «Церковныя Вѣдомости».
Быстровъ, свящ. — «Первые христіане въ Сибирскомъ краѣ». «Правосл. Обозрѣніе» 1886. Т. XX.
Вернадцкій — «Государевы служилые и промышленные люди XVII в.» Ж.М.Н.П. 1885, апрѣль.
Виноградовъ, свящ. — «Краткій очеркъ распространенія христіанства въ Сибири». «Странникъ». 1883.
Воронецъ, Е. — «Просвѣщеніе Сибири христіанствомъ и вліяніе нѣмецкаго засилья». «Правосл. Обозр.». 1915, № 5-6.
Временникъ Императорскаго Московскаго О-ва исторіи и древностей россійскихъ» Кн. I. Москва 1849.
Гнѣвушевъ, А. М. — «Акты временъ правленія царя Василія Шуйскаго». Москва 1914.
Головачевъ — «Тюмень XVII вѣка» 1903.
Денисовъ — «Православные русскіе монастыри».
Добронравовъ, свящ. — «Очерки по исторіи русской церкви».
Долгоруковъ — «Путеводитель по всей Сибири и азіатскимъ владѣніямъ Россіи». Томскъ 1904.
Древняя и новая Россія. Т. II, стр. 357 (Названіе Сибири).
Забѣлинъ — «Объясненіе географическаго атласа».
Замысловскій, Е. — «Занятіе русскими Сибири». «О чертежахъ Сибири XV-XVII вѣковъ» Ж.Н.П. 1891, іюнь.
Иконниковъ, В. С. — «Опытъ русской исторіографіи» т. I. Кіевъ 1892.
Извѣстія Императорскаго Археологическаго Об-ва. т. I, стр. 252 (Часовня Ермака).
Кабо, Р. М. — «Города Западной Сибири». Очеркъ историко-экономической географіи. Москва 1949.
Карамзинъ, Н. — «Исторія россійскаго государства» т. IX. СПБ.
Катановъ, Н. Ѳ. — «О прибытіи въ XIV в. въ Западную Сибирь бухарскихъ проповѣдниковъ ислама» (изъ рукописей Тобольскаго губернскаго музея). «Истор. Вѣстн.» 1903, т. I, стр. 1208. Археологическій съѣздъ въ Казани
Костомаровъ, Н. И. — «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей». (Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ).
Красносельцевъ — «Западныя миссіи противъ татаръ» Казань 1872.
Кулешевъ — «Наказы сибирскимъ воеводамъ» Ж.М.Н.П. 1885, апрѣль.
Курц, Б. Г. — «Городъ Верхотурье XVII в.» Л-нградъ-Москва.
Лебедевъ, Д. М. — «Географія Россіи XVII в.» Москва 1948.
Макарій, митр. — «Исторія русской церкви» т. IX.
Майковъ, Л. — «Хронологическія справки по поводу 300-лѣтней годовщины присоединенія Сибири» Ж.М.Н.П. 1881, № 9.
Межовъ — «Сибирская библіографія» СПБ.
«Миссіонеръ» — «Историческій очеркъ завоеванія Сибири». 1877, № 45.
Миллеръ, Г. Ф. — «Исторія Сибири». Изданіе Академіи Наукъ СССР. Москва-Л-нградъ 1941.
«Москвитянинъ» — 1849. V, отд. I, стр. 62 (О часовнѣ Ермака).
Новиковъ — «Древняя россійская вивліоѳика» 1774, ч. 6.

Оглоблинъ, Н. Н. — «Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа» (1592-1781). Москва 1901.
Огородниковъ, В. И. — «Очеркъ исторіи Сибири до начала XIX в.».
Орловъ — «Открытія русскихъ землепроходцевъ». Москва 1951.
Отечественныя Записки» — «Отписка Ермаковскихъ казаковъ».
Поляковъ, В. П. — **«Прошлое и настоящее Верхотурья». «Истор. Вѣстникъ»** 1896, стр. 587.
Поповъ, свящ. — «Великопермская и Пермская епархія» (1379-1870) Пермь 1879.
Платоновъ, проф. — «Лекціи по русской исторіи». «Древне русскія сказанія и повѣсти о Смутномъ времени» СПБ. 1888.
Покровскій, проф. — «Русскія епархіи XVI-XIX вв.» Казань 1897.
«Православный Собесѣдникъ» — Московскій соборъ 1620 г. 1864, т. II, стр. 152.
Пыпинъ, А. Н. — «Сибирь и ея изслѣдованія» СПБ. 1888.
Радловъ — «Сибирскія древности» СПБ. 1888.
Соловьевъ, проф. — «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ.
Садовниковъ, Д. — «Наши землепроходцы» Москва 1905.
Семеновъ, П. — «Географическо-статистическій словарь Россійской имперіи» т. I. СПБ. 1863.
Семевскій, В. И. — «Историческое обозрѣніе Сибири» (Сибирскій Сборникъ). Кн. III. СПБ. 1886.
«Сибирскій Вѣстникъ», издав. Г. Спасскимъ. Кн. I. СПБ. 1818-1824.
Словцовъ, П. А. — «Историческое обозрѣніе Сибири» кн. I. СПБ. 1886.
Спасскій, Г. — «Лѣтопись сибирскихъ повѣствованій о Сибири» Латинская рукопись XVII в. СПБ. 1822.
Сумароковъ, П. — «Миссіонерство въ Сибири». «Христ. Чтеніе» 1884.
Султановъ — «Остатки Якутскаго острога». СПБ. 1904.
Титовъ — «Сибирь XVII в.» Москва 1890.
Фирсовъ, Н. Н. — «Чтенія по исторіи Сибири». Вып. I, II. СПБ. 1921.
«Церковный Вѣстникъ» — «Русское миссіонерство на Востокѣ». 1887.
«Церковныя Вѣдомости». — «Кондинскій Свято-Троицкій монастырь». 1905. № 3.
«Чтенія въ Импер. Об-вѣ исторіи и древностей россійскихъ при Моск. Универ.».
Щунковъ — «Очерки по колонизаціи Сибири въ XVII в.».
Щаповъ — «Историко-географическое распредѣленіе русскаго народа». «Русское Слово» 1864-65. «Русскій старообрядческій расколъ» Казань 1859.
Щегловъ, И. В. — «Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири» (Съ XI в. до 1882 г.).
Ядринцевъ — «Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе». СПБ. 1891.

Краткое жизнеописаніе архимандрита Геннадія (Ребезы) и его смерть въ концлагерѣ на сѣвероледовитой Колымѣ.

ОТЧІЙ ДОМЪ И ПУТЕШЕСТІЕ НА БОГОМОЛЬЕ.

Отецъ Геннадій родился въ Ямпольскомъ уѣздѣ, Каменецъ-Подольской губерніи, въ міру именовался Григорій Матвѣевичъ Ребеза; въ родительскомъ домѣ занимался сельскимъ хозяйствомъ, съ дѣтства имѣлъ религіозныя наклонности: любилъ съ благочестивыми родителями посѣщать храмъ Божій, а также былъ близокъ къ церковному причту, особенно къ семьѣ псаломщика, у котораго любилъ слушать разсказы о житіи Святыхъ, объ отечественныхъ подвижникахъ XVIII и XIX вѣковъ.

Въ 1903 году, будучи въ Ямполѣ на базарѣ, онъ встрѣтилъ книгоношу, у котораго купилъ за 15 копѣекъ новую книжечку: «Житіе Преподобнаго Серафима Саровскаго Чудотворца», съ красивой картинкой: св. старецъ въ дремучемъ лѣсу даетъ хлѣбъ подошедшему къ нему большому медвѣдю. Сему онъ крайнѣ удивлялся, какъ это Преподобный съ дикими звѣрями въ лѣсу обходился, какъ наши прародители съ ними поступали, будучи въ раю.

Прочитавъ нѣсколько разъ книжечку, отрокъ возлюбилъ тихую иноческую безмятежную жизнь, дивную плѣнительную Саровскую природу. Онъ началъ думать о посѣщеніи св. мѣстъ, Кіева и Лавры. Тамъ жилъ ихъ сосѣдъ, въ санѣ іеродіакона, который иногда пріѣзжалъ въ родное село и служилъ въ сельской церкви, удивляя своимъ басомъ всѣхъ односельчанъ, а также многое разсказывалъ о Кіевѣ, о Лаврѣ, о свв. угодникахъ, нетлѣнно почивающихъ въ пещерахъ по 700 и 800 лѣтъ, о монастыряхъ и о многотысячныхъ паломникахъ. Подобные разсказы юный Григорій слушалъ съ большимъ вниманіемъ и мечталъ самъ видѣть все сказанное.

Однажды, идя изъ церкви, онъ зашелъ къ псаломщику и замѣтилъ у него въ горницѣ на стѣнѣ, въ рамѣ, подъ стекломъ, новую красивую картину, присланную родственниками изъ Курской губерніи: «Общій видъ Глинской Рождество-Богородичной Пустыни». Это мѣсто въ дремучемъ лѣсу, на берегу рѣки, съ храмами, скитами и садами, такъ понравилось ему, что онъ не разъ во снѣ видѣлъ себя, ходящимъ въ саду Глинской пустыни. Чувствуя въ этомъ таинственное призваніе, осенью, послѣ призыва, онъ рѣшилъ просить у родителей благословенія на поѣздку въ Кіевъ, а оттуда въ Глинскую пустынь.

Отбывъ военскую повинность, онъ, какъ старшій сынъ при малолѣтнихъ братіяхъ, получилъ бѣлый билетъ. И вотъ, однажды, набравшись смѣлости, онъ высказалъ родителямъ свое желаніе посѣтить святыя мѣста: Кіевъ, Саровъ, Глинскую пустынь и др. монастыри. Родители вначалѣ уговаривали его повременить, пока подростутъ младшіе братія, а потомъ дали согласія: будущей весной отпустить на богомолье. А сами начали въ зимній мясоѣдъ подыскивать ему невѣсту. Но онъ твердо рѣшилъ: «пока не побуду въ Кіевѣ и Глинской пустыни, до тѣхъ поръ не буду вступать въ бракъ». Благоразумные родители согласились съ его желаніемъ. Послѣ Пасхи еще разъ напомнили они о женитьбѣ, но онъ остался при прежнемъ намѣреніи.

Послѣ пасхальныхъ праздниковъ, полевыхъ работъ и приведенія въ надлежащій порядокъ своего виноградника, на которомъ онъ съ дѣтства любилъ «въ потѣ лица» трудиться и читать Евангеліе о работающихъ на виноградникѣ (Матѳ. 20, 1-16), — Григорій Матвѣевичъ съ родительскимъ благословеніемъ, иконкой святителя Николая Чудотворца, на груди, съ котомкой за плечами, провожаемый за село вытиравшей передникомъ слезы матерью, присоединился къ своимъ односельчанамъ, направлявшимся пѣшкомъ на богомолье въ Кіевъ. По дорогѣ къ нимъ присоединялись все новые и новые паломники, разсказы которыхъ о святыхъ мѣстахъ, монастыряхъ, о Палестинѣ, Іерусалимѣ, молодой нигдѣ не бывавшій паломникъ слушалъ со вниманіемъ и большимъ любопытствомъ, не чувствуя усталости продолжительнаго по пыльнымъ дорогамъ путешествія.

КІЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА И ПУТЬ ВЪ ГЛИНСКУЮ ПУСТЫНЬ.

Въ Лаврѣ онъ розыскалъ своего земляка о. Пимена, который временно устроилъ своего односельчанина въ лаврской гостиницѣ безплатно. Конечно, послѣ сельской тихой, мирной крестьянской жизни, «Мать градовъ русскихъ» Кіевъ деревенскому парню казался грандіознѣйшимъ, богатымъ городомъ, съ безконечными улицами, со множествомъ церквей, монастырей, дворцовъ, палатъ и магазиновъ. Но онъ больше интересовался соборами, церквами, пещерами, а затѣмъ высказалъ о. Пимену свое желанніе: поступить въ монастырь. О. іеродіаконъ его предостерегалъ: «Жить въ монастырѣ не такъ легко, какъ кажется и какъ думаютъ міряне. Такъ думалъ вначалѣ и я, но на дѣлѣ оказывается наоборотъ. Въ міру человѣкъ борется съ видимымъ злымъ человѣкомъ и видимыми явленіями, а въ обители, а тѣмъ болѣе въ пустыни, приходится иноку вести борьбу съ невидимымъ врагомъ нашего спасенія, діаволомъ, который гораздо хитрѣе, злѣе и коварнѣе всякаго человѣка, и безъ Божіей помощи побѣдить его невозможно».

Имѣя время и возможности, Григорій Матвѣевичъ осматривалъ городъ: побывалъ у памятника Крещенія Руси, на Аскольдовой могилѣ, ежедневно отстаивалъ раннюю литургію въ подземномъ храмѣ ближнихъ пещеръ, стоялъ въ келліи Преподобнаго Антонія, видѣлъ и осязалъ его земляное ложе, ввидѣ лежанки; нѣсколько разъ пилъ воду изъ колодца, вырытаго Преподобнымъ Ѳеодосіемъ; восхищался златоглавыми храмами, древностью Софіевскаго Собора и Десятинной церкви, живописью Владимірскаго Собора, а особенно, самой богозданной Лаврой и величественной ея колокольней съ двухъ тысячепудовымъ колоколомъ. Но когда онъ съ Владимірской горки, послѣ городского шума и человѣческой на всѣхъ улицахъ «суеты суетъ», спускался въ безмолвную тишину пещеръ, гдѣ почиваютъ нетлѣнно святые угодники Божіи, то всегда чувствовалъ, что здѣсь Богъ былъ близко къ нему, а внутренній голосъ подсказывалъ ему, что въ лѣсу и въ пустынѣ легче и самому быть ближе къ Нему. Иначе бы свв. подвижники не удалялись въ дебри лѣсовъ, въ разсѣлины скалъ и въ горы Синая и Хорива. Такое мнѣніе и разсужденіе одобрялъ о. Пименъ и совѣтывалъ ему, если онъ чувствуетъ призваніе, поступить не въ городской монастырь, а въ пустынь. Послѣ такой бесѣды онъ рѣшилъ ѣхать въ Глинскую пустынь. Разузнавъ дорогу, онъ записалъ нужныя отъ Кіева станціи: Нѣжинъ, Бахмачъ, Конотопъ, Ворожба, Теткино, Крупецъ»... «Глинская пустынь», не доѣзжая гор. Глухова.

Отстоявъ на Вознесеніе Господне въ Великой церкви литургію, совершавшуюся Митрополитомъ Флавіаномъ, и причастившись св. Таинъ, онъ черезъ нѣсколько дней съ благодарностью простился съ о. Пименомъ, отъ котораго получилъ въ подарокъ «Печерскій патерикъ.»

Передъ вечеромъ поѣздъ отошелъ отъ вокзала на востокъ, тихо прошелъ по желѣзнодорожному мосту черезъ Днѣпръ, откуда открывается очаровательный видъ на стольный градъ св. князя Владиміра съ возвышающейся лаврской колокольней, которая, какъ маякъ на обуреваемомъ берегу житейскаго моря, указывала тихую пристань «плавающимъ въ молвѣ житейскихъ попеченій». Молодой паломникъ не отходилъ отъ окна вагона и любовался послѣдними лучами отражающагося на златоглавыхъ куполахъ заходящаго солнца и удаляющимся въ вечерней мглѣ древнимъ русскимъ православнымъ градомъ Кіевомъ.

ПОСТУПЛЕНІЕ ВЪ БРАТІЮ И ЖИЗНЬ ВЪ ГЛИНСКОЙ ПУСТЫНИ.

Наканунѣ праздника Св. Троицы молодой паломникъ вышелъ изъ вагона на станціи «Глинская пустынь», за которой стояла безплатная монастырская линейка, запряженная парою добрыхъ вороныхъ коней, которыхъ держалъ за уздечки до отхода поѣзда молодой

кучерявый послушникъ, въ монашеской скуфейкѣ и съ четками за кожанымъ поясомъ, привѣтливо приглашавшій садиться; болѣе пожилые богомольцы сѣли, а молодежь отправилась пѣшкомъ. Около двухъ верстъ прошли зеленой въ ростъ человѣка рожью, въ которой, то одесную, то ошую, перекликались и ховавкали перепела; выглядывали синенькіе васильки и голубенькія незабудки; а въ воздухѣ раздавались звонкія трели трепетавшихся жаворонковъ. Перебѣжали, между дуплистыми вѣковыми ракитами, екатерининскую большую дорогу, по которой, въ давнее время, путешествовали Высочайшія особы въ Таганрогъ и Крымъ: мчались тройки почтовыя, порой кибитки удалыя и шли съ товарами обозы на юго-западъ и востокъ. Молодые богомольцы, обгоняя другъ друга, вошли въ тихо-шумящій безпредѣльный лѣсъ, благоухающій ландышами, фіалками и смолистой хвоей, наполненный всевозможными звуками и пѣніемъ разнообразныхъ неугомонныхъ птицъ. Пройдя около семи верстъ, молодой паломникъ, вдругъ, подъ тѣнью четырехвѣковой сосны, остановился, увидѣвъ двѣ голубыхъ колонны съ иниціалами Богоматери, а между ними, въ полверстѣ, въ рамѣ зеленѣющаго лѣса, — чаемую Обитель, бѣлыя стѣны, большія съ каменной аркой ворота, казавшіяся ему: ведущими въ райскія селенія...

Благоговѣйно опустившись на колѣни, онъ молился, пока изъ-за поворота дороги не показалась линейка, съ которой послышались радостные голоса: «Монастырь! Монастырь!» Въ этотъ моментъ ко всенощной раздался могучій восьмисотпудоваго колокола звонъ, потрясавшій воздухъ и наполнявшій мелодичнымъ эхомъ весь необъятный лѣсъ. Всѣ перекрестились и заговорили о праздникѣ Св. Троицы, объ украшеніи домовъ березками, цвѣтами и зеленой травой. Подходя къ св. вратамъ подъ Иверскою церковью, Григорій Матвѣевичъ прочелъ вверху надпись: «Грядущаго ко Мнѣ не изжену вонъ». и подумалъ, что сіе изреченіе относится къ нему.

Войдя по зеленой разбросанной травѣ и цвѣтамъ въ обставленный березками, липами и кленомъ переполненный богомольцами соборъ, онъ избралъ себѣ уголокъ ближе къ монахамъ, стоявшимъ въ правомъ придѣлѣ въ стасидіяхъ, казвшихся какъ бы гробами. Тихими, смиренными и родными показались ему монахи. Надъ монахами на западной стѣнѣ возвышалось дивное художественное изображеніе преподобнаго Серафима Саровскаго, молящагося на колѣняхъ на камнѣ въ лѣсу съ воздѣтыми къ небу руками и сіяющими вокругъ головы лучами.

Послѣ Троицкихъ торжественныхъ богослуженій, когда богомольцы въ большинствѣ расходились по домамъ на полевыя и хозяйственныя работы, юный паломникъ рѣшилъ просить благословенія на поступленіе въ братію у старца іеромонаха о. Домна (ученика Схи-архимандрита Иліодора), всегда окруженнаго многочисленными богомольцами, жаждавшими получить благословеніе, со-

вѣтъ или прозорливое указаніе. Подойдя въ толпѣ не безъ смущенія къ старцу, поклонился ему и сказалъ о своемъ желаніи: поступить въ число братіи.

«Давно пора, а то поздно будетъ!» — сказалъ, благословляя, старецъ.

На слѣдующій день онъ просилъ завѣдующаго гостинницей іеромонаха о. Парфенія принять его на св. послушаніе. На третій день, по указанію монаха Игнатія, онъ уже съ другими новоначальными записывалъ богомольцамъ на просфоркахъ имена: о здравіи, о упокоеніи. А черезъ недѣлю былъ назначенъ въ новый гостинный 7-ой корпусъ помогать иноку Геронтію: убирать номера, ставить самовары, разносить обѣды и ужины богомольцамъ...

Въ седьмой мѣсяцъ пребыванія въ обители, т. е. когда «Ноевъ ковчегъ остановился на горахъ Араратскихъ» (Бытія 8, 4), отецъ Парфеній собралъ всѣхъ новопоступившихъ и повелъ ихъ въ первый разъ къ о. настоятелю на благословеніе. Авва архимандритъ Исаія принялъ всѣхъ по отечески въ филаретовской келліи, каждаго называлъ братомъ, несмотря на ихъ дѣтскій и юношескій возрастъ, спрашивалъ: имя, чѣмъ дома занимался, какіе знаетъ молитвы и псалмы, почему поступилъ въ обитель? Потомъ давалъ каждому прочесть двѣ-три строчки изъ Евангелія: «Аще кто ударитъ въ ланиту, подставь ему другую» (Матѳ. 5, 39); «Никтоже возложь руку свою на рало, и зря вспять, управленъ есть въ Царствіи Божіи» (Луки 9, 62). А брату Григорію указалъ о наемникахъ на виноградникѣ, получившихъ равную мзду послѣдніе съ первыми: «И тѣмъ рече: Идите и вы въ виноградъ мой» (Матѳ. 20, 4). Это изреченіе его такъ удивило, что онъ всю жизнь благоговѣлъ передъ прозорливымъ Аввой. Затѣмъ о. настоятель благословилъ каждому: подрясникъ, четки, поясъ и скуфейку, и сказалъ: «Чада мои! Трудитесь, молитесь, поститесь. По мѣрѣ силъ подражайте житію и подвигамъ преподобныхъ отцовъ, какъ любящіе дѣти благочестивымъ родителямъ. При этомъ всегда помните и въ жизни руководитесь словами пророка: «Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, и на пути грѣшныхъ не ста, и на сѣдалищи губителей не сѣде. Но въ законѣ Господни воля его, и въ законѣ Его поучится день и нощь» (Пс. 1, 1-2). Творяй тако — спасенъ будетъ».

Послѣ сего назначилъ каждому старца и съ миромъ и благословеніемъ отпустилъ всѣхъ на святое послушаніе.

Въ слѣдующее воскресенье братъ Григорій отправился къ своему старцу іеромонаху отцу Піонію — эконому. Старецъ принялъ его привѣтливо: угощалъ чаемъ, бесѣдовалъ и благословилъ написать письмо родителямъ: просить у нихъ прощенія и благословенія на тѣсный иноческій путь, съ обѣщаніемъ не забывать ихъ никогда въ своихъ молитвахъ... Послѣ бесѣды, добрыхъ совѣтовъ и благословенія, братъ Григорій почувствовалъ, что онъ не одинокъ на но-

вомъ пути, а у него есть опора — духовный отецъ, мудрый наставникъ и опытный руководитель, которому можно открывать совѣсть, мысли и говорить обо всемъ откровенно.

Черезъ недѣлю, по просьбѣ отца эконома, его перевели на экономію, гдѣ онъ около трехъ лѣтъ проходилъ послушаніе подъ руководствомъ своего любвеобильнаго Старца.

Однажды дальновидный Авва Исаія, осматривая съ о. экономомъ хозяйственныя послушанія, обратилъ вниманіе на пустопорожній участокъ земли, прилегавшій съ южной стороны къ монастырской оградѣ, длинною около ста саженей. О. Піоній предложилъ насадить здѣсь садъ, но Авва нашелъ это мѣсто подходящимъ для виноградника, и сказалъ, что сегодня и Евангеліе читалось объ этомъ (8-я недѣля, среда, — Матѳ. 20, 1-16). О. экономъ возражалъ, указывая на климатическія условія и на отсутствіе въ Курской губерніи виноградныхъ садовъ. Призвали брата Григорія, который подтвердилъ возможность созрѣванія винограда при условіи: подходящаго сорта лозы, разложеніемъ весною костровъ, укрытіемъ на зиму отъ морозовъ, съ предварительнымъ переваломъ почвы.

Выслушалъ о. настоятель его практическія соображенія и тутъ же назначилъ его на это новое послушаніе, съ перемѣщеніемъ въ башенную келлію, въ которой нѣкогда жилъ и подвизался прозорливый старецъ іеросхимонахъ Макарій.

Къ престольному празднику обители, 8 сентября, братъ Григорій былъ облеченъ въ иноческое одѣяніе: рясу, камилавку и шлемъ спасенія. А затѣмъ о. настоятель отпустилъ его на мѣсяцъ на родину, для заготовленія виноградныхъ саженцевъ. На родинѣ о. Григорій въ будніе дни работалъ на родительскомъ виноградникѣ, заготовляя для монастыря нужное количество саженцевъ, а въ праздники посѣщалъ церковь. По дорогѣ въ храмъ Божій и въ оградѣ его окружали старики, сверстники и подростки, не исключая женщинъ и дѣвушекъ, которыя, издали, восхищались его ниже пояса каштановыми волосами. Онъ разсказывалъ о строгой монастырской жизни, торжественныхъ богослуженіяхъ, чудесахъ отъ св. иконы Богоматери, о многотысячномъ крестномъ ходѣ съ чудотворнымъ Образомъ въ гор. Глуховъ, Черниговской губерніи, о прозорливыхъ старцахъ, юродивыхъ монахахъ, о храмахъ и монастырскихъ скитахъ. Всѣ съ восхищеніемъ слушали его и радовались, что уже трое изъ ихъ села живутъ въ святыхъ мѣстахъ. А когда онъ отъѣзжалъ обратно въ монастырь, то едва ли не все село провожало его за погостъ, гдѣ онъ земно всѣмъ поклонился и подъ вечерній звонъ навсегда оставилъ отчій домъ.

Въ ту же осень о. Григорій съ двумя молодыми послушниками трудился надъ переваломъ земли для будущаго виноградника, а весною производилъ планировку и посадку виноградной лозы, и все лѣто находился за работой на виноградникѣ, который неодно-

кратно посѣщалъ Авва Исаія, всегда одобряя культурную обработку и удивляясь быстрому росту молодой лозы, обѣщавшей отъ Господа всѣмъ прежде пришедшимъ въ обитель и нынѣ труждающимся равную награду.

На второй годъ нѣсколько кустовъ къ осени были съ крупными виноградными кистями, подтверждающими подходящую почву земли. А на третій годъ, благодаря благопріятному жаркому лѣту, къ удивленію братіи и богомольцевъ, въ братской трапезѣ 6-го августа, въ день Преображенія Господня, вмѣстѣ съ медомъ, Антоновскими яблоками, на третье блюдо, освящался виноградъ по мѣстному названію «Тирасъ».

Кромѣ послушанія на виноградникѣ, о. Григорій пѣлъ на лѣвомъ клиросѣ, иногда читалъ часы, каѳизмы, а также неупустительно посѣщалъ всѣ обязательныя богослуженія. Въ 12 часовъ ночи начиналась полунощница, утреннія молитвы, утреня; въ 6 часовъ утра ранняя Литургія. Въ 8 часовъ служился акаѳистъ не для всѣхъ, кромѣ субботы, обязательный; въ 9 часовъ поздняя Литургія, обязательная для пѣвчихъ и свободныхъ отъ послушанія.

Въ праздники съ благословенія Аввы желающіе посѣщали Ближній скитъ — мѣсто явленія иконы Рождества Божіей Матери, братское кладбище, источникъ на лугу, школки фруктовыхъ, сосновыхъ, еловыхъ и др. растеній; и въ трехъ верстахъ выше обители, въ лѣсу, на правомъ берегу р. Обесты — Дальній Спасо-Иліодоровскій скитъ и старцевъ, а въ 4 часа всѣ спѣшили къ вечернѣ, а подъ большіе праздники — ко всенощному бдѣнію, продолжавшемуся шесть, а иногда восемь часовъ. Ко всему этому нужно прибавить обязательное старческое ежедневное правило: Псалтирь, Апостолъ, Евангеліе, земные или поясные поклоны, съ расчетомъ для отдыха не болѣе 4 ч. въ сутки, а Великимъ постомъ и того менѣе.

Черезъ годъ, послѣ пребыванія о. Григорія въ гостяхъ на родинѣ, въ Глинскую пустынь прибыли и поступили въ число братіи три юныхъ его земляка: младшій братъ о. Григорія — Василій Ребеза, Димитрій Малиновскій и Ѳеодоръ Тысячный, у котораго былъ старшій братъ — іеромонахъ Корнилій *), жившій, послѣ военной службы во флотѣ, въ Благовѣщенскомъ на Амурѣ мужскомъ монастырѣ, съ нимъ послушникъ Ѳеодоръ, будучи на послушаніи въ прачешной, часто переписывался.

Однажды на тройкѣ гнѣдыхъ прибылъ въ обитель управляющій имѣніемъ князя Барятинскаго г-нъ Орловскій и просилъ у о. настоятеля аудіенціи. Авва принялъ его въ своихъ покояхъ; въ бесѣдѣ услышалъ отъ него слѣдующее: «Въ газетѣ «Курская быль» я прочелъ статью «О культурномъ виноградникѣ въ Глинской пустыни»; пріѣхалъ видѣть его, если Вы позволите, и узнать, какимъ спосо-

---

*) О іеромонахѣ Корниліи рѣчь будетъ дальше.

бомъ обрабатывается вашъ виноградникъ? Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я въ имѣніи «Марьино-Ивановское» приготовилъ лучшій участокъ земли, приставилъ къ нему съ высшимъ агрономическимъ образованіемъ завѣдующаго, но въ результатѣ ничего не выходило: то корни промерзнутъ, то весенніе заморозки цвѣтъ убьютъ, то филоксера и мильдіу листъ поражаютъ».

Авва ему сказалъ, что очевидно въ этомъ дѣлѣ нужно не только агрономическое и теоретическое знаніе, а болѣе практическое, а главное — помощь Божія, къ чему, обычно, ваши служащіи и рабочіе не прибѣгаютъ, а въ большинствѣ случаевъ начинаютъ свой трудъ съ гнѣвомъ, враждой, безумнымъ сквернословіемъ и кажденіемъ табачнымъ чадомъ. А наша братія къ усердному труду присоединяетъ молитву, вѣру въ помощь Божію, ладанокъ и св. воду. Конечно, ясновельможный управляющій послѣднія слова слушалъ съ улыбкой и, не соблюдая должнаго этикета — молчанія, въ пол-голоса промолвилъ: «Ну это вздоръ!» — «А по нашему — заборъ, т. е. огражденіе и необходимость. — Безъ Бога не до порога», сказалъ Авва.

Послѣ личнаго осмотра тучнаго урожайнаго виноградника, управляющій сказалъ эконому о. Піонію: «Я вначалѣ не былъ согласенъ съ нѣкоторыми религіозными доводами почтеннаго о. настоятеля, а теперь во многомъ съ нимъ согласенъ. Передайте ему мой низкій поклонъ».

ПЕРЕМѢЩЕНІЕ ВЪ КИШИНЕВСКУЮ ЕПАРХІЮ.

Бывшій экономъ Кишеневскаго архіерейскаго дома архимандритъ Анфимъ *), ученикъ Глинскаго подвижника старца схи-архимандрита Иліодора, передъ уходомъ на покой, съ благословенія архіепископа Серафима (Чичагова), просилъ настоятеля Глинской пустыни схи-архимандрита Іоанникія откомандировать въ Кишиневскую епархію трехъ способныхъ иноковъ на административныя послушанія. Уступая просьбѣ почтеннаго старца, о. Іоанникій послалъ за послушаніе трехъ иноковъ. О. Григорій, въ монашествѣ Геннадій, былъ послѣ Добрушскаго монастыря назначенъ экономомъ кишиневскаго архіерейскаго дома. Въ санѣ священнослужителя о. Геннадій проходилъ сіе хлопотливое послушаніе при трехъ архіепископахъ: Серафимѣ (Чичаговѣ), Платонѣ (Рождественскомъ) и нынѣ здравствующемъ Первосвятителѣ Зарубежной Русской Церкви Митрополитѣ Анастасіи.

Кромѣ хозяйственныхъ обязанностей и частыхъ архіерейскихъ богослуженій въ митрополіи, ему приходилось принимать участіе въ общественныхъ церковныхъ торжествахъ, — во дни пребыванія

*) См. Подвижники 18 и 19 вѣковъ, іюль мѣс. стр. 409.

Государя Николая II съ семьей въ Кишиневѣ, при открытіи памятника императору Александру I; во время крестнаго хода съ чудотворнымъ образомъ Гербовецкія Божія Матери, и въ другихъ подобныхъ случаяхъ. А въ годы первой войны съ нѣмцами, передъ Пасхальными и Рождественскими праздниками, онъ сопровождалъ изъ Кишинева по нѣскольку вагоновъ съ подарками въ Ставку, гдѣ не разъ совершалъ богослуженіе въ присутствіи Высочайшихъ Особъ.

Такъ продолжалось его безкорыстное служеніе св. Церкви и многострадальному нашему народу до появленія въ нашемъ Отечествѣ безбожныхъ самозванцевъ и незаконнаго захвата Румынами Бессарабіи.

ПЕРЕѢЗДЪ ВЪ ОДЕССУ И НАЗНАЧЕНІЕ ВЪ БИЗЮКОВЪ МОНАСТЫРЬ.

Не желая оставаться въ подчиненіи румынскимъ духовнымъ властямъ въ Кишиневѣ, о. Геннадій переѣхалъ въ Одессу.

Съ прибытіемъ, послѣ избранія патріарха Тихона и помѣстнаго Собора, на Херсонскую каѳедру митрополита Платона, онъ былъ назначенъ намѣстникомъ Григоріе-Бизюкова монастыря на Днѣпрѣ, гдѣ онъ переживалъ вмѣстѣ съ братіею и корпораціей семинаріи частые набѣги разныхъ бандъ, грабившихъ монастырское имущество, священные сосуды и братію, включительно до звѣрскаго убійства: іеромонаховъ Іосифа, Мелетія, Мисаила; іеродіаконовъ Сергія, Василія; схимонаха Пантелеимона; монаховъ Геласія, Ѳеодосія; инока Іоанна Алферова и двухъ послушниковъ Николая и Евтихія Кушмиря, бѣжавшихъ въ Бериславъ.

ОСТАВЛЕНІЕ БИЗЮКОВА МОНАСТЫРЯ И НАЗНАЧЕНІЕ ВЪ МѢЩАНСКУЮ ЦЕРКОВЬ гор. ОДЕССЫ.

Послѣ вышеупомянутой трагедіи и захвата всего монастыря красными шайками, о. Геннадій съ однимъ спутникомъ, изъ оставляемаго отступавшими на Коховку послѣдними добровольческими частями Берислава, рискуя жизнью, по степной открытой полевой равнинѣ добрался до Херсона, къ епископу Прокопію съ докладомъ. На слѣдующій день вмѣстѣ съ бѣжавшими горожанами, въ темную ноябрьскую ночь, на рѣчномъ пароходикѣ, который въ Днѣпровскомъ лиманѣ нѣсколько разъ выходилъ изъ фарватера и носомъ садился на мель, при появленіи луны, вышли въ море, обогнули Суворовскій Очаковъ, и, при тихой погодѣ, всѣ благополучно прибыли въ Одессу, гдѣ пришлось видѣть сцены обезумѣвшихъ людей при посадкѣ на пароходы, отходившіе отъ береговъ родной отчизны въ чужія невѣдомыя страны.

Собравшійся къ выѣзду въ Америку митрополитъ Платонъ предлагалъ ѣхать съ нимъ заграницу, но о. Геннадій и спутникъ рѣ-

шили остаться на Родинѣ. Тогда митрополитъ назначилъ о. Геннадія въ Мѣщанскую церковь на Тираспольской ул., а спутника — въ Константино-Еленинскую церковь Вировскаго монастыря, при селѣ Осиповкѣ, Тираспольскаго уѣзда.

АРЕСТЪ О. ГЕННАДІЯ И ШЕСТИМѢСЯЧНОЕ ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Послѣ захвата живистами архіерейскаго дома на Софіевской улицѣ № 7, о. Геннадій, какъ тихоновецъ, перешелъ на Спиридоновскую ул. № 13, въ домъ В. Н. Кандыба. А потомъ былъ вынужденъ перейти на Старопортофранковскую, въ подвальное сырое помѣщеніе къ Т. И. Столяровой, но чекисты и тамъ не давали ему покоя, мучили, какъ аспиды, и жалили, какъ скорпіоны: ночными обысками, невыносимыми налогами, вызывами въ Ч.К. и т. п.

Во время изъятія церковныхъ цѣнностей, вымогательныхъ «торгсиновъ» и «золотыхъ ночей» комиссаръ по церковнымъ дѣламъ тов. Сокольскій (бывшій священникъ), снявшій съ епископа Алексія (Боженова) панагію, снялъ съ о. Геннадія золотой архимандричій крестъ, яко бы послѣ декрета принадлежащій государству, а самого отправилъ въ тюрьму. Въ тюрьмѣ его впихнули въ камеру, въ которой находились спекулянты, валютчики, духовенство и крестьяне, на которыхъ были доносы, какъ на имѣющихъ золото и цѣнности. Послѣ трехъ мѣсяцевъ ночныхъ допросовъ, начались пытки, или — какъ говорили — «инквизиція. Обычно это дѣлалось ночью такъ: Въ камеру входилъ съ наганомъ въ рукѣ дежурный и два палача въ черныхъ маскахъ, дежурный приказывалъ, потрясая оружіемъ, всѣмъ лечь на животъ и не смотрѣть по сторонамъ. Палачи подходили къ намѣченной жертвѣ, за ноги стаскивали съ наръ, одинъ бралъ за руки, а другой за ноги и начинали на вѣсу раскачивать до головокруженія и рвоты, а потомъ съ размаха швыряли на каменный полъ, въ уголъ, гдѣ была канализаціонная чугунная сѣтка, а затѣмъ брались за второго и т. д. Послѣ такой «операціи» нѣкоторые съ отбитыми внутренностями болѣе не вставали. На третьемъ мѣсяцѣ заключенія, подобную пытку продѣлали надъ о Геннадіемъ, но на его счастье палачи оказались малосильными, покачавъ нѣсколько, до морской болѣзни, бросили почти возлѣ себя, съ руганью на его «бегемотовую тяжесть». Черезъ полчаса онъ всталъ, чувствовалъ головокруженіе и непріятную отрыжку, но ушибовъ и поломовъ не было. Послѣ продѣланной «инквизиціи», въ камеру вводился водопроводный шлангъ и смывалъ кровь, рвоту и проч. въ уголъ съ чугунной рѣшеткой.

Черезъ мѣсяцъ послѣ «золотого» освобожденія о. Геннадія, я въ послѣдній разъ навѣстилъ его въ подвальной квартирѣ, предоста-

вленной Т. И. Столяровой ему и его больной старушкѣ матери, которая послѣ возвращенія больного сына изъ тюрьмы скоро скончалась.

Одновременно съ о. Геннадіемъ во время «золотыхъ ночей» былъ арестованъ преподаватель Бизюковской семинаріи, окончившій Казанскую духовную академію, архимандритъ Нилъ (Безбородый). Его обвиняли чекисты въ скрытіи монастырскихъ цѣнностей, къ которымъ онъ, какъ педагогъ, не имѣлъ никакого отношенія. А главное, что въ Бизюковскомъ монастырѣ не было особенныхъ движимыхъ цѣнностей, кромѣ обыкновенныхъ священныхъ серебрянныхъ сосудовъ, которые въ первые годы революціи были разграблены разными бандами. А банда изъ Гуляй-Поля святотатственными руками выбросила на полъ Св. Дары и захватила послѣднюю серебрянную дарохранительницу, сняла нѣсколько ризъ съ иконъ и похитила копію Касперовской иконы Божіей Матери.

Скотъ, продукты питанія, посѣвныя сѣмена — грабились до послѣдняго зерна.

Что же касается процентныхъ бумагъ, вѣчныхъ вкладовъ и пожертвованій, отъ которыхъ монастырь до 1917 года пользовался только процентами, то со дня революціи онѣ были лишены своей цѣнности, и братія была вынуждена за паекъ работать у своихъ же вчерашнихъ наемниковъ, захватившихъ монастырь, хозяйственный инвентарь, плавни и полевую землю, подъ начальствомъ Бериславскаго бандита тов. Дорошенко. Но все это не остановило одесскихъ чекистовъ «пришить» дѣло невинному архимандриту Нилу и держать его въ застѣнкахъ Ч.К., гдѣ онъ въ сорокалѣтнемъ возрастѣ, какъ священномученикъ, не безъ пытокъ, какъ говорили, — скончался.

Въ тѣ же годы въ Бозѣ почилъ уважаемый и почитаемый всею вѣрующею Одессою долголѣтній настоятель св. Николаевской портовой церкви, протоіерей о. Іона Атамановъ, котораго называли вторымъ Кронштадтскимъ пастыремъ.

Въ періодъ обновленческаго раскола, только онъ одинъ съ нѣкоторыми монашествующими священнослужителями не соблазнились новою лукавою совѣтскою ересью. Онъ былъ твердо вѣренъ Святѣйшему патр. Тихону во всѣ годы гоненій, клеветы и ареста, несмотря на угрозы совѣтской власти. Вразумляя своихъ малодушныхъ собратьевъ, о. Іона говорилъ: «держитесь Богомъ посланнаго въ наше смутное время второго Ермогена — Святѣйшаго Святителя и патріарха Тихона и не идите за наемниками и за тѣми, которые «прелазятъ инудѣ», ибо они «татіе суть и разбойницы» (Іоан. 10, 1, 8).

На похороны о. Іоны, вмѣстѣ съ рабочими, вопреки объявленію воскресенья рабочимъ днемъ въ порту собралась вся вѣрующая Одесса отдать послѣдній долгъ почившему пастырю. Послѣ соборнаго отпѣванія и обнесенія почившаго вокругъ храма съ пѣніемъ «Помощникъ и покровитель», многотысячная толпа плавно подымалась за гробомъ по каменной лѣстницѣ на Ришельевскую улицу, по которой всѣ балконы и окна были заняты вѣрующими и невѣрующими зрителями. Вблизи церквей и на перекресткахъ улицъ служились литіи. Грандіозная похоронная процессія медленно проходила черезъ весь городъ направляясь къ православному кладбищу. Передъ заходомъ солнца, со слезами, молитвой и пѣніемъ «Вѣчной памяти» многочисленнымъ хоромъ, тихо опустили въ родную землю тѣло чтимаго пастыря.

Гробъ, крышку и дубовый крестъ портовые рабочіе, несмотря на дальнее разстояніе, несли на своихъ рукахъ отъ свято-Николаевской церкви до могилы.

СУДЪ И ССЫЛКА ВЪ СИБИРЬ.

Встрѣча съ Т. И. Столяровой и переданныя ею свѣдѣнія о послѣднихъ годахъ о. Геннадія.

Послѣ послѣдняго посѣщенія архимандрита Геннадія, я около 20 лѣтъ не имѣлъ о немъ свѣдѣній: ни въ Бессарабіи ни въ Румыніи. Во время второй міровой войны съ нѣмцами, при Румынскомъ королѣ Михаилѣ, насъ всѣхъ русскихъ (не принявшихъ подданства), подъ шефствомъ графа Келлера, переселили въ Банатъ, въ окрестности города Темишвары, гдѣ я неожиданно встрѣтился съ бывшей хозяйкой квартиры о. Геннадія, Т. И. Столяровой, которая на основаніи полученныхъ писемъ отъ о. Геннадія и о. Корнилія (Тысячнаго), разсказала слѣдующее.

Въ годы совѣтской варварской коллективизаціи и ссылки лучшихъ хлѣборобовъ въ концлагеря, ежегодно систематически ликвидировалось и духовенство. А затѣмъ былъ арестованъ и высланъ изъ Одессы митрополитъ Анатолій (Грисюкъ), поминавшій митрополита Петра Крутицкаго. Его сестра, бывшая матушка протоіерея А. Громадскаго, впослѣдствіи митрополита Волынскаго Алексія, убіеннаго сепаратистами въ Шумскомъ лѣсу по дорогѣ въ Дубно, — отъ разрыва сердца, скончалась въ моментъ ареста брата.

Послѣ ареста и высылки викарныхъ епископовъ Ананьевскаго Парфенія (Брянскихъ) и Елисаветградскаго Онуфрія, оставшійся больной епископъ Ѳеодосій (Петика), бывшій миссіонеръ Кишиневской епархіи, — вскорѣ умеръ. И къ концу 1934 года Одесская паства и Херсонская епархія остались безъ пастырей и безъ церквей до второй міровой войны съ Германіей.

Архимандрита Геннадія судила «тройка» И.И.К.В.; обвиняли его въ сокрытіи монастырскихъ цѣнностей; въ агитаціи противъ совѣтской власти; въ изученіи имъ греческаго языка, въ подготовкѣ бѣгства заграницу и т. п. По 58 ст. осудили на 10 лѣтъ въ Дальне-Восточные концлагеря, или какъ говорили: на «Б.А.М.», т. е. Байкало-Амурская магистраль.

До Читы ихъ везли въ товарныхъ вагонахъ болѣе мѣсяца, съ усиленной охраной, которая на каждой остановкѣ бѣгала по крышамъ вагоновъ и подъ вагонами, провѣряя, нѣтъ ли побѣговъ. А случающихся въ вагонахъ умершихъ, выбрасывали съ моста въ рѣку или въ лѣсу подъ откосъ, и поѣздъ слѣдовалъ дальше.

Въ Читѣ всѣхъ тщательно обыскивали, провѣряли нѣсколько разъ по спискамъ, ощупывали упитанность; гоняли въ лагерную баню, гдѣ стригли, брили, духовныхъ лицъ принудительно: одинъ держалъ руки назадъ, второй голову, а третій стригъ. О. Геннадій писалъ: «Въ Читѣ меня обезобразили, превратили въ павлина безъ хвоста, въ козла отпущенія безъ бороды, и одѣли въ арестанскую хламиду»...

На третій день всѣхъ пѣшимъ строемъ погнали къ пристани, погрузили на баржу, которую потянулъ «Ленинъ» по рѣкѣ Шилкѣ, а дальше — по Амуру до Благовѣщенска. Въ Благовѣщенскѣ была дневка. Послѣ переклички у причала, пароходный электротехникъ, услыхавшій фамилію Ребеза, улучивъ минутку, подошелъ къ о. Геннадію, поздоровался и сказалъ: «Помните, сосѣда Тысячнаго?» — «О! какъ же, вмѣстѣ призывались!» Оба расцѣловались и заплакали.

О. Корнилій вкратцѣ разсказалъ, что послѣ ареста Владыки Евгенія за полѣно монастырскихъ дровъ, и ссылки на 10 лѣтъ въ Соловки, О. Г. П. У. захватило монастырь, арестовало всю братію, а о. Корнилія, какъ бывшаго моряка, черезъ семь мѣсяцевъ «освободили» съ отобраніемъ подписки о невыѣздѣ, а потомъ мобилизовали въ рѣчной флотъ и назначили на буксирный пароходъ «Ермакъ», недавно перекрашенный въ «Ленина». И вотъ болѣе 10 лѣтъ онъ плаваетъ на немъ по Амуру до Хабаровска и вверхъ. Не разъ съ Китайскаго берега обстрѣливали ихъ, но милость Божія его хранила. Затѣмъ, онъ далъ свой вольный адресъ и просилъ писать. О. Геннадій въ свою очередь просилъ писать и пересылать его переписку въ Одесскій адресъ.

На слѣдующій день опять повѣрка, обыскъ, санитарный осмотръ и установленіе трудоспособности. Конечно, какъ всегда, комиссія нашла всѣхъ годными. И въ тотъ же день болѣе тысячи человѣкъ строевымъ порядкомъ, «армію труда», какъ совѣтскіе вельможи называли свои жертвы, погнали по окраинамъ города въ другой лагерь. Проходя по дорогѣ въ предмѣстьѣ Бунгунда, видѣли на возвышенномъ живописномъ мѣстѣ, окруженномъ лѣсомъ, бывшій монастырь, на

храмѣ котораго вмѣсто креста трепалась красная тряпка съ эмблемой: серпъ и молотъ.

Въ многотысячномъ лагерѣ всѣхъ размѣстили въ дощатыхъ дырявыхъ баракахъ, окруженныхъ колючей проволокой и сторожевыми постами. Утромъ, послѣ чечевичной похлебки, разводъ, пропускъ счетомъ черезъ вахту, или какъ называли «игольное ушко», и приводили къ участку земляныхъ работъ. Здѣсь выдавали однимъ бригадамъ лопаты, другимъ — кирки, а третьимъ тачки для конвейрной подвозки земли къ насыпу. О. Геннадія прикрѣпили къ тачкѣ, на которой ему пришлось около трехъ лѣтъ перевозить землю съ одного мѣста въ другое около версты и болѣе.

Въ этомъ совѣтскомъ концлагерномъ муравейникѣ было нѣсколько архіереевъ: Елисаветградскій Онуфрій, Варсонофій *) (Лузинъ), Антоній (Романовскій), Іосифъ (Орѣховъ), которые не скрывали своего сана и многимъ давали добрые совѣты и помогали, чѣмъ могли.

Вотъ тутъ то, работая день, а иногда и ночь, часто приходилось въ шестидесятилѣтнемъ возрастѣ вспоминать слова, сказанныя Христомъ апостолу Петру: «Аминь, аминь глаголю тебѣ: егда бѣ юнъ, поясашася самъ, и хождаше аможе хотяше: егда же состарѣешися, и воздѣжеши руцы твои, и инъ тя пояшетъ, и ведетъ, аможе не хощеши» (Іоан. 21, 18), — говорили владыки.

ОТПРАВКА НА КОЛЫМУ, ОТУДА НѢТЪ ВОЗВРАТА НИКОМУ.

Послѣ досрочнаго окончанія вышеозначенной Байкало-Амурской магистрали, совѣтскіе чекисты лишили многихъ съ 58 ст. обѣщанныхъ зачетовъ, досрочныхъ освобожденій, а нѣкоторымъ «пришили новые обвиненія, добавочные сроки и отправили на Колыму. Къ этой категоріи былъ причисленъ и о. Геннадій.

На Колыму отправляли на пароходѣ «Сахалинъ» по Амуру до Николаевска, а далѣе моремъ до Охотска (Магаданъ). Въ Охотскѣ высадили и погнали подъ усиленнымъ конвоемъ по дремучей тайгѣ къ берегу рѣки Колымы. По лѣсной просѣкѣ днемъ, а наипаче ночью тучи комаровъ превращали безъ накомарниковъ слабыхъ обезсиленныхъ людей въ окровавленныя, обезображенныя движущіяся въ лохмотьяхъ тѣни. Но каждый напрягалъ свои послѣднія силы, чтобы не свалиться, иначе «прикалывали», т. е. оттаскивали въ кусты, въ животъ вбивали колъ, чтобы не убѣжалъ. Какъ видно, за убійство заключеннаго охранникъ не отвѣчалъ, а за побѣгъ рисковалъ своею головой.

Въ подтвержденіе такихъ безчеловѣчныхъ поступковъ вспомнимъ разсказы заключенныхъ соловчанъ и Бѣломорскаго канала: «При

*) Изъ Бѣломорскаго канала.

палачахъ Дзерджинскомъ и Берманѣ на Соловки были сосланы протоіерей Успенскій и его сынъ. Сынъ скоро устроился охранникомъ, конвоировалъ этапы заключенныхъ съ одного лагеря въ другой и, какъ видно, своею жестокостью заслужилъ довѣріе у чекистовъ. Въ зимнюю пору, во время мятели ему пришлось сопровождать этапъ, въ которомъ былъ его родной отецъ. Онъ по старости и болѣзни не могъ итти по глубокому снѣгу въ строю; часто спотыкался и падалъ и, какъ видно, задерживалъ этапъ. Тогда злодѣй-сынъ приказалъ отцу отойти въ сторону, въ кусты, и тамъ пристрѣлилъ его. Лѣсное эхо повторило выстрѣлъ, а Соловецкая метель съ пѣніемъ сѣвернаго вѣтра похоронила въ бѣлоснѣжной ризѣ новаго священномученика.

Весной тѣло отца протоіерея Успенскаго, съ пулей въ затылкѣ, было обрѣтено нетлѣннымъ.

Послѣ такого безчеловѣчнаго поступка молодой Успенскій на Соловкахъ получилъ отъ чекистовъ повышеніе по службѣ и временное довѣріе въ ихъ средѣ. А потомъ въ Медвѣжьей Горѣ былъ былъ нѣсколько лѣтъ начальникомъ всѣхъ заонѣжскихъ концлагерей, пока его самого не разстрѣляли при Ежовѣ.

При немъ не менѣе свирѣпствовалъ въ Повѣнецкомъ отдѣленіи Бѣломорскаго канала его помощникъ — старообрядецъ-раскольникъ Иконниковъ».

На берегу рѣки Колымы было нѣсколько безлюдныхъ бараковъ и шаткій причалъ для парохода. Здѣсь погрузили всѣхъ на баржу, и небольшой пароходикъ «Кукушка» потянулъ новыхъ каторжанъ между золотистыми берегами и дѣвственными лѣсами внизъ по теченію, къ золотымъ пріискамъ, гдѣ десятки тысячъ обреченныхъ на преждевременную смерть, копошились, какъ муравьи, не зная зимою дней, а лѣтомъ ночей, добывая золотого тельца для совѣтской безбожной кумирни.

Въ концлагерѣ на Колымѣ та же обстановка, какъ во всѣхъ совѣтскихъ лагеряхъ, несмотря на то, что некуда бѣжать, да и въ голову никому не приходитъ жертвовать жизнью въ пользу звѣрей, та же колючая вокругъ лагеря проволока, тѣ же вышки съ часовыми, тотъ же пропускъ черезъ вахту счетомъ, строевыя переклички каждый вечеръ. Дни отдыха часто превращаютъ въ «ударники» въ честь какого либо совѣтскаго событія или одного или многихъ тирановъ, и тотъ же паекъ и та же похлебка.

На совѣтскихъ золотыхъ пріискахъ о. Геннадія прикрѣпили въ «лошадиную бригаду», которую замѣняли двуногіе люди: трое запрягались въ вагонетку, старшій по лѣтамъ въ корень, а двое въ пристяжку, и шестиногая «тройка» по деревяннымъ рельсамъ тащила вагонетку за версту и далѣе къ карьеру, гдѣ она нагружалась елико возможно золотымъ пескомъ, въ которомъ часто попадались

крупные самородки, нагруженную же вагонетку въ три «лямки» тащили на промывочный пунктъ.

Въ началѣ сентября навигація прекращалась и доставка заключенныхъ откладывалась до весны; погибшіе за зиму люди лѣтомъ пополнялись новыми «врагами народа», и такъ изъ года въ годъ...

Какъ ни крѣпился о. Геннадій, но климатическія и нечеловѣческія условія быстро сокрушали его изнуренное здоровье, а наступившіе зимніе 50° морозы съ трехмѣсячною ночью, какъ видно, заморозили его въ совѣтскихъ лагерныхъ лохмотьяхъ, безъ необходимаго теплаго помѣщенія и человѣческаго ухода.

Во время болѣзни онъ писалъ о. Корнилію о своемъ тяжеломъ духовномъ состояніи, подобномъ «Геѳсиманской ночи», просилъ прислать Св. Частицу въ сухарикахъ, пересылать его письма въ Одессу и молиться о упокоеніи души его.

Конечно, о. Корнилій елико возможно исполнялъ его просьбы, но о послѣдней посылкѣ отвѣта уже не получилъ.

На неоднократныя письма о. Корнилія Колыма не отвѣчала, только на слѣдующій годъ, осенью, пришло одно письмо обратно, съ припиской на конвертѣ: «за ненахожденіемъ адресата возвращается».

Такъ нашъ во Христѣ собратъ, инокъ Глинской пустыни, архимандритъ Геннадій, прошелъ свой земной тернистый путь: отъ южныхъ береговъ Чернаго моря до сѣвероледовитой Колымы, гдѣ умеръ какъ священномученикъ въ заточеніи. Умеръ, какъ умирали беззащитные исповѣдники Христовы при римскихъ Неронахъ, въ первые вѣка на каменоломняхъ Тавриды-Херсонеса. Такъ въ XX вѣкѣ умираютъ послѣдователи Христовы отъ совѣтскихъ тирановъ, съ вѣдома всего христіанскаго міра, въ Сибири и въ другихъ предѣлахъ, захватившихъ въ свои дьявольскія сѣти нашу многострадальную Родину и потерявшій вѣру въ Господа Бога русскій народъ.

Архимандритъ Серафимъ (Вербинъ).

Жизнь и геройская смерть моего дорогого сына Олега.

Олегъ Павловичъ Митрофановъ родился 1/14 февраля 1897 года въ Варшавѣ, гдѣ отецъ его былъ заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Варшавскаго Университета.

Скончался, сраженный непріятельской пулей, во время первой міровой войны въ Галиціи, за Езерной, между селами Мшаны и Жуковцы, въ послѣднемъ нашемъ наступленіи противъ непріятеля, ведя въ атаку противъ Баварскихъ войскъ 6-ую роту 2-го батальона л. гв. Преображенскаго полка подъ градомъ пуль 7/20 іюля 1917 года.

Посмертно ему присуждено за храбрость золотое Георгіевское Оружіе.

Олегъ прожилъ 20 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ. Его короткая жизнь была счастьемъ и радостью для его родителей и всѣхъ его окружающихъ. Свѣтлая, кристально-чистая, она съ ранняго дѣтства была направлена на служеніе ближнимъ, на умиротвореніе окружающихъ, на дѣланіе добра и исполненіе добра. Всюду онъ становился общимъ любимцемъ, подчиняя всѣхъ вліянію своей исключительно духовно-богато одаренной личности. Съ ранняго дѣтства, безо всякихъ стараній, безо всякой рисовки, Олегъ располагалъ къ себѣ родныхъ, воспитательницъ и прислугу. Его одинаково любили въ Московскомъ Лицеѣ Цесаревича Николая, гдѣ онъ началъ свое ученіе, въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія, въ Пажескомъ Корпусѣ. Въ л. гв. Преображенскомъ полку его любили не только товарищи-однополчане, но и солдаты, — даже въ періодъ революціи. Когда я его шутливо спрашивала: «почему тебя любятъ?», Олегъ съ улыбкой отвѣчалъ: «Потому что барсукъ (такъ онъ себя называлъ) спокоенъ, никого не трогаетъ, и никого не задѣваетъ. Зачѣмъ людей обижать?»

Да, онъ никогда не задѣвалъ чужого самолюбія, съ искреннимъ доброжелательствомъ относясь ко всѣмъ и никого не осуждая.

Олегъ свое дѣтство до 9½ лѣтъ провелъ въ семьѣ, съ нами-родителями и со старшимъ братомъ Игоремъ, съ которымъ его связывала нѣжная дружба. Дѣтство Олега было радостное. Зиму мы проводили въ Варшавѣ, а большую часть года въ большомъ и благоустроенномъ имѣніи Бѣлозоркѣ Кременецкаго уѣзда Волынской губ., гдѣ дѣтямъ былъ полный просторъ для укрѣпленія физическаго и духовнаго развитія — въ православно патріотическомъ духѣ, при очень опытныхъ воспитательницахъ. Крестьяне съ нѣжностью относились къ

нашимъ дѣтямъ, которыя были привѣтливы и ласковы. Спокойный и уравновѣшенный, маленькій Олегъ заботился о всѣхъ. 2-хъ лѣтнимъ младенцемъ, онъ слѣдилъ, чтобы за чайнымъ столомъ каждому было подано все нужное. Его заботливость простиралась на всѣхъ и во всѣ періоды его жизни. Въ Правовѣдѣніи онъ заботился о своемъ дядькѣ до мелочей, прося меня, напримѣръ, вышить на его пальто мѣтку большими буквами, чтобы не заставлять его долго искать пальто, такъ какъ у него слабые глаза. Въ полку такая же заботливость простиралась на денщика. Чрезвычайно чуткій, Олегъ не могъ видѣть близкихъ людей грустными или озабоченными и старался ласками, особымъ вниманіемъ, иногда шутками, ихъ развлечь, особенно когда дѣло касалось меня. Чуткость его была поразительная, онъ безъ словъ угадывалъ настроеніе людей. 9-тилѣтнимъ мальчикомъ онъ говорилъ мнѣ: «Не надо всего говорить, надо чувствовать». Всякія ссоры, пререканія, которыхъ ему случалось быть свидѣтелемъ, заставляли его глубоко страдать, и онъ всѣ силы напрягалъ, чтобы всѣхъ умиротворить. Прислуга его обожала, и всѣ старались его желанія предупредить. «Олегъ Павловичъ всегда все находитъ хорошимъ и вкуснымъ», говорила наша старая кухарка. «Если же ужъ онъ скажетъ, что что-либо не такъ, то это правда». Когда Олегу приходилось очень рано идти на службу въ полкъ, наша очень избалованная горничная вставала чуть свѣтъ, «чтобы для барина все было приготовлено во время».

Олегъ былъ крайне невзыскателенъ по отношенію къ самому себѣ, перенося безропотно боли, неудобства или трудности жизни до послѣдняго предѣла. Когда онъ жаловался на нездоровье, можно было быть увѣреннымъ, что у него температура доходитъ до 40°. Почти никогда не терялъ онъ терпѣнія, хотя внутреннее волненіе вызывало у него, при его нервности и впечатлительности, мучительныя сердцебіенія, о чемъ знали только мы — родители его. Во всемъ добросовѣстный, Олегъ и въ ученіи былъ старателенъ и прилеженъ. 4-хъ лѣтъ онъ выучился читать по-русски и по-англійски, немного позднѣе по-французски и по-нѣмецки, прекрасно овладѣвъ этими языками. Чтеніемъ онъ увлекался, глубоко воспринимая читаемое и часто надъ книгами проливая горькія слезы. Маленькимъ, онъ не могъ безъ слезъ декламировать «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ».

Особенной нѣжностью отличались отношенія Олега къ брату. Хотя Игорь былъ на 4½ года старше Олега, ихъ тѣсная дружба возникла съ дѣтства и продолжалась втеченіе всей жизни Олега. Послѣ его смерти, Игорь говорилъ со слезами: «Я потерялъ лучшую половину своего я». Олегъ преклонялся передъ даровитостью Игоря, гордился его блестящими успѣхами, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, обладая гораздо болѣе сильной волей и твердымъ характеромъ, покровительственно относился къ нему и имѣлъ на него громадное и всегда благотворное вліяніе. Когда случалось Игорю быть наказаннымъ, Олегъ

въ слезахъ прибѣгалъ ко мнѣ: «Не сердись на братика, онъ еще глупый, а потому не послушался, но вѣдь онъ такой хорошій».

Отъ младенчества Олегъ былъ чрезвычайно религіозенъ, сохранивъ горячую вѣру, и вѣру глубоко православную, и въ переходные годы, когда у большинства вѣра слабѣетъ или утрачивается. Въ Бѣлозоркѣ мы всей семьей въ воскресные и праздничные дни ѣздили въ церковь нашего села. Крошечнаго Олега я не брала, боясь, что онъ устанетъ и будетъ мѣшать намъ молиться. Когда Олегу исполнилось 2½-3 года, онъ сталъ настойчиво просить, чтобы его взяли въ церковь. Я ему сказала: «Хорошо, поѣдемъ, но, если ты не будешь себя вести, какъ слѣдуетъ, я тебя больше не возьму». Маленькій Олегъ простоялъ всю Литургію, какъ вкопанный, не оборачиваясь, ни разу не соглашаясь присѣсть. Съ тѣхъ поръ онъ всегда съ радостью ѣздилъ съ нами въ церковь и стоялъ неподвижно, глядя на батюшку, крестясь и приводя въ умиленіе крестьянъ, которымъ нашъ о. протоіерей какъ то съ амвона сказалъ: «Я бы хотѣлъ, чтобы всѣ мои прихожане въ церкви стояли такъ, какъ стоитъ маленькій Олегъ». Онъ очень любилъ церковные праздники въ деревнѣ, крестные ходы, но особенно радовался, когда мы совершали ежегодное паломничество въ Почаевскую Лавру, верстъ за 50 отъ нашего имѣнія. Святая Лавра съ чудотворной иконой Божіей Матери, съ мощами преп. Іова, игумена и чудотворца Почаевскаго, цѣлебный источникъ воды, вытекающій изъ подъ отпечатка стопы Божіей Матери, на скалѣ, величественные храмы Лавры, умилительныя церковныя службы, чудное пѣніе монаховъ, все это производило на маленькаго Олега глубокое впечатлѣніе. Въ этомъ Очагѣ истиннаго православія и горячаго русскаго патріотизма, онъ учился быть истиннымъ православнымъ христіаниномъ и горячимъ русскимъ патріотомъ. Глубокая привязанность къ преп. Іову и Почаевской Лаврѣ сохранилась у Олега на всю жизнь. За двѣ недѣли до его геройской смерти, когда Преображенскій полкъ, мѣняя мѣсто позиціи, проходилъ недалеко отъ Почаева, Олегъ съ однимъ изъ товарищей — Триполитовымъ — посѣтилъ Почаевскую Лавру. Цѣлый день, говорилъ мнѣ позднѣе Триполитовъ, былъ онъ тамъ охваченъ молитвеннымъ духомъ. Онъ какъ бы проникался благодатью святой Лавры для завершенія подвига самоотверженнаго служенія Отечеству.

Еще сильнѣе воздѣйствовало на душу Олега его исцѣленіе по молитвамъ приснопамятнаго отца Іоанна Кронштадтскаго. Олегу только что исполнилось 10 лѣтъ. Вслѣдствіе моей тяжелой болѣзни его пришлось отдать интерномъ въ Московскій Лицей Цесаревича Николая. Онъ вскорѣ тамъ тяжко заболѣлъ пневмоніей. Врачи отчаялись въ возможности его спасти. Въ это время пріѣхалъ въ Москву о. Іоаннъ Кронштадтскій. Директоръ Лицея немедленно попросилъ его пріѣхать, что тотъ и сдѣлалъ. Его провели въ лазаретъ, Онъ по-

дошелъ къ кроваткѣ, въ которой безъ сознанія лежалъ Олегъ. Чуть о. Іоаннъ помолился и благословилъ его, Олегъ открылъ глаза и, улыбаясь, сказалъ: «Я совсѣмъ здоровъ и чувствую себя очень хорошо». Отъ болѣзни не осталось слѣда. Олегъ на всю жизнь сохранилъ благоговѣйную память объ этомъ чудесномъ исцѣленіи о. Іоанномъ Кронштадтскимъ. Свои чувства онъ выразилъ въ трогательномъ стихотвореніи, не сохранившемся. «Какъ можно быть невѣрующимъ?» — часто говорилъ онъ. Подросткомъ онъ интересовался духовными книгами, которыя я читала, но не любилъ англійскихъ, говоря, что онѣ «уклоняютъ отъ Православія». «Почему», задумчиво спрашивалъ онъ, «люди въ траурныхъ объявленіяхъ печатаютъ: «со скорбью извѣщаю о кончинѣ», когда люди уходятъ къ Богу, въ лучшій загробный міръ? Если ты скончаешься, я не буду писать, что скорблю, потому что ты вѣдь пойдешь ко Господу, и ты, если я уйду къ Господу раньше тебя, пиши, что я ушелъ «въ лучшій міръ». Такъ я и исполнила завѣщаніе моего Олега.

Радостно и беззаботно протекало дѣтство Олега до 9-тилѣтняго возраста, когда, какъ было уже сказано, мы вынуждены были отправить Олега въ Москву. Онъ съ величайшимъ самообладаніемъ разставался со мною, всячески меня стараясь утѣшить. По пріѣздѣ въ Лицей онъ горько плакалъ, но мнѣ писалъ веселыя письма, сообщая, что ему очень хорошо, что воспитатели очень добрые, а батюшка «просто ангелъ». Только брату онъ писалъ съ грустью: «Теперь я одинъ долженъ себѣ пробивать дорогу въ жизни». Въ Лицеѣ всѣ полюбили Олега, учился онъ очень хорошо — первымъ въ классѣ — и особенно увлекался уроками Закона Божія. Исцѣленіе по молитвамъ о. Іоанна Кронштадтскаго сильно повліяло на его религіозность. Милостью Божіей я поправилась, и черезъ годъ Олегъ, сіяющій, могъ вернуться въ семью. Олегъ поступилъ въ средній приготовительный классъ Императорскаго Училища Правовѣдѣнія, вначалѣ живущимъ, но вскорѣ экстерномъ. На первыхъ же порахъ поступленія Олега въ Правовѣдѣніе, на немъ чудеснымъ образомъ проявилась Промыслительная Милость Божія.

Еще до поступленія Олега въ Училище Правовѣдѣнія я стала слышать внутренній голосъ, многократно мнѣ повторявшій: «1-го ноября Олегъ смертельно заболѣетъ дифтеритомъ». Объ этомъ явленіи я сообщила мужу. Онъ не придалъ ему значенія и побранилъ меня за то, что я придаю вѣру какимъ-то бреднямъ. Я не успокаивалась. Изъ Варшавы, гдѣ я была съ мужемъ, я посылала телеграмму за телеграммой воспитателю Чистоткину. Отвѣты были самые успокоительные. Я не успокаивалась. Наконецъ, по совѣту моего отца, проѣзжавшаго черезъ Варшаву изъ-за границы, я вмѣстѣ съ нимъ поѣхала въ Петроградъ. Это было въ концѣ сентября. Я застала Олега веселымъ и здоровымъ. Въ теченіе всего октября онъ приходилъ къ своему дѣдушкѣ, у котораго я жила, по средамъ, субботамъ и всѣмъ

праздничнымъ днямъ. Но вотъ, 31-го октября рано утромъ приноситъ дядька изъ Правовѣдѣнія письмо товарища Олега, сообщающаго мнѣ, что Олегъ простудился, лежитъ въ лазаретѣ и проситъ меня придти къ нему. Я сказала отцу: «Навѣрное, у Олега дифтеритъ. Не жди меня, я останусь съ нимъ». Въ Правовѣдѣніи я нашла Олега въ лазаретѣ для незаразныхъ. Докторъ сказалъ мнѣ, что у него обыкновенный гриппъ. Я настаивала на томъ, чтобы докторъ обратилъ вниманіе на горло. Докторъ сперва разсердился и не хотѣлъ мнѣ разрѣшить оставаться въ лазаретѣ, но я настояла. Олегъ былъ сонный и вялый противъ своего обыкновенія, но ни на что не жаловался. Вечеромъ, послѣ осмотра Олега, докторъ пришелъ ко мнѣ очень озабоченный. «Оставайтесь здѣсь», сказалъ онъ мнѣ. «Вашъ сынъ меня безпокоитъ. Я посылаю сейчасъ дѣлать изслѣдованіе въ Институтъ Экспериментальной Медицины». Прошло нѣкоторое время тревожнаго ожиданія, и докторъ сообщилъ мнѣ: «Изслѣдованіе показало, что у Олега злѣйшая форма дифтерита. Его сейчасъ переведутъ въ заразный лазаретъ и сдѣлаютъ впрыскиваніе антидифтеритной сыворотки. Оставайтесь при немъ». Наступили мучительнѣйшіе часы и дни. Впрыскиванія причинили Олегу такія страшныя боли въ спинѣ, что при своей сдержанности онъ стоналъ и метался. Недѣлю я провела, какъ въ агоніи, не зная, останется ли живъ мой дорогой мальчикъ. Вѣдь, когда ему было всего 8 мѣсяцевъ, у него былъ менингитъ, и докторъ не надѣялся его спасти. Удрученная горемъ, я горячо молилась Господу мнѣ его сохранить и услышала голосъ: «Теперь онъ останется живъ, но ты его потеряешь, когда онъ будетъ тебѣ еще гораздо дороже». Съ тѣхъ поръ, при всякой болѣзни Олега, я трепетала, спрашивая себя, не наступилъ ли моментъ, когда Господь возьметъ его къ Себѣ. Но и при дифтеритѣ эта чаша меня миновала. Олегъ остался живъ. «Ваша бдительность спасла его», сказалъ мнѣ докторъ. «Благодаря Вашимъ настояніямъ, мы захватили дифтеритъ въ самомъ началѣ, а иначе было бы поздно». Въ незаразномъ лазаретѣ лежалъ съ Олегомъ еще одинъ маленькій Правовѣдъ — Блохинъ. Инфекція была такъ сильна, что за нѣсколько часовъ пребыванія съ Олегомъ, онъ отъ него заразился. Черезъ недѣлю Олегъ былъ внѣ опасности, и мы могли вернуться домой, горячо благодаря Господа за чудо Его милости.

Черезъ годъ, съ разрѣшенія принца А. П. Ольденбургскаго, Олегъ сталъ приходящимъ. Онъ былъ въ восторгѣ, что вернулся въ семейную обстановку, живя со мною и братомъ. Его отецъ, оставшійся въ Варшавѣ, поручилъ меня попеченію Олега, и онъ вложилъ въ заботы обо мнѣ всю свою нѣжность и любовь. Съ 10-11-лѣтняго возраста Олегъ сталъ моимъ самымъ близкимъ другомъ, безъ словъ, съ рѣдкой чуткостью входя во всѣ мои переживанія. Всегда очень сдержанный, со мною наединѣ онъ становился шаловливымъ, веселымъ и шутливымъ. Учился онъ прекрасно, былъ всегда первымъ, но никогда не

подчеркивалъ своихъ успѣховъ и былъ очень любимъ товарищами. У него былъ даръ распознавать людей. Когда онъ сближался съ кѣмъ либо изъ товарищей, можно было быть увѣреннымъ, что это хорошій мальчикъ. Но онъ никогда никого не осуждалъ, ни въ Правовѣдѣніи, ни, поднѣе, въ полку. Когда я его спрашивала о комъ-либо изъ товарищей, завѣдомо зная его отрицательныя качества, Олегъ отвѣчалъ: «Онъ не такой милый, какъ другіе». Меня онъ всегда ласково просилъ: «Пожалуйста, никогда не говори ничего противъ Правовѣдѣнія», а позднѣе: «противъ Преображенцевъ».

Мирно протекали правовѣдскіе годы Олега. Дома онъ занимался языками и музыкой, которую очень любилъ. Онъ игралъ на віолончели, и дѣлалъ большіе успѣхи. Олегъ много читалъ, увлекаясь русской литературой, исторіей и особенно, подъ просвѣщеннымъ руководствомъ своей бабушки (моей матери), исторіей искусствъ. Музеи, выставки его увлекали. Очень интересовался онъ моей дѣятельностью: пріютомъ, тюремнымъ комитетомъ, духовными рефератами. Обо всемъ меня разспрашивалъ.

Слабый здоровьемъ, Олегъ въ 1913 году тяжело заболѣлъ ползучимъ воспаленіемъ легкихъ. Доктора нашли необходимымъ длительное пребываніе на югѣ. Въ это время мой страшій сынъ Игорь былъ назначенъ Attaché при нашемъ Посольствѣ въ Константинополѣ, и мы всѣ туда поѣхали. Шестимѣсячное пребываніе въ Константинополѣ и его окрестностяхъ имѣло громадное вліяніе не только на возстановленіе физическаго здоровья Олега, но и на его умственное и духовное развитіе. Онъ глубоко воспринялъ въ мусульманскомъ Константинополѣ его православную основу. Съ увлеченіемъ, въ нашемъ Археологическомъ Институтѣ, сталъ онъ заниматься, подъ руководствомъ директора Института, профессора и извѣстнаго византолога, Ѳ. И. Успенскаго, изученіемъ православной Византіи и ея искусства. Онъ глубоко проникался величіемъ Православія въ памятникахъ его, пусть и искаженныхъ турецкими перестройками, побѣлками и разрушеніями.

Чуть поправившись, Олегъ сталъ ежедневно посѣщать византійскія церкви, обращенныя въ мечети, не говорю уже повторныхъ посѣщеніяхъ св. Софіи. Передъ нашимъ отъѣздомъ Олегъ съ грустью заявилъ, что еще «тридцать церквей не успѣлъ осмотрѣть».

По возвращеніи осенью въ Петроградъ Олегъ вновь расхворался, и его доктора на всю зиму послали на югъ Франціи или въ Италію. Въ это время Олегъ перешелъ уже въ первый университетскій классъ Правовѣдѣнія. Ему было всего 16½ лѣтъ. Правовѣдское начальство разрѣшило ему отпускъ съ тѣмъ, чтобы онъ въ декабрѣ пріѣхалъ на двѣ недѣли держать репетиціи и приготовилъ курсовое сочиненіе на тему: «Государство Аристотеля». — Это сочиненіе стоило Олегу большого труда, но было найдено, по представленіи его профессору Звѣреву, настолько выдающимся, что Олегу была присуждена награ-

да — онъ получилъ въ рокошномъ изданіи книгу о «Туркестнской Россіи».

Олегъ очень любилъ путешествія, и наше пребываніе на французской и итальянской Ривьерѣ, а затѣмъ на Корсикѣ, очень укрѣпило его здоровье и доставило много впечатлѣній и духовнаго удовлетворенія.

Однажды возникла опасность, которая угрожала его духу. Въ большомъ отелѣ, въ которомъ мы поселились, было много пріѣзжихъ нѣмцевъ. Они познакомились съ Олегомъ, бесѣдовали съ нимъ, приглашали на прогулку. Однажды Олегъ вернулся съ прогулки взволнованный. Онъ сказалъ мнѣ: «Представь себѣ, они настойчиво предлагаютъ мнѣ сдѣлаться масономъ, увѣряя меня, что въ такомъ случаѣ мой успѣхъ въ жизни обезпеченъ. Я ихъ спросилъ: «какъ же вы, масоны, относитесь къ религіи?» Они мнѣ отвѣтили: «можно вѣрить въ Высшее Начало». — «А быть православнымъ?» — спросилъ я. — «Нѣтъ, этого не надо», былъ отвѣтъ. — «А какіе Ваши взгляды политическіе?» — «Масоны стоятъ за интернаціоналъ». Выслушавъ все это, Олегъ отвѣтилъ: «Я — православный и русскій патріотъ и не могу быть масономъ, потому что никогда въ жизни отъ моей вѣры и отъ моего Отечества не откажусь». Съ тѣхъ поръ онъ съ масонами прервалъ всякое общеніе.

Закончивъ пребываніе на югѣ отдыхомъ въ Южномъ Тиролѣ, Олегъ въ апрѣлѣ 1914 года вернулся въ Петроградъ, гдѣ блестяще сдалъ экзамены во 2-й классъ (курсъ) Правовѣдѣнія. Въ это время нашу семью постигло величайшее горе — внезапная кончина моего отца, сенатора Е. Ф. Турау, который былъ, дѣйствительно, главой нашей семьи. Съ Олегомъ его связывала самая горячая взаимная любовь. Дѣдушка высоко цѣнилъ своего внука и за нѣсколько дней до своей кончины поручилъ ему — 17-ти лѣтнему юношѣ — управленіе своимъ громаднымъ имѣніемъ. Послѣ похоронъ моего отца въ Бѣлозоркѣ, Олегъ, свято исполняя завѣтъ дѣда, ревностно принялся за хозайственныя дѣла, разумно входя во всѣ подробности управленія имѣніемъ. Но вскорѣ разразились событія, которыя жизнь не только нашей семьи, но и всего міра, потрясли до основанія.

Во второй половинѣ іюля (18-го) 1914 года разразилась война между Россіей, Германіей и Австро-Венгріей, которая вскорѣ обратилась въ первую міровую войну.

Наше имѣніе граничило съ Австро-Венгріей (Галиціей. На нашей землѣ стояли пограничные посты. На слѣдующій день послѣ объявленія войны они были сожжены непріятелемъ. Тайкомъ отъ меня Олегъ верхомъ съ кучеромъ отправился къ австрійской границѣ, сбилъ австрійскіе столбы и побѣдоносно привезъ снятую со столба дощечку съ надписью: “Oesterreich-Ungarische Monarchie”.

Кругомъ начались мелкія военныя стычки. Положеніе наше было опасное, потому что мѣстныхъ воинскихъ частей было очень мало,

а войска еще не прибыли. Подъ моимъ руководствомъ Олегъ дѣятельно принялся за оборудованіе одного изъ нашихъ домовъ въ лазаретъ для могущихъ быть привезенными раненыхъ. Населеніе волновалось; его успокаивало наше присутствіе, особенно послѣ того, какъ были эвакуированы волостное правленіе и почта-телеграфъ. 6-го августа мы вздохнули свободно — прибыла пѣхота съ артиллеріей во главѣ съ полковникомъ Димитріемъ Федченко. Офицеровъ мы на ночлегъ размѣстили въ нашихъ домахъ. Какъ они были рады, что могутъ въ послѣдній разъ передъ походомъ отдохнуть въ русскомъ домѣ, въ семейной обстановкѣ! Всѣ были молоды, жизнерадостны, увѣрены въ побѣдѣ. Когда я на прощаніе пожелала имъ скорѣе взять Львовъ, они мнѣ отвѣтили: «Мы на Львовѣ не успокоимся, мы возьмемъ Берлинъ». Населеніе трогательно провожало нашихъ воиновъ съ горячими пожеланіями побѣды, снабжая ихъ всякими припасами. Увы! Черезъ нѣсколько дней мы узнали, что весь молодецкій отрядъ погибъ, наткнувшись въ лѣсу на фугасы.

Всѣ офицеры усиленно уговаривали Олега идти съ ними на войну, хотя бы вначалѣ въ качествѣ телефониста, къ чему мы, конечно, ввиду юности Олега не могли серьезно отнестись. Съ этого момента у Олега зародилось непреодолимое желаніе идти воевать въ защиту и спасеніе своего Отечества. Вскорѣ оказалось невозможнымъ оставаться въ Бѣлозоркѣ. Проходя съ уланами, генералъ Келлеръ предупредилъ насъ, что, въ случаѣ занятія Бѣлозорки непріятелемъ, мужъ мой и Олегъ будутъ взяты въ плѣнъ. Я воспользовалась пріѣздомъ начальствующихъ лицъ, чтобы имъ сообщить, что, со временъ казачьихъ войнъ противъ поляковъ, подъ нашимъ домомъ существуетъ подземный ходъ, на 3 версты, ведущій въ Галицію. Съ грустью разстались мы съ нашими крестьянами и поѣхали въ Петроградъ. По дорогѣ мы уже встрѣчали поѣзда, нагруженные военноплѣнными, которымъ на станціяхъ добродушные наши украинцы торопливо носили кое-что изъ съѣстныхъ припасовъ. Мы въ станціонныхъ ресторанахъ ничего съѣстного уже получить не могли.

Въ Петроградѣ у Олега возобновились лекціи въ Правовѣдѣніи. Городъ былъ охваченъ патріотическимъ энтузіазмомъ. Всѣ, такъ или иначе, хотѣли быть полезными Отечеству. Молодежь устремилась на войну, кто прямо вольноопредѣляющимся на фронтъ, а кто въ военныя училища. Олегъ томился, работая только въ одномъ кружкѣ для Краснаго Креста. Онъ тщетно умолялъ меня пустить его на фронтъ. «Какой отвѣтъ дамъ я своимъ дѣтямъ», говорилъ Олегъ, «когда они меня спросятъ, что я дѣлалъ во время великой войны. Придется отвѣтить, что я проводилъ время сидя въ комфортабельномъ дѣдовскомъ креслѣ въ роскошной квартирѣ и читалъ интересные романы». «Быть Земгусаромъ, въ Красномъ Крестѣ или въ Обозѣ 2-го разряда я тоже не хочу». Пріѣздъ мужа и старшаго сына помогъ Олегу. Они стали на его сторону. Мужъ убѣждалъ меня не противиться его желанію.

«Ты хочешь тѣло его сохранить, а душу губишь», говорилъ онъ мнѣ. «Мы должны принести жертву Отечеству, помочь ему», говорилъ Игорь, который по болѣзни легкихъ былъ негоднымъ для военной службы. Олегъ всталъ, принесъ изъ своей комнаты крестъ съ Распятіемъ, который я ему привезла изъ Ново-Аѳонскаго монастыря, когда онъ былъ еще совсѣмъ маленькій, и который всегда находился надъ его кроватью. На крестѣ я написала слова Спасителя: «Нѣтъ большей любви, какъ кто душу свою положитъ за други свои». Олегъ показалъ мнѣ эту надпись и серьезно, взволнованно спросилъ меня: «Почему ты написала эти слова? Такъ себѣ, просто, или, чтобы я исполнялъ эту заповѣдь Христа?» Я дольше противиться не могла, но обусловила свое разрѣшеніе тѣмъ, что Олегъ можетъ поступить только на офицерскіе курсы Пажескаго Корпуса, въ который онъ былъ записанъ еще съ дѣтства. Я втайнѣ надѣялась, что эти курсы не будутъ вскорѣ открыты, и что война долго не протянется.

Мои предположенія не оправдались.

Офицерскіе курсы были вскорѣ открыты. Олега тотчасъ же приняли. Онъ ликовалъ. Нужны были его громадная воля, горячая любовь къ Отечеству и большія способности, чтобы преодолѣть трудности, связанныя съ прохожденіемъ одновременно двухъ послѣднихъ университетскихъ классовъ Правовѣдѣнія и офицерскихъ курсовъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе были связаны съ физическими упражненіями, къ которымъ Олегъ не привыкъ и которыя при его слабомъ здоровьѣ сильно его утомляли. Онъ блестяще выдержалъ экзамены въ Правовѣдѣніи, прекрасно кончилъ офицерскіе курсы и вышелъ въ л. гв. Преображенскій полкъ, чѣмъ былъ очень доволенъ. Ранней весной молодые пажи, кандидаты въ офицеры, были отправлены въ Красное Село, и 1-го мая состоялось ихъ производство въ офицеры къ великой ихъ радости. Надо было Олегу выбрать деньщика. Выборъ былъ для Олега очень характеренъ. Выбралъ онъ рядового Егора Иванова, хотя онъ былъ мало представителенъ и болѣзненъ, потому что ему было жалко его, и онъ боялся, какъ бы Ивановъ на фронтѣ совсѣмъ не расхворался. Олегъ о своемъ деньщикѣ трогательно заботился, снабдилъ его теплыми вещами, заботился о его чтеніи, выхлопоталъ ему отпускъ, изъ котораго Ивановъ, однако, вернулся раньше срока, говоря, что «соскучился по своемъ баринѣ». Онъ трогательно къ Олегу привязался и очень тяжело переживалъ его смерть. «Мой баринъ обращался со мною, какъ съ товарищемъ, а не съ нижнимъ чиномъ», говорилъ онъ. «Я все былъ готовъ сдѣлать для него». Съ громаднымъ нетерпѣніемъ ждалъ Олегъ отправки на фронтъ. Она должна была состояться осенью 1915 года, но Олегъ схватилъ сильный бронхитъ съ процессомъ въ легкихъ, и доктора отправили его въ Царское Село, гдѣ исключительно благопріятныя климатическія условія. Очень огорченный отсрочкой, Олегъ рѣшилъ использовать это время для подготовки къ выпускнымъ экзаменамъ въ Императо-

скомъ Училищѣ Правовѣдѣнія. Онъ сдалъ ихъ превосходно и былъ награжденъ золотой медалью съ записью на Мраморной доскѣ. Когда его имя уже было внесено на Мраморную доску, въ Правовѣдѣніе пріѣхалъ попечитель его, Принцъ А. П. Ольденбургскій. Увидавъ надпись, онъ сталъ разспрашивать объ Олегѣ. Узнавъ, что онъ кончилъ Пажескій корпусъ и отбылъ на фронтъ поручикомъ л. гв. Преображенскаго полка, Принцъ велѣлъ мраморную доску снять и замѣнить другой, съ надписью: «Олегъ Митрофановъ, поручикъ л. гв. Преображенскаго полка». — «Вѣдь это совершено исключительный случай въ исторіи Правовѣдѣнія», замѣтилъ Принцъ, «и его надо особенно отмѣтить».

Когда въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія состоялся годичный актъ съ выдачей медалей и наградъ, Олегъ былъ уже на фронтѣ. На актъ прибылъ Принцъ Ольденбургскій. Въ большомъ залѣ были выстроены воспитанники. Преобладали военныя формы, такъ какъ большинство старшихъ воспитанниковъ были уже на военной службѣ или въ военныхъ училищахъ. Когда при чтеніи годичнаго отчета секретарь Правленія провозгласилъ, что золотая медаль съ записью на Мраморной доскѣ присуждена окончившему курсъ Правовѣдѣнія поручику л. гв. Преображенскаго полка, Олегу Митрофанову, « отбывшему на фронтъ», заиграли фанфары. Принцъ передалъ золотую медаль Олега мнѣ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ взялъ ее обратно, чтобы послать ее командиру л. гв. Преображенскаго полка, графу Игнатьеву. Въ тотъ же день онъ отправилъ ему телеграмму, сообщая, что воспитанникъ Правовѣдѣнія, нынѣ поручикъ л. гв. Преображенскаго полка, Олегъ Митрофановъ удостоенъ золотой медали. Принцъ выражалъ надежду, что онъ будетъ «такимъ же примѣрнымъ офицеромъ, какимъ былъ примѣрнымъ воспитанникомъ.»

Долгожданный отъѣздъ Олега съ 2-3 однополчанами и маршевой ротой состоялся въ январѣ 1916 года. Радостно собирался на войну Олегъ. Передъ отъѣздомъ, Олегъ говѣлъ, исповѣдывался, причастился св. Таинъ, съѣздилъ помолиться въ часовню Нерукотворнаго Спаса и былъ очень молитвенно настроенъ, Въ такомъ настроеніи онъ неизмѣнно оставался и на фронтѣ. «Безъ молитвы», говорилъ онъ мнѣ уже на фронтѣ, «на войнѣ ничего предпринимать нельзя. Безъ молитвы нельзя идти въ бой». Когда Олегъ прибылъ въ полкъ, онъ стоялъ на Волыни, недалеко отъ нашего имѣнія. Олегъ могъ 18-й день своего рожденія провести въ Бѣлозоркѣ, что было для него большой радостью. Письма его дышали бодростью и жизнерадостностью, но это первое пребываніе Олега на фронтѣ продолжалось очень недолго.

Стоялъ февраль мѣсяцъ. Я жила съ матерью въ Петроградѣ, въ ожиданіи обѣщаннаго мнѣ, какъ сестрѣ Кауфманской Общины, назначенія на фронтъ. 20-го февраля, въ день рожденія моего отца, скончавшагося два года тому назадъ, мы съ матерью собирались поѣхать

въ церковь и отслужить панихиду. Накануне у меня явилось непреодолимое желаніе немедленно ѣхать въ Бѣлозорку, хотя экстренныхъ дѣлъ, требующихъ моего присутствія тамъ, не было. Я не могла себѣ объяснить, почему я должна ѣхать, но внутренній голосъ повелительно мнѣ говорилъ, что это необходимо. О своемъ рѣшеніи я сообщила матери, которая страшно огорчилась, что я ее оставляю одну въ такой памятный и тяжелый день. Она не могла понять, почему у меня явился такой «капризъ». Я настояла на своемъ. Въ то время было трудно достать билеты, они продавались перекупщиками за двойную и тройную плату. Это меня не остановило, и я поѣхала, — поѣхала съ очень тяжелымъ сердцемъ, огорчивъ мою бѣдную мать.

На слѣдующій день поѣздъ дошелъ до Могилева, гдѣ находилась Ставка Государя. Моя спутница по купе предложила мнѣ выйти, чтобы выпить кофе. Я отказалась и осталась въ вагонѣ. Вдругъ вижу — подходитъ воинскій поѣздъ съ солдатами — Преображенцами. Уже раздался второй звонокъ, но я выскочила на платформу и спросила солдатъ, куда они ѣдутъ. «Мѣняемъ позицію», отвѣтили они мнѣ. «А съ вами поручикъ Митрофановъ?» спросила я. «Да онъ при смерти. Вотъ его несутъ на носилкахъ въ лазаретъ», отвѣтили они мнѣ, указывая на платформу передъ зданіемъ вокзала. Я бросилась къ нему. Въ это время поѣздъ съ моими вещами ушелъ. Я, въ лютый морозъ, въ одномъ платьѣ осталась на платформѣ. Мнѣ было не до того. Я увидѣла блѣдное, страдальческое лицо Олега, который безучастно взглянулъ на меня и опять закрылъ глаза. Аргутинскій мнѣ сообщилъ, что, получивъ приказаніе перемѣнить позицію, полкъ 12 верстъ до станціи шелъ пѣшимъ строемъ въ лютый морозъ. Олегъ сильно усталъ, простудился и сѣлъ въ вагонъ совсѣмъ больнымъ — у него оказалось воспаленіе легкихъ. Въ вагонѣ онъ бредилъ, стоналъ, метался, его нельзя было дальше везти. Дали знать въ Ставку.

Положеніе Олега было очень тяжелое. Подали автомобиль, и я поѣхала съ больнымъ и его однополчанами, опекавшими его. Когда Олега уложили въ теплую кровать, и дали ему отдохнуть, онъ очнулся. Я спросила его: «Ты не удивляешься, что я встрѣтила тебя въ Могилевѣ?» — «Нѣтъ», отвѣтилъ онъ: «двѣ ночи подрядъ, когда я былъ въ поѣздѣ, ты приходила ко мнѣ и говорила, что пріѣдешь ко мнѣ въ Могилевъ». Мои глаза открылись. Я поняла, почему у меня было непреодолимое внутреннее повелительное внушеніе немедленно ѣхать. Велика была милость Божія! Мое присутствіе было крайне необходимо. Положеніе Олега было весьма опасное — у него была двухсторонняя плевропневмонія. Между тѣмъ лазаретъ былъ еще далеко не устроенъ и не достаточно оборудованъ, — нѣкоторыя вещи мнѣ пришлось купить въ Могилевѣ. Врачи были хорошіе, но сестры малоопытны и скорѣе безпокоили больного, чѣмъ ему помогали. Уходъ за больнымъ я взяла на себя, не оставляя его ни днемъ ни ночью. Въ ближайшіе дни больной почувствовалъ себя лучше. На-

строеніе его стало обычно-добродушнымъ, но больничная обстановка его очень тяготила. Онъ лежалъ въ общей палатѣ, такъ какъ отдѣльныхъ комнатъ для тяжело больныхъ не было. Рядомъ были казармы, откуда доносились крики и шумъ. Доктора опредѣлили, что Олегу надо по меньшей мѣрѣ шесть мѣсяцевъ провести на югѣ Крыма или на Кавказѣ для полнаго выздоровленія. Предварительно надо бы справиться съ острой стадіей болѣзни, и лучше всего было нѣсколько недѣль провести въ домашней обстановкѣ въ Петроградѣ. Со всѣми предосторожностями, въ штабномъ вагонѣ, Олега довезли до Петрограда. — Когда мы вернулись въ нашу квартиру, мать моя, горячо любившая своего внука, радостно привѣтствовала насъ и сказала мнѣ: «Теперь я понимаю, что твой отъѣздъ не былъ капризомъ. Это было Божіе чудо». Олега опять уложили въ постель, его навѣщали многіе товарищи, и всѣ поражались нашей встрѣчей въ Могилевѣ, говоря: «Какъ можно не вѣрить въ Бога, когда совершаются такія чудеса!» Олегъ это чудо глубоко переживалъ. Какъ только онъ настолько поправился, что можно было предпринять путешествіе, мы поѣхали въ Крымъ. Большую часть времени мы провели въ Симеизѣ, но каждую недѣлю Олегъ долженъ былъ ѣздить въ Гурзуфъ, гдѣ военно-медицинская комиссія провѣряла, можетъ ли онъ вернуться на фронтъ. Какъ ни привлекательно было пребываніе въ Крыму, въ чудномъ климатѣ, среди обаятельной природы, которую Олегъ такъ любилъ, но онъ рвался на фронтъ, гдѣ въ это время Гвардія была втянута въ страшные бои съ колоссальными потерями. Горю Олега не было предѣловъ, когда онъ узналъ о смерти многихъ своихъ любимыхъ товарищей по Пажескому Корпусу. Онъ рѣдко плакалъ съ дѣтства, но когда плакалъ, слезы его были безутѣшны. Такъ онъ оплакивалъ и своихъ товарищей. «Они гибнутъ, а я здѣсь гуляю», съ горемъ говорилъ онъ, умоляя Комиссію его признать здоровымъ. Комиссія была неумолима и отвѣчала категорическимъ отказомъ. Въ Крыму Олегъ много читалъ, читалъ и мои духовныя и философскія книги, много бесѣдуя со мною на религіозныя темы. Его особенно занималъ вопросъ о смерти. Олегъ глубоко вѣрилъ въ загробную жизнь и часто со мной бесѣдовалъ о ней, какъ о переходѣ въ «лучшій міръ». «Когда люди умираютъ, они идутъ къ Господу», — говорилъ онъ, — «мы же скорбимъ, потому что разстаемся съ ними, но это наше чувство эгоистическое, мы за нихъ должны радоваться». Въ это же время Олегъ завѣщалъ похоронить его въ склепѣ Преображенскаго Собора въ Петербургѣ, гдѣ будутъ похоронены и всѣ его товарищи по полку. Это завѣщаніе, по измѣнившимся условіямъ государственной жизни въ Россіи, оказалось не исполнимымъ. Просилъ онъ также въ память его поставить въ томъ же Преображенскомъ Соборѣ большую икону его небеснаго Покровителя, св. благовѣрнаго князя Олега Брянскаго. Это желаніе моего незабвеннаго Олега я

могла исполнить только черезъ тридцать лѣтъ послѣ его геройской гибели, въ 1947 году.

Въ іюлѣ медицинская Комиссія вняла неотступнымъ мольбамъ Олега и согласилась его отпустить. Когда срокъ отъѣзда наступилъ, его пришлось отложить, такъ какъ я заболѣла. «Я тебя больную не оставлю», говорилъ мнѣ Олегъ, «но ты должна помнить, что я теперь прежде всего принадлежу моему Отечеству и долженъ ему служить».

На обратномъ пути мы остановились въ Самарѣ, гдѣ мой мужъ былъ занятъ организаціей Политехникума, а затѣмъ поѣхали по Волгѣ. Путешествіе по величественной рѣкѣ, среди живописныхъ береговъ съ безчисленными памятниками русской старины и русскаго искусства доставила Олегу громадное умственное и духовное удовлетвореніе. Но ничто не могло заставить его забыть свой долгъ — быть на фронтѣ. Онъ даже отказался отъ остановки въ Москвѣ, которая ему была такъ дорога, чтобы скорѣе явиться въ полкъ и сейчасъ же, какъ онъ предполагалъ, быть отправленнымъ въ дѣйствующую армію. Однако, военное начальство не сочло Олега пригоднымъ для фронта и назначило его начальникомъ учебной команды въ Запасномъ батальонѣ въ Петроградѣ. На этомъ назначеніи онъ успокоиться не могъ и принялъ всѣ мѣры, чтобы попасть на фронтъ. 19-го сентября 1916 г. Олегъ вернулся домой сіяющій и подошелъ ко мнѣ со словами: «Я тебѣ сообщу большую радость, — только не плачь, — я послѣзавтра ѣду на фронтъ, но только не плачь, иначе какъ хватитъ у меня силъ разставаться съ тобою». Оказалось, что Олегъ написалъ новому командиру полка Свиты Его Величества генералъ-маіору Дрентельну, что если онъ его не вызоветъ немедленно на фронтъ то онъ перейдетъ въ первый попавшійся армейскій полкъ, лишь бы попасть на фронтъ. Дрентельнъ телеграммой вызвалъ его. Еще тяжелѣе, чѣмъ въ первый разъ, было мнѣ прощаться съ Олегомъ. Ѣхалъ онъ съ барономъ Юріемъ Дистерло, многіе пріѣхали провожать отъѣзжающихъ. При всей сдержанности Олега, при разставаніи со мною глаза его были полны слезъ. Меня же томили тяжелыя предчувствія. Вскорѣ и я поѣхала сестрой на фронтъ въ Кауфманскій лазаретъ имени Родзянко при 2-й гвардейской дивизіи, который стоялъ въ 10 верстахъ отъ Луцка въ селѣ Городищѣ, на Полонной Горкѣ, въ домѣ графа Ходкевича, и въ 15 верстахъ отъ позиціи Преображенскаго полка въ селѣ Скурче. Въ первый разъ я поѣхала изъ своего лазарета навѣстить Олега наканунѣ Георгіевскаго праздника, который торжественно справлялся въ полку. Мы съ Олегомъ могли провести время и побесѣдовать въ Лазаретѣ Мраморнаго Дворца, стоявшемъ на фольваркѣ «Овчарка». Олегъ былъ здоровъ и веселъ, подробно мнѣ разсказалъ про жизнь въ окопахъ. На фронтѣ было спокойно, и мы съ Олегомъ могли на праздникъ Рождества Христова поѣхать въ Петроградъ, куда пріѣхалъ и мой мужъ. Въ послѣдній разъ мы всѣ вмѣстѣ, — кромѣ старшаго сына, находившагося въ Пекинѣ, — могли встрѣ-

тить Новый Годъ. Въ теченіе двухнедѣльнаго пребыванія въ Петроградѣ Олегъ старался какъ можно больше быть съ нами — родителями, но посѣщалъ также друзей и знакомыхъ и особенно часто бывалъ въ оперѣ, которую очень любилъ. Этимъ пребываніемъ въ Петроградѣ закончилась жизнерадостная, счастливая юность Олега. Начался вскорѣ его крестный путь.

Въ Петроградѣ было очень неспокойно. Всѣ чувствовали, что подготовляются какія-то грозныя событія. Мы съ Олегомъ рады были вернуться на фронтъ, гдѣ, казалось, все было спокойно. Но событія быстро разворачивались.

Въ концѣ февраля неожиданно всѣхъ разбудили ночью. Велѣно было полку готовиться къ выступленію. Вскорѣ объявлено было, что въ Петроградѣ вспыхнули безпорядки и полкъ, вмѣстѣ съ Императорскими Стрѣлками, удостоенъ чести идти въ Петроградъ на защиту Государя. Въ нашъ лазаретъ прибыли два офицера Преображенца, какъ квартирьеры, съ просьбой приготовить помѣщеніе для офицеровъ полка, которые должны прибыть на слѣдующій день и ждать приказа, когда имъ выступить въ Петроградъ. Прибыли офицеры 2-го батальона, въ томъ числѣ Олегъ, веселые, жизнерадостные, гордые назначеніемъ защищать своего Государя. На слѣдующій день командиръ полка генералъ-маіоръ Дрентельнъ, вернувшись изъ Штаба Арміи въ Луцкѣ, сообщилъ мнѣ, сперва по секрету, что въ Петроградѣ безпорядки приняли очень тревожный характеръ. Льется кровь.

На третій день Дрентельнъ узналъ объ отреченіи Государя и совершившемся переворотѣ. Собравъ офицеровъ, онъ сообщилъ печальную вѣсть. Олегъ пишетъ въ своемъ дневникѣ: «Онъ плакалъ, и многіе изъ насъ тоже плакали».

Съ младенчества Олегъ былъ воспитанъ въ горячей любви и беззавѣтной преданности своему Государю. Маленькимъ Правовѣдомъ онъ, при посѣщеніи Государемъ Училища Правовѣдѣнія, въ своемъ классѣ рапортовалъ ему, подалъ книгу, и сохранилъ свѣтлое воспоминаніе о ласковой сердечности и обаяніи Государя. Его отреченіе, и связанныя съ нимъ тяжелыя событія болѣзненно отразились на нѣжной, впечатлительной душѣ Олега. Онъ сильно похудѣлъ. Его глубокіе голубые глаза приняли скорбное выраженіе, которое ихъ больше не покидало. Многіе товарищи Олега рѣшили уйти изъ полка, — и уходили, находя, что больше некому служить. Олегъ горячо протестовалъ: какъ бы ни были трудны обстоятельства, — бросать Отечество, не защищая его, въ такое тяжелое время, недопустимо. «Не бросаемъ же мы нашу мать въ ея старости, какъ бы она ни была стара, больна и безобразна, такъ мы не можемъ бросить и наше Отечество».

Власть въ арміи фактически перешла къ солдатамъ, но на фронтѣ безначаліе не сразу сказалось. Однако, создавались безчисленные

выборные комитеты: ротные, полковые, дивизіонные, корпусные, — съ безконечнымъ словопреніемъ. Олега выбирали во всѣ комитеты. Какъ мнѣ говорили его товарищи, онъ пользовался громадной популярностью — какъ среди офицеровъ, такъ и среди солдатъ, которые отмѣчали, что онъ оставался все тѣмъ же и до и послѣ революціи, ни у кого не заискивая и не добиваясь популярности, но входя во всѣ нужды солдатъ. Популярность создавали Олегу его свѣтлый умъ, исключительное умѣніе владѣть собою, способность разбираться въ самыхъ непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ и любовное отношеніе къ окружающимъ, при неподкупности своихъ убѣжденій.

Видѣться съ Олегомъ и переписываться съ нимъ стало очень трудно. Солдаты, отъ которыхъ стало все зависѣть, не давали лошадей. Письма не передавались или уничтожались. Свиданія наши стали очень рѣдки.

На Пасху мнѣ, однако, удалось поѣхать въ полкъ, который перемѣнилъ позицію и находился въ Садовой. Командиромъ полка былъ Кутеповъ. Дрентельнъ, получивъ отставку, которой и самъ добивался, уѣхалъ. Стояли въ лѣсу. Олегъ водилъ меня въ свою землянку, чистенькую и уютную, которую занималъ вмѣстѣ съ Зейме, стараясь показать мнѣ все въ праздничномъ видѣ и успокоить на счетъ его жизни и общихъ условій существованія. Меня пригласили обѣдать въ обширное офицерское собраніе, находившееся тоже въ окопахъ. Кутеповъ вполголоса успѣлъ мнѣ сообщить, что назрѣваетъ рѣшеніе собраться офицерамъ на Югѣ Россіи, чтобы начать организованную борьбу противъ анархіи и спасти Отечество. На эту возможность всѣ еще надѣялись. Такъ заpождалась Добровольческая Армія, такъ задумывалось Бѣлое Движеніе преданными сынами Россіи.

Олегъ нѣсколько разъ вставалъ изъ-за стола, такъ какъ его вызывали въ роту изъ-за какихъ-то недоразумѣній. Онъ былъ задумчивъ, озабоченъ и за столомъ еще сообщилъ мнѣ, что дивизіонный Комитетъ выбралъ его съ нѣсколькими солдатами депутатомъ для поѣздки въ Петроградъ, гдѣ было необходимо въ С. С. Р. Д. и въ Запасномъ батальонѣ добиться отправки на фронтъ маршевыхъ ротъ, въ которыхъ полкъ очень нуждался. Олегъ говорилъ, что это избраніе, для него совершенно неожиданное, очень ему непріятно, такъ какъ дѣло вызова маршевыхъ ротъ крайне трудно и отвѣтственно, но отказаться отъ него невозможно, ибо прибытіе подкрѣпленій полку необходимо.

Черезъ нѣсколько дней Олегъ пріѣхалъ ко мнѣ въ лазаретъ уже по пути въ Петроградъ. Онъ былъ взволнованъ и озабоченъ. «Моя миссія очень трудная, маршевыя роты упорно отказываются отправляться на фронтъ, и я очень безпокоюсь, какъ мнѣ удастся справиться съ этой задачей. Не сердись, если мнѣ придется въ засѣданіе С. С. Р. Д. надѣть красный бантъ». Какъ можно было возражать, когда всякое противодѣйствіе людямъ, захватившихъ власть, угрожало

разстрѣломъ. Несмотря на свои опасенія, Олегъ блестяще справился съ возложенной на него миссіей. Въ Запасномъ батальонѣ солдаты, помнившіе его, радостно его привѣтствовали, какъ и новый командиръ батальона.

Сочувственно и доброжелательно принялъ Олега Предсѣдатель Думы Родзянко, который по просьбѣ его пріѣхалъ даже на вокзалъ провожать отбывавшія на фронтъ роты. Въ засѣданіи С. С. С. Д. рѣчь Олега была покрыта аплодисментами, и постановлено было маршевыя роты отпускать на фронтъ. Пріѣхавшіе съ Олегомъ, тоже въ качествѣ депутатовъ, солдаты, восхищенные его рѣчью и ея успѣхомъ, повели его сниматься съ ними и подарили ему снимокъ, на которомъ Олегъ увидѣлъ надъ своей головой знамя съ надписью «Земля и Воля».

Пребываніе Олега въ Петроградѣ продлилось дольше, чѣмъ онъ предполагалъ, и только черезъ десять дней онъ могъ отправиться съ солдатами на фронтъ. Прямо съ поѣзда Олегъ заѣхалъ ко мнѣ въ лазаретъ и съ торжествомъ заявилъ: «Я краснаго банта не надѣлъ, а пошелъ въ засѣданіе Союза Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ со своими значками — полковымъ, Пажескаго Корпуса и Правовѣдѣнія». Впечатлѣнія о Петроградѣ были у Олега самыя тяжелыя. «Сплошной кошмаръ», говорилъ онъ. Несмотря на свою юность, Олегъ правильно и тонко оцѣнивалъ тогдашнее положеніе. Онъ говорилъ мнѣ: «Теперь въ Россіи возьмутъ верхъ самые лѣвые элементы и на долго. Можетъ быть, будетъ диктатура, если найдется подходящее лицо. Это можетъ продлиться 20, 30 лѣтъ и больше. Затѣмъ поправѣютъ, и народная жизнь войдетъ въ колею мира и нормальныхъ условій существованія. Ты до этого не доживешь, наше поколѣніе — можетъ быть . . . »

Олегъ, всегда такой безконечно терпѣливый, жаловался, что его нервы совершенно разбиты, и онъ не чувствуетъ себя больше въ состояніи выдерживать создавшейся обстановки, а думаетъ при первой возможности уѣхать, хотя еще не составилъ себѣ опредѣленнаго плана, что дальше предпринять.

Съ дѣтства Олегъ лелѣялъ мысль, что онъ будетъ заниматься нашимъ имѣніемъ и будетъ участвовать въ земской дѣятельности на Волыни, которую такъ любилъ, будетъ организовывать жизнь крестьянъ на лучшихъ условіяхъ и большую часъ доходовъ предоставитъ мнѣ для общеполезныхъ благотворительныхъ учрежденій. Но близилось рѣшеніе Правительства передать всѣ земли крестьянамъ. Мечты Олега не были больше осуществимы, а между тѣмъ онъ горѣлъ желаніемъ работать для Отечества и православія — что для него было нераздѣлимо. — Томили его, еще до командировки въ Петроградъ, подсознательныя предчувствія. Онъ стремился повидать горячо любимыхъ отца и брата, но это не оказалось возможнымъ осуществить.

Возвращался Олегъ на фронтъ въ надеждѣ, что фронтъ еще уцѣлѣлъ отъ пропаганды, какъ внѣшней, исходившей отъ непріятеля, такъ и внутренней, исходившей отъ крайнихъ лѣвыхъ революціонеровъ, но оказалось, что пропаганда уже сдѣлала свое дѣло: распалась дисциплина, и офицеры стали, въ полномъ смыслѣ слова, мучениками своего долга.

16-го іюня, совершенно неожиданно, пріѣхалъ ко мнѣ въ Тарнополь въ Кауфманскій лазаретъ Мраморнаго Дворца Олегъ. Это было наше послѣднее свиданіе въ этомъ мірѣ. Я нашла Олега сильно исхудавшимъ. Его чудные голубые глаза, которые всегда всѣхъ привлекали глубокимъ и кроткимъ выраженіемъ, поразили меня выраженіемъ скорби и страданія. Онъ мнѣ разсказалъ всѣ событія послѣдняго времени въ полку. Во время перехода полка на нынѣшнюю позицію, онъ успѣлъ съѣздить въ Почаевскую Лавру, гдѣ молился у мощей преп. Іова и пилъ воду изъ чудотворнаго источника Божіей Матери. Это было единственное свѣтлое переживаніе. Его однополчанинъ Триполитовъ, съ которымъ онъ ѣздилъ въ Почаевъ, мнѣ позднѣе разсказалъ, что Олегъ пребывалъ все время въ Лаврѣ въ высокомъ молитвенномъ настроеніи, укрѣпляясь Божіей благодатью на завершеніе своего жертвеннаго подвига. Олегъ, всегда такой сдержанный, въ это свиданіе, оказавшееся послѣднимъ, излилъ мнѣ свои скорбныя переживанія. Онъ больше не надѣялся на возстановленіе Арміи и на возможность достигнуть какихъ либо военныхъ успѣховъ. Его твердое рѣшеніе было при первой возможности оставить полкъ. Я его умоляла не оттягивать это рѣшеніе и въ ближайшіе дни пріѣхать за мною, чтобы отправиться на отдыхъ сперва къ отцу въ Самару, а потомъ къ брату въ Пекинъ. Олегъ повеселѣлъ, одобривъ мой планъ.

Мы отправились осматривать городъ. Въ книжномъ магазинѣ онъ купилъ масу книгъ, говоря, что у него «книжный голодъ», и на фронтѣ онъ много читаетъ, особенно интересуясь послѣднее время общественно-государственными вопросами. На улицѣ мы встрѣтили его товарищей Сафонова и Яковлева, съ которыми онъ условился обѣдать въ ресторанѣ. Они прошли дальше; мы же съ Олегомъ стали прощаться. Мое сердце сжалось въ тяжеломъ предчувствіи. Олегъ увидѣлъ тѣнь, пробѣжавшую по моему лицу. Всегда чуткій, онъ, цѣлуя мою руку, ласково мнѣ сказалъ: «Что съ тобою, милая мамочка, о чемъ ты грустишь, какая ты удивительная, вѣдь мы стоимъ теперь около Тарнополя, и я очень часто могу къ тебѣ пріѣзжать». Онъ быстро пошелъ по направленію къ ресторану. Я провожала глазами его высокую, стройную, тонкую фигуру съ невыразимой скорбью въ сердцѣ.

Въ ближайшіе дни, вопреки предположеніямъ, Преображенскій полкъ былъ переведенъ верстъ за 20-30 дальше отъ Тарнополя, въ Плаучу Вельку. 21-го іюня Олегъ проходилъ черезъ Тарнополь. Я

получила его послѣднее письмо, но зайти ко мнѣ онъ не успѣлъ.

18-го іюня началось наступленіе. Вначалѣ, несмотря на разногласія солдатъ и отказъ нѣкоторыхъ частей выступать, былъ частичный успѣхъ. Преображенскій полкъ стоялъ наготовѣ. Въ одномъ бою, 23-го, Олегъ принималъ участіе. Деньщикъ мнѣ разсказывалъ, что онъ пошелъ въ бой очень серьезный, сосредоточенный, давъ ему мой адресъ, чтобы онъ могъ мнѣ сообщить, если что нибудь случится. Вернулся онъ невредимый, а на слѣдующій день съ однимъ изъ однополчанъ, Радковичемъ, по собственной иниціативѣ отправился на развѣдку. Нѣмцы ихъ замѣтили и открыли огонь. Радковичъ былъ раненъ въ плечо, Олегъ залегъ въ кусты и только вечеромъ могъ вернуться домой. Въ тотъ же день, случайно, своей же пулей, былъ раненъ Литовченко, командиръ 6-й роты. Въ командованіе ротой вступилъ Олегъ. Солдаты были очень довольны и просили, чтобы онъ остался у нихъ постояннымъ командиромъ. И другія роты хотѣли имѣть его командиромъ, говоря, что онъ входитъ во всѣ ихъ нужды и все имъ объясняетъ. «Мы съ нимъ пойдемъ, куда онъ насъ поведетъ», говорили они.

Стоянка въ Плаучѣ Велькой, а съ первыхъ чиселъ іюля въ Глинной, была очень плохая. Мѣстность безлѣсная, оголенная. Роты были подъ постояннымъ обстрѣломъ. Шли непрерывные дожди, блиндажи протекали. Въ блиндажѣ, гдѣ помѣщался Олегъ съ Дистерло, вода стояла до колѣнъ. Олегъ исхудалъ, сильно кашлялъ. Товарищи уговаривали его уѣхать лѣчиться, но онъ не хотѣлъ уѣзжать, когда шли бои: «подожду, когда бронхитъ сильнѣе разыграется». Настроеніе его становилось все болѣе пессимистическимъ. Увѣщанія Керенскаго забыли, подъемъ прошелъ, войска не хотѣли сражаться. Олегъ, который вначалѣ интересовался работой въ Комитетахъ, убѣдился, что его рѣчи и работа безплодны. Онъ вышелъ изъ всѣхъ комитетовъ, заявивъ, чтобы его никуда не выбирали — онъ никуда не пойдетъ. Офицеры раньше связали себя круговой порукой: всѣмъ оставаться въ полку — или всѣмъ вмѣстѣ уйти. Обстоятельства такъ измѣнились, что былъ поднятъ вопросъ, не слѣдуетъ ли дозволить единичные уходы. Олегъ стоялъ за уходы. Вопросъ оставался открытымъ.

Въ виду возможности наступленія и неизвѣстности, какъ къ нему отнесутся солдаты, было рѣшено ихъ опросить. Ихъ созвали и предложили ставить кресты тѣмъ, кто согласенъ на наступленіе, и нули тѣмъ, кто отъ него отказывается. Въ 6-ой ротѣ всѣ отказались. Это отмѣтилъ Олегъ въ послѣдней записи отъ 4-го іюля въ своемъ дневникѣ, въ которомъ онъ ежедневно записывалъ мельчайшія событія полковой жизни, и который былъ проникнутъ горячей любовью къ родинѣ и глубокой скорбью о происходящемъ развалѣ.

Ждали приказа объ отправленіи въ резервъ. О наступленіи до ночи съ 6-го на 7-ое іюля и рѣчи не было. Всѣ спокойно легли спать.

Между тѣмъ, 6-го іюля три гренадерскихъ дивизіи, входившія въ составъ 17-ой арміи, ночью отправили свою артиллерію въ тылъ, а сами, бросивъ винтовки въ окопахъ, перешли къ нѣмцамъ. Нѣмцы двинулись впередъ. Чтобы заполнить прорывъ, былъ вызванъ 1-й гвардейскій корпусъ. Измайловцы и Егеря отказались идти. Приказъ былъ данъ Петровской бригадѣ — Преображенцамъ и Семеновцамъ. Приказъ былъ полученъ Преображенцами только въ 11 часовъ ночи. Никто не зналъ, куда и зачѣмъ выступать. Олегъ поспѣшно одѣлся. На вопросъ деньщика, будетъ ли переходъ верстъ въ 20, смѣясь отвѣтилъ: «Какія 20 верстъ, навѣрное, не меньше 50-ти, мы идемъ въ глубокій резервъ». Была темная ночь, лилъ проливной дождь, шли по водѣ въ страшной грязи. Олегъ подозвалъ Дистерло и далъ ему руку, чтобы ему помочь идти, такъ какъ тотъ плохо видѣлъ. Шли подъ сильнымъ обстрѣломъ.

Къ утру подошли къ деревнѣ Мшаны, верстахъ въ пяти отъ Езерны, расположились въ халупахъ, сняли промокшую обувь и собирались выпить чаю. Неожиданно подбѣжали запыхавшіеся армейскіе солдаты и съ крикомъ заявили, что непріятель идетъ по пятамъ и уже въ Езернѣ. Велѣно было немедленно выступать. Не дали даже людямъ обогрѣться чаемъ. Выйдя изъ халупы, Олегъ навелъ бинокль и, смѣясь, замѣтилъ: «Какая-то балаганная война, мы ждемъ непріятеля, а тутъ только развѣдчики». Но не замедлили показаться и густыя цѣпи нѣмцевъ.

Олегъ собралъ людей, сказалъ имъ, по словамъ очевидцевъ, прекрасную рѣчь, призывая ихъ исполнить свой долгъ, стойко защищая свое Отечество, затѣмъ велѣлъ всѣмъ снять фуражки, перекреститься и помолиться, самъ помолился и перекрестился, далъ людямъ закурить, и всѣ двинулись впередъ.

Олегъ шелъ впереди. Дождь пересталъ. Сіяло солнце. Шли по лощинкѣ среди полей, засѣянныхъ гречихой, вдоль узкоколейки. Обстрѣлъ былъ очень сильный. Всѣ шли, наклонивъ голову, кромѣ Олега. Скомандована была атака: Олегу было приказано взять высоту, за которой въ 50-ти шагахъ стояли нѣмцы-баварцы. Олегъ велѣлъ солдатамъ идти на холмъ. Они сперва дрогнули. Но когда Олегъ подъ градомъ пуль одинъ взошелъ на высоту, всѣ, какъ одинъ человѣкъ, послѣдовали за нимъ. Нѣмцы были такъ близко, что можно было разглядѣть ихъ лица. Фланговый пулеметный огонь былъ страшный, у преображенцевъ же артиллеріи не было, кромѣ 7 пулеметовъ, поставленныхъ въ Мшанѣ и работавшихъ выше всякой похвалы. Олегъ послалъ Дистерло на правый флангъ, велѣлъ людямъ окопаться и лечь, самъ же, давъ одному изъ четырехъ солдатъ связи, находившихся при немъ, распоряженіе пойти съ порученіемъ къ командиру, тоже прилегъ. Затѣмъ приподнялся, чтобы посмотрѣть на дѣйствія непріятеля и опустился на одно колѣно, опершись обѣими руками о землю. Онъ готовился взять и вторую высоту. Вдругъ сол-

даты замѣтили, что онъ весь побѣлѣлъ и упалъ. Солдатъ связи Тютинъ подбѣжалъ къ нему, чтобы его перевязать, но Олегъ, глубоко вздохнувъ, скончался. Смерть его была мгновенная. Онъ сложилъ руку въ крестное знаменіе, но перекреститься не успѣлъ. Въ то же мгновеніе другая пуля ударила Олега въ голову и тяжело ранила Тютина въ шею.

Подбѣжали другіе солдаты связи, чтобы перевязать Тютина. Видя Олега, лежащаго съ широко открытыми глазами, они подошли къ нему, думая, что онъ живъ, но онъ уже не дышалъ. Пуля изъ винтовки прошла черезъ лѣвую мышку въ сердце и вышла въ правую, оставивъ маленькія дырочки въ плащѣ. Солдаты, завернувъ его въ плащъ, отнесли въ лощину-овражекъ подъ холмомъ, куда пули не долетали, и положили въ лунку. Овражекъ вскорѣ заполнился ранеными. Солдаты, наканунѣ отказавшіеся отъ наступленія, въ страшномъ бою 7-го іюля сражались съ доблестью старыхъ Преображенцевъ. Большинство геройски пало въ этомъ бою, покрывъ новою славою доблестный полкъ. Во славу любимаго полка и въ жертву Отечеству палъ и беззавѣтно преданный ему Олегъ. Бой подъ Мшаной 7-го іюля былъ лебединой пѣсней Преображенскаго полка, въ завершеніе 230 лѣтняго доблестнаго служенія Отечеству. Взятіемъ высоты Олегомъ кончилось наше наступленіе. Началось паническое бѣгство — сначала Ингерманландскаго полка, а затѣмъ паника передалась и къ другимъ войсковымъ частямъ. Преображенцы на 24 часа задержали напоръ нѣмцевъ и спасли такимъ образомъ артиллерію 5-го корпуса и лазареты.

Потери были громадныя — погибло 11 офицеровъ и свыше 800 солдатъ.

О геройской смерти моего дорогого сына только 8-го іюля я узнала отъ солдатъ-Преображенцевъ, которыхъ я перевязывала на перевязочномъ пунктѣ въ Волочискѣ. Они всѣ съ большой грустью говорили о кончинѣ всѣми любимаго поручика Митрофанова.

Черезъ три дня привезъ мнѣ его вещи деньщикъ, потрясенный смертью своего «барина», который относился къ нему «не какъ къ нижнему чину, а какъ къ товарищу».

Когда я узнала мѣстонахожденіе стоянки Преображенцевъ, я поѣхала въ полкъ, гдѣ узнала отъ солдатъ связи, бывшихъ при Олегѣ въ моментъ его кончины, всѣ записанныя мною подробности. Ихъ показанія подтвердилъ командующій полкомъ полковникъ А. П. Кутеповъ. Очень взволнованный, съ глазами полными слезъ, разсказалъ онъ мнѣ детали страшнаго боя. Онъ, герой Японской войны, говорилъ, что этотъ бой самый страшный изъ всѣхъ, участникомъ которыхъ онъ былъ въ двухъ войнахъ. Въ заключеніе онъ мнѣ сказалъ: «Да послужитъ Вамъ хоть слабымъ утѣшеніемъ, что Вашъ сынъ погибъ геройской смертью, и что имя его, какъ героя и Георгіевскаго кавалера (я представилъ его, согласно статуту, къ золотому Георгіев-

скому оружію), будетъ всюду записано, внесено и будетъ составлять гордость полка и Родины. Полкъ съ нимъ понесъ колоссальнѣйшую потерю. Онъ былъ настоящимъ Преображенцемъ, до мозга костей, хранитель лучшихъ традицій полка, большой умница и горячій патріотъ. Для меня лично его гибель очень тяжелая утрата».

Съ глубокой печалью говорили о гибели Олега его однополчане, вспоминая съ любовью его высокія нравственныя качества, ясный умъ, горячій патріотизмъ, живой интересъ ко всѣмъ вопросамъ государственной и общественной жизни и его беззавѣтную преданность Православію. «Весь онъ былъ цѣльный, стойкій, непоколебимый въ своихъ убѣжденіяхъ», говорили они.

Такое же сердечное участіе и печаль вызвала смерть Олега на родной Волыни во всѣхъ слояхъ общества. Крестьяне говорили: «Нашъ молодой баринъ никогда никого не обидѣлъ, никому не сказалъ дурного слава, со всѣми былъ ласковъ, всѣмъ желалъ добра». Эти чувства выразились на заупокойномъ служеніи по немъ въ 40-й день, 15-го августа, въ нашей Бѣлозорской Церкви, на которое были делегированы отъ полка два офицера — Дистерло и Розеншильдъ-Паулинъ. Церковь была переполнена молящимися во главѣ съ братчиками, стоявшими всю литургію и панихиду со своими большими свѣчами. Пѣлъ многочисленный крестьянскій хоръ.

Въ этотъ день миръ снизошелъ въ мою изстрадавшуюся душу. Церковь Православная учитъ, что послѣ кончины человѣка душа его проходитъ черезъ мытарства, и что черезъ 40 дней праведная душа пріобщается къ селеніямъ праведныхъ и святыхъ, гдѣ царитъ вѣчное блаженство. Мнѣ вѣрилось, что въ этотъ день и Олегъ мой достигъ блаженнаго пребыванія съ праведными, въ селеніяхъ, гдѣ нѣтъ печали и воздыханія, и что онъ радуется въ лучшемъ мірѣ, въ который такъ свѣтло вѣрилъ. Моя душа обрѣла покой. Мнѣ вѣрилось, что я праздную съ Олегомъ день его великаго торжества, когда ему открыты такія радости и глубины загробнаго бытія, о какихъ мы, земные, не имѣемъ представленія. Олегъ уже внѣ времени, не скорбитъ обо мнѣ, зная, что скорбь моя только временная, земная, и молится за меня, за отца, за брата, за всѣхъ.

Будемъ молиться и мы о его свѣтлой душѣ.

Вѣчная память герою воину Олегу.

Блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ.

ЭПИЛОГЪ ПЕРВЫЙ.

Прошелъ годъ. Я не сомнѣвалась въ смерти моего дорогого сына. Но мужъ мой лелѣялъ надежду, что Олегъ только тяжело раненъ и находится въ плѣну. Меня же мучила мысль, что нашъ незабвенный сынъ покоится гдѣ-то безъ погребенія, въ чужой землѣ. И я рѣшила,

во что бы то ни стало, цѣною какихъ угодно трудностей, найти его тѣло.

А. П. Кутеповъ далъ мнѣ подробныя свѣдѣнія о мѣстѣ, гдѣ, въ точности, въ 25 верстахъ отъ Езерны, между селеми Мшаны и Жуковцы происходилъ бой 7-го іюля 1917 года. Я рѣшила изъ Бѣлозорки на своихъ лошадяхъ съ вѣрнымъ старикомъ-кучеромъ Антономъ, въ формѣ сестры милосердія, туда поѣхать. Выѣхала я 8-го іюля безъ документовъ, такъ какъ въ паспортѣ нѣмецкими властями мнѣ было отказано. Шли еще военныя дѣйствія, на границѣ стояли австрійскія военныя части. Съ помощью подарка меня пропустили. Въ Тарнополѣ я думала переночевать, но узнавъ, что въ гостиницѣ, гдѣ я остановилась, размѣщенъ нѣмецкій штабъ, побоялась ареста и ночью велѣла кучеру подать лошадей. Рано утромъ мы пріѣхали въ Мшаны. Тамъ меня охватило большое безпокойство, такъ какъ планъ мѣстности, данный мнѣ Кутеповымъ, совершенно посѣвами измѣнился. Всюду разбросаны были могилы съ надписями №№ Helden и №№ Russen. Гдѣ мнѣ искать Олега? Пока я обдумывала, что предпринять, къ моему экипажу подъѣхалъ кабріолетъ, въ которомъ сидѣлъ господинъ, помѣщикъ, какъ онъ себя отрекомендовалъ, австрійскій офицеръ, по болѣзни уволенный отъ службы. Узнавъ о цѣли моего пріѣзда, Лангеръ (таково было его имя) обѣщалъ мнѣ самое энергичное содѣйствіе.

Въ это время насъ окружила толпа крестьянъ, работавшихъ въ полѣ. Я показала имъ портретъ Олега. Одна изъ дѣвушекъ узнала въ Олегѣ офицера, который остановился въ ихъ халупѣ. Она указала, гдѣ, приблизительно, должна быть его могила, и сказала, что въ теченіе трехъ дней убитые оставались непогребенными, и за это время мародеры сняли съ нихъ все, что могли.

Надо было попытаться найти тѣло Олега, раскапывая могилы. Для этого нужно разрѣшеніе Kriegsgräberkommission въ Берлинѣ, которая навѣрное мнѣ въ этомъ отказала бы. Я воспользовалась совѣтомъ добраго Лангера и поѣхала къ начальнику мѣстныхъ германскихъ военныхъ частей. Предложивъ ему подарокъ для офицеровъ, я обратилась къ нему съ просьбой о раскапываніи могилъ. Нѣмецкій полковникъ , очень любезно меня принявшій, обѣщалъ, что его люди будутъ раскапывать могилы, пока тѣла моего сына не найдутъ. Дѣйствительно, когда я пріѣхала къ мѣсту, гдѣ, должна была находиться могила Олега, нѣмецкіе солдаты уже начали работать. Раскапывали эти общія могилы сутки. Труповъ было очень много, всѣ были раздѣты и неузнаваемо измѣнились. На тѣлахъ нѣкоторыхъ остались сумки съ письмами, очевидно, къ роднымъ, но разобрать ихъ не было никакой возможности.

Я пала духомъ. Сѣвъ на пригоркѣ, я стала горячо молиться. Вдругъ слушу голоса солдатъ: "Kommen Sie, kommen Sie, da liegt ein russischer Offizier" (Идите, идите, тутъ лежитъ русскій офицеръ). Я

поспѣшно подошла къ раскопанной могилѣ. Въ глубинѣ ея я увидѣла тѣло моего Олега. Онъ былъ одѣтъ, только безъ сапогъ. Подъ верхней одеждой было бѣлье съ нашитыми мною мѣтками, на шеѣ цѣпочка съ крестомъ и образокъ Божіей Матери, которымъ я его благословила въ походъ. На гимнастеркѣ были знаки Преображенскаго полка и Пажескій Мальтійскій крестъ. Все тѣло было нетлѣнное, мягкое. Подъ сердцемъ, на бѣльѣ, была запекшаяся кровь. Пальцы правой руки были сложены въ крестное знаменіе. Лица нельзя было узнать, такъ какъ голова была пробита пулей. Глубока была моя радость... Но разрѣшеніе на перевозъ тѣла въ Россію можно было получить только отъ высшаго австрійскаго начальства, пребывавшаго въ Одессѣ. Временно пришлось похоронить Олега на мѣстномъ Мшанскомъ кладбищѣ.

Достать гробъ въ маленькой деревушкѣ Мшаны не было никакой возможности. Добрѣйшій Лангеръ снялъ дверь въ своемъ домѣ и изъ нея немедленно сколотили гробъ, положили на дно еловыхъ вѣтокъ и простыню. Съ помощью солдатъ я уложила въ гробъ моего дорогого сына, закрывъ его простыней и вѣтками. Гробъ закрыли и перенесли на кладбище, гдѣ уже покоились воины-Преображенцы — безъимянные. На нѣкоторыхъ только могилахъ были кресты, но безъ именъ. Я поѣхала къ Мшанскому священнику — уніатскому (православнаго не было), прося его совершить отпѣваніе и погребеніе Олега. Это былъ старенькій забитый батюшка, жившій въ бѣдной хатѣ, ничѣмъ не отличавшейся отъ крестьянскихъ.

На слѣдующее утро имъ было совершено отпѣваніе и преданіе землѣ Олега въ присутствіи большого стеченія мѣстнаго населенія, какъ крестьянъ, такъ и обывателей-поляковъ. Могила Олега была покрыта принесенными полевыми цвѣтами. Женщины съ сердечнымъ сочувствіемъ подходили ко мнѣ, прося меня не безпокоиться о могилѣ, такъ какъ онѣ будутъ заботиться о ней. И дѣйствительно, когда я черезъ два мѣсяца вернулась, могила Олега была покрыта цвѣтами. Я попросила нѣмецкихъ солдатъ соорудить крестъ на могилѣ, что они немедленно исполнили. На крестѣ, который я позднѣе взяла въ Россію, была надпись:

"Leutenant Oleg Mitrophanow, gefallen für Sein Vaterland den 7/20 Juli 1917".

Отъ платы, предложенной имъ, солдаты отказались категорически, говоря: "Er war doch unser Kamerad" (Вѣдь онъ же нашъ товарищъ).

Тяжело мнѣ было разставаться съ могилой Олега. Мнѣ казалось, что онъ говоритъ: «Не уходи, не оставляй меня одного». Сердце мое разрывалось.

Я нашла тѣло Олега 11-го іюля 1918 года, годъ и 4 дня послѣ его геройской гибели. Это была несказанная, чудесная помощь Божія. Два мѣсяца спустя, нѣмцы соединили всѣ могилы въ одну громадную насыпь, и я бы никогда не могла найти моего Олега.

Великое сказалось благоволеніе Божіе къ нему!

Во время моего пребыванія въ Мшанахъ, я постаралась, насколько было возможно, привести въ порядокъ могилы нашихъ героевъ-воиновъ, нашедшихъ на этомъ мѣстномъ маленькомъ кладбищѣ вѣчное упокоеніе. При мнѣ поправили обвалившуюся кладбищенскую ограду. Вѣчная память всѣмъ нашимъ воинамъ, тамъ покоющимся!

Дальнѣйшимъ моимъ долгомъ было перевезти гробъ съ тѣломъ Олега въ Россію, на Волынь, въ наше имѣніе Бѣлозорку. Пришлось хлопотать въ Одессѣ у Главнокомандующаго Австрійской Арміей. Получивъ разрѣшеніе и закупивъ цинковый гробъ, парчу и все нужное для погребенія, мы съ мужемъ въ половинѣ Сентября отправились съ повозкой и лошадьми въ Мшаны изъ Бѣлозорки. Путешествіе было продолжительное, такъ какъ надо было предъявить бумаги губернатору въ Зборовѣ. Власти отнеслись къ намъ съ предупредительностью, и мы могли безпрепятственно доѣхать до Мшанъ. Какъ я уже упоминала, я нашла могилу Олега заботливо украшенную цвѣтами. Много народа собралось на проводы Олега. Мы горячо благодарили Лангера, котораго Господь мнѣ послалъ. Медленно, съ дорогими останками, двинулись мы въ обратный путь съ ночевками въ полуразрушенномъ Тарнополѣ и у ксендза въ селѣ между Тарнополемъ и Бѣлозоркой.

19-го сентября 1918 г. утромъ мы съ Божьей помощью привезли Олега въ Бѣлозорку, которую онъ такъ любилъ. У гроба была отслужена панихида. Всю ночь читали Псалтирь надъ гробомъ. На слѣдующее же утро, 20-го сентября, въ день Ангела Олега, состоялось отпѣваніе и погребеніе, которыя совершили священникъ Бѣлозорской церкви протоіерей Владиміръ Сѣнницкій въ сослуженіи со священниками Шушковецкой и Янковецкой церквей. Церковь была переполнена молящимися крестьянами и мѣстными помѣщиками и обывателями. Послѣ отпѣванія гробъ съ останками Олега былъ отнесенъ при погребальномъ пѣніи въ часовню-усыпальницу нашей семьи, въ церковной оградѣ.

Память объ Олегѣ не забывалась на Волыни. Много разъ, до второй войны, я пріѣзжала въ Бѣлозорку и служила панихиды. Крестьяне всегда приходили молиться за него. Во время 2-ой міровой войны Бѣлозорка была сожжена и разрушена непріятелемъ, но Господь сохранилъ нашу Церковь и часовню-усыпальницу. Тѣло Олега покоится тамъ въ мирѣ и тишинѣ, подъ сѣнью Церкви, какъ мнѣ еще недавно сообщали; душа же его вознеслась въ лучшій міръ, гдѣ нѣтъ болѣзней, печали и воздыханія.

Вѣчная память ему, Герою-Преображенцу, душу свою положившаго за други своя.

ЭПИЛОГЪ ВТОРОЙ.

Въ концѣ марта 1924 года я пріѣхала въ Софію къ моимъ друзьямъ Н. Н. и Нат. Ив. Евреиновымъ, съ которыми жила ихъ дочь Ольга Ник. Шамрая, которая подросткомъ была очень дружна съ Олегомъ. Она мнѣ сообщила о снѣ, который видѣла въ предыдущія двѣ ночи. Ей явился Олегъ. Лицо его было, какимъ она его всегда помнила, съ обычными ямочками на щекахъ. Глаза были большіе, свѣтящіеся. Весь онъ былъ радостный. На немъ былъ бѣлый хитонъ, затканный золотыми розами. Онъ ей сказалъ: «Скорѣе сообщи моей матери, чтобы она немедленно въ своей обители поставила образъ моему Святому съ неугасимой лампадкой передъ нимъ, и чтобы призрѣваемые молились передъ моимъ образомъ. Одна ея молитва недостаточна. Нужно, чтобы ея молитва слилась съ молитвами другихъ, и тогда мой Святой вознесетъ эти молитвы ко Господу. Если она это исполнитъ, у нея будетъ покойно на душѣ». Ольга Николаевна разсказала сонъ мужу, но не придала ему особаго значенія. На слѣдующую ночь сонъ повторился. Ей явился Олегъ въ томъ же видѣ и въ томъ же одѣяніи, но болѣе настойчиво ей повторяя: «Когда же ты передашь моей матери мое порученіе? Скажи же ей, что она непремѣнно должна поставить въ своей обители образъ моего Святого съ неугасимой лампадкой передъ нимъ, и чтобы призрѣваемые молились передъ этимъ образомъ. Одна ея молитва недостаточна. Нужно, чтобы ея молитва слилась съ молитвами другихъ, и мой Святой вознесетъ эти молитвы ко Господу. Если она это исполнитъ, у нея будетъ спокойно на душѣ». Сонъ былъ такой яркій, что, когда Ольга Николаевна проснулась, ей казалось, что Олегъ былъ въ комнатѣ и только что вышелъ. Она подробно разсказала о своемъ снѣ матери, а черезъ два дня послѣ моего пріѣзда — мнѣ.

Я пріѣхала изъ моего монастыря подъ Тырковомъ, гдѣ только что похоронила свою любимую послушницу, молоденькую Агриппину. Наканунѣ своей смерти, очнувшись изъ забытья, она подозвала меня и сказала: «Матушка, Вашъ сынъ Олегъ сообщаетъ, что онъ Вамъ далъ два звонка по телефону». Значеніе этихъ словъ я поняла только тогда, когда Ольга Николаевна разсказала свои сны.

Я обо всемъ сообщила архіепископу Серафиму Болгарскому, а по пріѣздѣ въ Парижъ митрополиту Евлогію. Они оба нашли, что сонъ Ольги Николаевны знаменателенъ. По ихъ совѣту я заказала образъ св. князя Олега князю Путятину, который его прекрасно написалъ, и образъ съ неугасимой лампадой находился въ обители Божіей Матери Нечаянной Радости подъ Парижемъ. Когда былъ написанъ другой образъ св. князя Олега для иконостаса, я первый отправила въ монастырь Владиміровъ въ Словакіи, гдѣ передъ нимъ всегда возжигалась неугасимая лампада. Во время второй міровой

войны и наступленія непріятеля, монахи разбѣжались — и икона пропала. Другой же образъ св. кн. Олега, согласно завѣщанію Олега, желавшаго, чтобы образъ его Святого въ память его находился въ Петроградѣ, въ Преображенскомъ Соборѣ, я имѣла возможность 30 лѣтъ послѣ его кончины передать Преображенскому Собору, который возвращенъ Русской Православной Церкви. Тамъ онъ и находится въ настоящее время.

Св. градъ Іерусалимъ,
20-го февраля 1953 г.

Схи-игуменія Евгенія
(въ міру Е. Е. Митрофанова)*.

*) Схи-игуменія Евгенія скончалась въ Іерусалимѣ въ 1959 году на праздникъ Святителя Николая 9-го мая, который въ томъ году пришелся на Святую Недѣлю. Въ это время схи-игуменія Евгенія жила въ греческомъ монастырѣ «Рападіа», ежедневно посѣщая Гробъ Господень.

Максимъ Викторовичъ Бражниковъ и его работы по возсозданію древне-русскаго церковнаго пѣнія.

Упорныя попытки раскрыть тайны древнихъ русскихъ крюковыхъ книгъ идутъ сейчасъ съ двухъ концовъ.

Византологи, увѣренные въ происхожденіи русскихъ пѣснопѣній отъ византійскихъ, еще со временъ св. Владиміра, и весьма ободренные своими недавними находками въ области византійскихъ нотацій, смѣло принимаются за самыя древнія русскія рукописи конца XI и начала XII вв. и, сличивъ ихъ съ одновременными византійскими, переводятъ ихъ на пятилинейную нотную систему [1]). Русскіе же ученые, идя по стопамъ Смоленскаго и Металлова, относятся скептически къ попыткамъ отожествить византійскія и древне-русскія начертанія («за тѣмъ же алфавитомъ могутъ, молъ, скрываться два различныхъ языка»), исходятъ изъ свободно читаемыхъ позднѣйшихъ рукописей (послѣдней четверти XVII в.), снабженныхъ киноварными помѣтами Шайдурова, и осторожно пробираются къ безпомѣтнымъ раздѣльнорѣчнымъ рукописямъ (начала и середины XVII в.).

Среди всѣхъ этихъ русскихъ ученыхъ первое мѣсто безспорно занимаетъ **Максимъ Викторовичъ Бражниковъ.** Этимъ я вовсе не хочу умалить заслуги такихъ неутомимыхъ работниковъ и великихъ знатоковъ крюковыхъ нотацій, какъ И. А. Гарднеръ и Э. Кошмидеръ (Koschmieder)[2]. Но имъ доступны лишь немногочисленные русскіе памятники, хранящіеся въ западныхъ библіотекахъ и музеяхъ. Бражниковъ же, никуда не выѣзжавшій изъ Россіи и вотъ уже 35 лѣтъ трудящійся надъ «тайнозамкновенными знаменами», пересмотрѣлъ несмѣтное количество ихъ въ тысячахъ и тысячахъ рукописей, лежащихъ крѣпко, подъ замкомъ, въ хранилищахъ Совѣтскаго Союза. И если принять во вниманіе его (Бражникова) громадную технику, палеографическую и научную, а также его изумительную музыкальность и умѣнье ясно и просто выражать свои мысли и заключенія, то можно только сказать: «ему и книги въ руки».

Коренной петербуржецъ, М. В. окончилъ петроградскую консерваторію по двумъ спеціальностямъ: какъ піанистъ и какъ композиторъ, но, попавъ подъ вліяніе покойнаго А. В. Преображенскаго, выдающагося историка и писателя по церковно-музыкальнымъ вопросамъ, онъ отдалъ себя всецѣло этой мало-изслѣдованной отрасли музыки.

Живя въ старомъ домѣ, на Мойкѣ, онъ пережилъ десятимѣсячную осаду Ленинграда нѣмцами, во время которой были разбиты

всѣ окна дома, но чудомъ остались невредимы его цѣннѣйшая библіотека и рояль (старый Шредеръ). Обрекая себя на роль профессіональнаго изслѣдователя церковнаго творчества, онъ сознательно лишалъ себя многихъ преимуществъ, и не былъ эвакуированъ, какъ почти всѣ остальные музыканты и артисты. Одинаковымъ образомъ и мѣсто его въ огромной очереди печатаемыхъ трудовъ одно изъ послѣднихъ. Когда онъ обратился къ властямъ за разрѣшеніемъ ѣхать въ Нью Іоркъ на конгрессъ музыковѣдовъ въ сентябрѣ 1961 г., оно ему не было предоставлено. Тѣмъ не менѣе онъ нуженъ государству, какъ научный работникъ, числится въ Министерствѣ Культуры, и имѣетъ возможность ѣздить изъ Ленинграда въ Москву, гдѣ находится наибольшее количество матеріаловъ. Изъ его трудовъ вышли въ печати немногіе:

«Новыя задачи изученія памятниковъ древне-русской музыки» (1939).

«Пути развитія и задачи расшифровки знаменнаго роспѣва XII-XVII вв.» — въ 1949 г. и въ томъ же году

«Русскія пѣвческія рукописи и русская палеографія».

Изъ этихъ немногихъ печатныхъ изданій трудно было получить правильное представленіе о творческомъ обликѣ Бражникова, но мнѣ посчастливилось раздобыть его адресъ, и я въ 1958 г. вступилъ съ нимъ въ обширную переписку. Что меня поразило въ первыхъ же его письмахъ — это его глубоко національный подходъ ко всему церковно-пѣсненному творчеству русскихъ мастеровъ. Привожу его слова:

«Чѣмъ дальше я работаю, тѣмъ больше вижу, даже въ мелкихъ частностяхъ знаменнаго роспѣва его «русскій духъ», вижу то, какъ постепенно, но неуклонно сбрасывалъ онъ съ себя остатки связей съ византійской музыкой, становился на свои собственныя русскія ноги. Было бы преувеличеніемъ ставить знакъ равенства между знаменнымъ роспѣвомъ и фольклоромъ, но что знаменный роспѣвъ въ огромной мѣрѣ является продуктомъ русскаго народнаго творчества, для меня не подлежитъ сомнѣнію». (Изъ письма 1 апр. 1961 г.)

«Что касается парижской ассоціаціи [3]) по изученію русскаго пѣнія . . . то будетъ очень хорошо, если съ ней установится контактъ . . . Важно только, чтобы ассоціація не встала на позицію довольно распространенную среди западно-европейскихъ изслѣдователей. Я имѣю въ виду направленіе, съ которымъ мы съ Вами боремся — стремленіе во чтобы то ни стало принизить самостоятельность русской культуры и доказать полную зависимость ея отъ византійской» . . . (Изъ письма 9 нояб. 1961 г.)

Все чаще и чаще въ этихъ письмахъ упоминается о капитальномъ трудѣ надъ роспѣвщикомъ временъ Іоанна Грознаго Ѳеодоромъ Христіаниномъ. Зная, что о немъ, до сихъ поръ, имѣлись лишь

историческія и крайне скудныя данныя[4]), я весьма насторожился, когда вдругъ промелькнула такая фраза:

«У Ѳеодора Христіанина пѣсенность знаменнаго роспѣва нашла особенно яркое выраженіе въ формѣ большого роспѣва».

Что же оказалось? Въ 1955 г. неутомимый путешественникъ по просторамъ россійскихъ равнинъ и искатель старины, Владиміръ Ивановичъ Малышевъ, забрался въ автономную совѣтскую республику Коми (бывш. Пермск. губ.). Разспрашивая крестьянъ, онъ натолкнулся на такого рода замѣчанія о древнихъ книгахъ.

«Были и такія, только вотъ вѣдь невѣжественный былъ народъ — писалъ на кожѣ. Теперь мы научены, и пишемъ на бумагѣ».

«Куда же дѣлись эти книги?»

«Да мы ихъ на топливо употребили!»

А въ другомъ мѣстечкѣ за четыре дня до прибытія Малышева, мальчишки сдѣлали огромный костеръ изъ старой «рухляди». Но ничто не остановило неистоваго искателя. И вотъ онъ вернулся со сборникомъ примѣрно середины XVII в. Текстъ написанъ полууставомъ (стариннымъ почеркомъ) и раздѣльнорѣчный, напр.: согрѣшихомо, Бого, сопасо; а на листахъ 236-260 написано вязью и киноварью:

Стихиры Евангельскія. Бо́льшее знамя. Твореніе деспота Льва царя премудраго. Переводъ Крестьяниновъ[5]).

Это-то и были тѣ доселѣ невѣдомыя музыкальныя творенія знаменитаго роспѣвщика, дѣятельность котораго протекала во второй половинѣ XVI вѣка.

Находка была передана Пушкинскому Дому Академіи Наукъ СССР и сразу же былъ оповѣщенъ чуть ли не единственный знатокъ почерковъ и нотацій того времени, т. е. Бражниковъ.

Въ результатѣ получился его капитальный трудъ о Ѳеодорѣ съ переводомъ на ноты этихъ одиннадцати стихиръ.

Такимъ образомъ зазвучала музыка русскаго XVI в., никому въ мірѣ еще невѣдомая.

Значеніе этого событія равняется по меньшей мѣрѣ находкѣ въ 1865 г. «неоконченной» симфоніи Шуберта или первому исполненію Мендельсономъ Страстей по св. Матѳею Іоганна Севастіана Баха (1829).
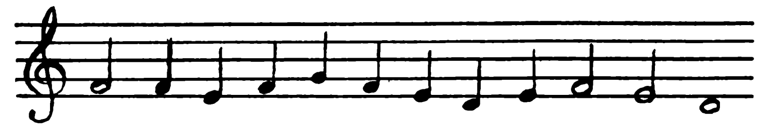
Однако этотъ трудъ Бражникова все еще лежитъ на полкахъ Госиздата. Бражниковъ справедливо сѣтуетъ на такую отсрочку:

«Вы совершенно не представляете себѣ того, о чемъ говорится въ «Ѳеодорѣ Крестьянинѣ» [6]). Это все въ полной мѣрѣ ново и неожиданно, и не похоже на то, о чемъ мы думаемъ и что́ представляемъ себѣ, говоря о знаменномъ роспѣвѣ. Это — личное творчество Ѳеодора, разумѣется выросшее изъ знаменнаго роспѣва. Это цѣлый новый звуковой міръ, принципіально новое явленіе въ знаменномъ роспѣвѣ конца XVI и начала XVII вв. Что же до народной

пѣсни, такъ творчество Ѳеодора ею буквально пропитано». (Изъ письма 28 марта 1962 г.)

Будучи не въ силахъ повліять на пагубную политику пренебреженія церковными цѣнностями и предпочтенія имъ позднѣйшихъ эпохъ русской музыки (какъ будто не вся наша музыка покоится на церковныхъ началахъ!), Бражниковъ опубликовалъ вступительную статью къ изданнымъ въ 1960 г. рукописнымъ собраніямъ Д. В. Разумовскаго и князя Одоевскаго [7]). Ему было чрезвычайно важно, хотя бы косвеннымъ образомъ, повѣдать музыкальному міру о найденныхъ имъ у Ѳеодора богатствахъ и дать толчокъ теоріи взаимодѣйствія народнаго и церковнаго творчества, которая почему-то часто оспаривается не только въ Совѣтскомъ Союзѣ, но и на Западѣ, въ узкихъ кругахъ византологовъ, которымъ Бражниковъ приписываетъ попытку «доказать полную несамостоятельность и безпомощность древнерусскаго музыкальнаго искусства» [8]).

Поэтому онъ опережаетъ себя и даетъ здѣсь нѣсколько примѣровъ, указывающихъ на родственность оборотовъ знаменнаго пѣнія и народной пѣсни:

Нужно сказать, что я уже давно (1940) стремился доказать это родство и приводилъ таблички одинаковыхъ оборотовъ и попѣвокъ [9]), но тогда у меня подъ руками были лишь позднѣйшіе образцы знаменнаго роспѣва, извѣстные по книгамъ Нотнаго Пѣнія, опубликованнымъ св. Сѵнодомъ. Теперь же у Бражникова оказался ключъ къ доподлиннымъ «творцамъ и пѣснорачителямъ» золотого вѣка русской музыки.

Нельзя было не поѣхать къ нему, чтобы воочію убѣдиться въ въ существованіи и объемѣ его трудовъ. Осуществить это желаніе мнѣ удалось въ концѣ августа 1963 г. Сразу же по моемъ прибытіи въ Ленинградъ, мы съ нимъ отправились въ Европейскую Гостиницу. Но передъ тѣмъ, какъ посвятить меня въ свои планы онъ, въ очень деликатной формѣ, попытался узнать отъ меня мои взгляды на церковь вообще и мое отношеніе къ тѣсно связаннымъ со знаменными мелодіями текстамъ. И только получивъ отъ меня завѣреніе въ томъ, что эти тексты для меня являются не менѣе вдохновенными, чѣмъ самая мелодія, онъ, облегченно вздохнувъ, сказалъ: «Ну, тогда все въ порядкѣ».

Общеніе наше продолжалось шесть дней, съ 30-го августа по 4 сент., и не только у меня въ гостиницѣ, но и у него, на Мойкѣ. Тамъ, въ невѣроятной скученности, въ глубинѣ безконечныхъ дворовъ и лѣстницъ, живетъ вся его семья (жена, дочь съ мужемъ, и внучка). На его долю приходится лишь полъ-комнаты. А вѣдь надо устроить не только рояль, но и матеріалы для работы: Картотека

(4000 карточекъ съ обозначеніемъ всѣхъ терминовъ, касающихся церковнаго пѣнія, всѣхъ знаменныхъ попѣвокъ и названій крюковъ) помѣщается на рояли, и къ ней не пробраться. Приходится закидывать своего рода удочку и выуживать ящички съ дальняго конца рояля. Поистинѣ средневѣковыя условія!

Кромѣ рукописи о Ѳеодорѣ (около 300 стр.) остается неопубликованной еще одна огромная работа Бражникова: «Описаніе Благовѣщенскаго Кондакаря XII в.». То, что когда-то Смоленскій продѣлалъ въ сжатой формѣ надъ Воскресенскимъ Ирмологомъ [10]), Бражниковъ доводитъ до апогея. Онъ досканальнѣйшимъ образомъ разбираетъ таинственную кондакарную нотацію, проходитъ черезъ весь Кондакарь страница за страницей, классифицируя и занося каждое отдѣльное начертаніе, и извлекая изъ этихъ ученѣйшихъ наблюденій и замѣтокъ какія то данныя, которыя несомнѣнно облегчатъ работу будущихъ музыковѣдовъ.

Еще не совсѣмъ оконченной является его работа надъ древними русскими музыкально-теоретическими руководствами. Эти «азбучки», какъ онъ ихъ называетъ, XV и XVI вв. играютъ въ его построеніяхъ огромную роль, и онъ естественно не можетъ себѣ представить, какъ можно вообще говорить о древнемъ церковномъ пѣніи, не изучивъ ихъ во всѣхъ подробностяхъ, и не усвоивъ ихъ своеобразнаго языка и терминологіи.

Еще не такъ давно музыковѣды русской пѣвческой старины жаловались на безпомощность объясненій, находящихся въ этихъ азбучкахъ [11]). Напримѣръ: «Стрѣлу свѣтлую — подержавъ, подернути вверхъ дважды; громосвѣтлую — изъ низу подернути кверху. Голубчикъ малой — гаркнуть изъ гортани». Что и говорить, языкъ мудреный, но тутъ-то и начинаются терпѣливыя любовныя раскопки и раскрытія Бражникова, который, видимо, постигъ всѣ оттѣнки этого языка и доказываетъ обратное, т. е. изумительную точность и ясность указаній на способъ чтенія и исполненія крюковъ. Не читавшихъ и не знающихъ этихъ руководствъ и въ то же время пытающихся пролить свѣтъ на крюковое пѣніе, онъ обвиняетъ въ поверхностности и даже нечестности. Такой неумѣлой попыткой является, по его мнѣнію, недавно вышедшая книга В. М. Бѣляева «Древне-русская музыкальная письменность» [12]). Въ этой книгѣ авторъ (извѣстный изслѣдователь фольклора Совѣтскаго Союза) отрицаетъ всякую зависимость русскаго пѣнія отъ византійскаго, а также русскаго многоголосія XV-XVI вв. отъ западнаго.

Въ то время, какъ знаменное многоголосіе еще почти неизвѣстно, и дальнѣйшія работы надъ нимъ могутъ дать совершенно новые и неожиданные результаты, фактъ заимствованія знаменной нотаціи изъ Византіи, вмѣстѣ съ христіанствомъ, конечно, неоспоримъ.

Моя встрѣча съ Бражниковымъ является въ полной мѣрѣ про-

виденціальной для достойной оцѣнки его личности и роли въ дѣлѣ уразумѣнія и воскрешенія древне-русскаго церковнаго пѣнія.

Въ немъ въ высшей степени благотворно сочетались яркая музыкальность [13]), горячая любовь къ старинѣ, какъ народной, такъ и церковной, феноменальный техническій аппаратъ ученаго въ европейскомъ смыслѣ слова, и вѣра въ богоугодность и правоту своего дѣла, на которое онъ отдалъ всю жизнь.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) M. Velimirovic: Byzantine Elements in Early Slavic Chant. Monumenta Musicæ Byzantinæ, Subsidia 4. Kopenhagen, 1960.

[2]) Joh. von Gardner und Erwin Koschmieder: Ein handschriftliches Lehrbuch der altrussischen Neumenschrift. München, 1963.

[3]) Подъ «парижской ассоціаціей» здѣсь подразумѣвается группа знатоковъ православнаго церковнаго пѣнія, которая, при финансовомъ содѣйствіи Колледжа Вѣры въ Лондонѣ, выпустила первый томъ Сборниковъ церковнаго пѣнія (Литургія). Лондонъ, 1962.

[4]) См. у Ундольскаго «Замѣчанія для Исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи». Москва, 1846.

[5]) Старинное слово: «переводъ» означаетъ разукрашиваніе основы роспѣва по личному вкусу даннаго мастера. Здѣсь было и не мало личнаго «распространенія», т. е. изобрѣтенія.

[6]) Встрѣчаются наименованія Ѳеодора, какъ Христіаниномъ, такъ и Крестьяниномъ. Бражниковъ употребляетъ оба наименованія.

[7]) Князь В. Ѳ. Одоевскій былъ едва ли не первымъ русскимъ музыковѣдомъ (1803-1869). Издавая свою работу «Церковное пѣніе въ Россіи», Разумовскій (1818-1889) указываетъ на то, что Одоевскій «благосклонно принялъ на себя трудъ прочитать предлагаемое сочиненіе въ рукописи и сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній». Рукописныя собранія Д. В. Разумовскаго и В. Ѳ. Одоевскаго и архивъ Д. В. Разумовскаго были изданы въ Москвѣ въ 1960 г.

[8]) Горечь этихъ словъ Бражникова (Архивы, стр. 19) вполнѣ понятна. но на самомъ дѣлѣ далеко не всѣ «зарубежные буржуазные славяновѣды» стремятся къ приниженію русской культуры.

[9]) См. мои статьи: "The Znamenny Chant of the Russian Church" (Musical Quarterly, New York, Apr.-Oct. 1940) и мою статью о русскомъ церковномъ пѣніи въ «Православномъ Пути» за 1952 г.

[10]) Благовѣщенскій Новгородскій Кондакарь, памятникъ русскаго церковнаго пѣнія середины XII в. содержитъ двоякаго рода начертанія, обычныя-знаменныя, и совсѣмъ необычныя — кондакарныя. См. листы изъ него въ Атласѣ Металлова «Русская Семіографія» 1912 г. См. С. В. Смоленскій «Краткое описаніе древняго знаменнаго Ирмолога, принадлежащаго Воскресенскому, «Новый Іерусалимъ» именуемому, монастырю». Казань, 1887.

[11]) См. А. В. Преображенскій, Культовая Музыка (Петербургъ 1924).

[12]) Бражникову было поручено написать отзывъ объ этой неожиданной, полемической книгѣ, что онъ и сдѣлалъ. но ввиду преклоннаго возраста и большого авторитета Бѣляева этотъ отзывъ до сихъ поръ такъ и не былъ опубликованъ.

[13]) Бражниковъ сочинилъ два концерта на обиходныя темы: фортепіанный и скрипичный.

Оккультизмъ въ свѣтѣ Христіанской Истины.

Въ послѣднее время замѣчается прискорбное явленіе: наблюдается ростъ интереса православныхъ русскихъ людей къ оккультизму во всѣхъ его разновидностяхъ: къ спиритизму, теософіи, антропософіи, магіи, ко всякаго рода «гадателямъ», «предсказателямъ», «ясновидящимъ», и т. п.

Все загадочное, таинственное всегда вызывало у человѣка интересъ, къ подобнаго рода явленіямъ. Возникаетъ и желаніе самому, своимъ опытомъ удостовѣриться въ ихъ истинности, а для этого принимать участіе въ организаціяхъ, обществахъ, кружкахъ, ставящихъ себѣ цѣлью проникновеніе въ эту темную, загадочную область. Это — зло, съ которымъ нужно бороться, но бороться разумно. Отрицать существованіе этихъ феноменовъ невозможно, ибо они дѣйствительно существуютъ. Голословно отрицать ихъ — оказывать плохую услугу борьбѣ съ этимъ зломъ.

Что же представляетъ собою оккультизмъ?

На этотъ вопросъ даютъ отвѣтъ сами оккультисты. Вотъ, что говоритъ извѣстный русскій оккультистъ С. Тухолка, въ своей книгѣ «Оккультизмъ и магія» (Петроградъ, 1917 г.):

Задачей оккультизма является проникновеніе въ тайны мірозданія, въ тайны жизни и смерти, а также овладѣніе секретами психическаго и сверхъестественнаго міровъ».

«Традиція и преданія (кабала) оккультизма восходятъ къ глубокой древности. Она представляетъ тайны, которыя раньше хранились египетскими жрецами, индійскими браминами, и которыя частью устно передавались (кабала) посвященнымъ, частью были выражены въ письменныхъ сочиненіяхъ, большею частью символическаго характера».

«Традиціи оккультизма раздѣляются на двѣ вѣтви: западную египетскаго происхожденія и восточную индійскую, до нынѣ культивируемую въ теософизмѣ».

«Преданіе западнаго оккультизма опирается на Гермеса Трисмегиста, Орфея, Гомера, Пифагора и Платона».

«Нѣкоторые будутъ предубѣждены противъ оккультизма, узнавъ, что въ его доктрину входитъ изученіе магіи. Но нужно различать, что главнымъ элементомъ магіи является психическая сила, а во-вторыхъ нужно видѣть разницу между магомъ и колдуномъ. Послѣдній

(т. е. колдунъ) безсознательно вызываетъ къ жизни темныя силы природы и пользуется ими для дурныхъ цѣлей, тогда какъ магъ подчиняетъ себѣ сознательно психическій міръ».

«Однимъ изъ главныхъ источниковъ и памятниковъ оккультизма является книга Бытія Моисея». (Замѣтимъ отъ себя — «искаженная» и «расшифрованная» оккультистами-кабалистами въ нужномъ имъ смыслѣ. Іер. Сер.).

«Уже въ книгахъ Моисея мы встрѣчаемъ указаніе на **«астралъ».** А именно въ сценѣ грѣхопаденія прародителей. Змій соблазнившій Еву, названъ Моисеемъ «Наашъ». Въ прямомъ смыслѣ это значитъ «Змій». Въ символическомъ — безпокойное желаніе, инстинктъ. Въ іероглифическомъ значитъ **«астралъ»** и символизируетъ **злое начало, или Діавола.»** (Выдѣленіе шрифтомъ мое. Іер. Сер.).

Итакъ, по признанію самихъ оккультистовъ — «Астралъ», «Астральный планъ» это и есть злое, діавольское начало. Это есть та область, проникновеніе въ которую ставитъ себѣ задачей оккультизмъ.

Слѣдовательно, тотъ **«астральный міръ»,** изученіемъ котораго занимаются оккультисты, всѣ явленія въ **«астральномъ планѣ»,** всѣ невидимыя существа, съ которыми входятъ въ общеніе «оккультными способами», всѣ эти **«Астральныя силы» — не что иное, какъ проявленія въ физическомъ мірѣ темныхъ духовныхъ сатанинскихъ силъ — демоновъ.**

Дальше С. Тухолка пишетъ:

«Эгрегоры — **астральныя существа»,** порожденныя обществомъ людей, объединенныхъ одной мыслью и волей и представляющихъ собою духъ сказаннаго общества.

«Созданіе **«Эгрегоровъ»** — основано на законѣ магической цѣпи. Получивъ отъ членовъ общества запасы психической силы, эгрегоръ уже начинаетъ жить самостоятельной жизнью. При борьбѣ земныхъ обществъ, ихъ эгрегоры, эти астральные гиганты, вступаютъ между собою въ борьбу, увлекая въ нее и людей. Умершіе члены общества составляютъ часть эгрегора, питая его и послѣ своей смерти своими психическими силами.

«При распаденіи общества на землѣ, **эгрегоръ его** еще долго существуетъ въ Астралѣ и старается осуществить цѣли общества, какъ бы возраждаясь въ нихъ.

«Особенно интересно прослѣдить жизнь эгрегора въ судьбахъ «Ордена Тампліеровъ» во Франціи. Какъ извѣстно въ началѣ XIV вѣка, Филиппъ Красивый, король французскій и Климентъ V, папа римскій уничтожили этотъ орденъ, предавъ мученіямъ и казни множество рыцарей. Однако пролитая кровь ордена, только усилила его эгрегоръ и оттого завѣтомъ его существованія явилась непримиримая ненависть къ французскимъ королямъ и римскимъ папамъ, высказанная въ девизѣ изъ трехъ буквъ: L.P.D., что означаетъ: "Lilia

Pedibus Destrua, Latro Pontifex Deleatur" (Лилія (гербъ Бурбоновъ) ногами попирается, первосвященникъ-разбойникъ (папа римскій) — уничтожается).

«Съ тѣхъ поръ эгрегоръ этотъ вызывалъ къ жизни всѣ общества и заговоры, имѣвшіе цѣлью ниспроверженіе трона Бурбоновъ и римскихъ папъ...

«Въ XVIII вѣкѣ онъ (эгрегоръ) проявлялся въ тайныхъ обществахъ «просвѣтленныхъ» (иллюминантовъ)...

«На границѣ XVIII и XIX вѣковъ онъ подобно урагану вздымалъ яростныя волны французской революціи... И въ наши дни онъ вдохновляетъ многія революціонныя общества и масонскія ложи».

(С. Тухолка. «Оккультизмъ и магія». Петроградъ. 1917 г.)

Такимъ образомъ, сами оккультисты проговариваются и раскрываютъ частично нѣкоторыя тайны оккультизма, цѣлью котораго является «проникновеніе въ тайны жизни и смерти»; въ результатѣ чего и появляется рядъ «оккультныхъ наукъ» — спиритизмъ, теософія, магія, и т. д.

«Русская мысль» (№ 603, 4/X - 1953 г.) помѣстила большую статью, восхваляющую основательницу «Всемірнаго Теософическаго Общества», Елену Павловну Блаватскую, называя ее «замѣчательной русской женщиной». Эта женщина дѣйствительно «замѣчательная» — въ своемъ родѣ.

Е. П. Блаватская, урожденная Ганъ, родственница писательницы Желиховской, проживавшая одно время въ семьѣ графа Витте, будучи еще совсѣмъ молодой дѣвушкой, вышла замужъ за пожилого человѣка, чиновника Блаватскаго, чтобы избавиться отъ контроля родныхъ. Послѣ замужества она на нѣсколько лѣтъ исчезла неизвѣстно куда. За эти нѣсколько лѣтъ, какъ оказалось потомъ, она побывала въ Индіи, гдѣ изучала «оккультныя науки» и развивала свои «психическія» силы; побывала и въ Америкѣ, гдѣ съ помощью извѣстнаго оккультиста, полковника Олькоттъ, докончила свое оккультное образованіе. Какъ въ Америкѣ, совмѣстно съ полк. Олькоттъ, такъ и, вернувшись въ Европу, въ Англіи и Франціи, она основала «Теософическое Общество». Для пропаганды «теософичскихъ идей» она издавала въ Лондонѣ журналъ «Люциферъ».

Родственница Блаватской, писательница Желиховская, въ предисловіи къ книгѣ Блаватской «Изъ пещеръ и дебрей Индіи», упоминаетъ о письмѣ Блаватской къ роднымъ изъ Англіи. Въ этомъ письмѣ Блаватская пишетъ, что принята въ масонскую ложу. «Значитъ, теперь я таинственный масонъ», балагуритъ она въ этомъ письмѣ. Тутъ же она оправдывается по поводу издаваемаго ею журнала «Люциферъ». «Въ этомъ нѣтъ ничего плохого» пишетъ она. «Люциферъ, значитъ носитель свѣта, и слѣдуетъ давно снять поклепъ съ этого имени».

Уже одно названіе журнала «Люциферъ» говоритъ о томъ, какого рода «теософическія идеи» пропагандируетъ основанное Блаватской «Теософическое Общество».

Послѣ смерти Блаватской, ея замѣстительницей и предсѣдательницей «Теософическаго Общества оказалась англичанка Анни Безантъ.

Знакъ «Теософическаго Общества» — шестиконечная звѣзда.

Теософическое Общество оффиціально такъ опредѣляетъ свои цѣли и задачи:

1) Установленіе на землѣ «всемірнаго братства» безъ различія расъ, вѣръ, національностей и классовъ.

2) Изученіе древнихъ «сокровенныхъ» (т. е. оккультныхъ) наукъ, знаній, а также языковъ. Къ числу «сокровенныхъ» знаній относится и лжеученіе о «переселеніи душъ» или «перевоплощеніи».

3) Установленіе на землѣ **единой міровой интернаціональной церкви.**

4) Пропаганда идеи скораго пришествія въ міръ «Великаго Учителя» — «Мессіи», спасителя человѣчества, называемаго теософами «Махатма», «Учитель учителей», «Іисусъ Матрегія», изображеніе котораго теософы поддѣлываютъ подъ ликъ Христа-Спасителя.

Программа «наукъ» и знаній, изученіемъ которыхъ занимается теософія, сводится къ слѣдующему:

1) Свѣдѣнія о магіи:

а) Область космографіи невидимаго.

б) Человѣческія способности: животный магнетизмъ, наука ауры, наука сновъ, наука «астральнаго тѣла».

2) Человѣческія силы:

а) Активное управленіе невидимыми силами **(магія)**, познаніе невидимаго, предсказательныя способности.

3) Психометрія, ясновидѣніе, яснослышаніе, интуиція, и т. п.

4) Астрологія, физогномика, чтеніе мыслей (телепатія).

5) Геоманія: предзнаменованія, хиромантія, истолкованіе сновъ.

6) Пророчество, экстазъ.

7) Предварительныя свѣдѣнія: наука вибраціи, наука движенія, наука «освященія», наука словъ, наука направленія воли.

8) Алхимія.

9) Лечебный магнетизмъ, оккультная медицина, гипнотизмъ, заклинанія (защита отъ невѣдомаго).

Такова оффиціальная сторона дѣятельности «Теософическаго Общества».

Оффиціально «Теософическое Общество» политикой не занимается и никакихъ политическихъ вопросовъ не рѣшаетъ.

На дѣлѣ «Теософическое Общество», однако, политикой занимается и, притомъ, политикой совершенно опредѣленнаго направленія.

на первый взглядъ ничего общаго съ «астральнымъ міромъ» не имѣющей.

Одна изъ дѣятельныхъ и видныхъ члновъ «Теософическаго Общества», Варвара Николаевна Пушкина, въ брошюрѣ своей **«Скоро Спаситель пріидетъ, узнаемъ ли мы Его?»** (Ревель, 1925 г.) пишетъ:

«И какъ бы синтезомъ всѣхъ этихъ ученій (т. е., перевоплощенія, пришествія мессии, и т. д.), является современный великій пророкъ пришествія — Анна Безантъ (б. предсѣдательница Теос. О-ва), совмѣщающая въ себѣ и представителя науки, и философа, и психолога, и писателя, и общественнаго **и политическаго дѣятеля».**

Если руководительница «Теософическаго Общества» занимается политической дѣятельностью, то несомнѣнно есть и у всего «Теософическаго Общества» — опредѣленное политическое направленіе.

Та же В. Н. Пушкина, въ другой своей брошюрѣ **«Орденъ Звѣзды Востока, (творчество Новаго Неба и Новой Земли)». Петроградъ, 1917 г.** пишетъ:

«Когда въ самые жаркіе дни (революціи) народъ ходилъ по улицамъ Петрограда, когда въ тѣ-же дни на Мясницкой юный прапорщикъ, стоя въ грязи на колѣняхъ, вмѣстѣ съ толпою, пламенно говорилъ ей, что только любовью и братствомъ создастся новая жизнь — тогда казалось, что совершается великое таинство сопричастія душъ, и что русскій народъ соборно пріобщается **Великой Реальности и Братства»** (стр. 12. — Курсивъ вездѣ мой).

«Учитель, старшій братъ, великій идеалистъ прійдетъ строить нашъ невидимый градъ, по которомъ тоскуетъ душа міра. Онъ прійдетъ такой простой и совсѣмъ не страшный ... И тогда такъ легко будетъ, дружно, миромъ, съ мудрымъ старшимъ братомъ, вынимать негодные кирпичи изъ сооруженнаго нами столь неудачнаго зданія (т. е. христіанскаго міра, христіанской государственности. Іер. Сер.) и замѣнять ихъ вѣчными, непреходящими камнями» ...

«Назовутъ-ли одни Его Буддой, другіе Кришной, третьи «Брамой», «Царемъ», или «Великимъ Пророкомъ», иные Христомъ, иные просто Учителемъ, не называя Его какимъ нибудь специфическимъ именемъ, это будетъ имѣть значеніе для каждаго человѣка въ отдѣльности» ...

«У насъ еще дрожитъ внутри отъ пережитаго „чуда революціи," **совершеннаго не человѣческими руками, и намъ ли не повѣрить, что эти руки закончатъ это дѣло?»** ...

(В. Н. Пушкина, «Орденъ Звѣзды Востока». Петроградъ, 1917.)

Здѣсь теософка Пушкина выдала тайну теософской «политики». Оказывается, теософы радовались революціи «до дрожи внутри» ... А что же нужно понимать подъ «Великой Реальностью» съ большой буквы, къ которой «соборно пріобщается русскій народъ» и что это за нечеловѣческія руки», которыя, по убѣжденію теософовъ, закончатъ дѣло революціи?

«Великая Реальность» — это не что иное, какъ т. н. **«Эгрегоръ»** — этотъ **«астральный гигантъ»**, вдохновляющій по словамъ оккультиста С. Тухолка революціонныя общества и движенія. Теперь для всякаго христіанина должно быть совершенно очевидно, что **«Великая Реальность»** и **«Эгрегоръ»** это только маскировка истиннаго вдохновителя революцій, Сатаны. «Нечеловѣческія руки», это — невидимое духовное руководство Сатаны революціонными организаціями и движеніями.

Другой извѣстный оккультистъ Елифасъ Леви пишетъ: «Астральный образъ діавола несомнѣнно существуетъ». (Догма и ритуалъ высшей магіи. Парижъ).

Для пропаганды идеи скораго пришествія «мессіи», «основателя религій», у теософовъ существовалъ «Орденъ Звѣзды Востока». Оффиціально орденъ этотъ въ наши дни не существуетъ, но идея скораго пришествія «мессіи», проповѣдуется теософами и сегодня.

Христіанамъ теософы выдаютъ этого своего «мессію» за Христа, Который скоро пріидетъ на землю во второй разъ. Это сказано прямо въ брошюрѣ предсѣдателя Болгарскаго Теософическаго Общества Софронія Никова, гдѣ онъ пишетъ:

«На Западѣ, особенно въ Англіи, твердо и настойчиво, хотя еще и медленно, усиливается движеніе, паролемъ котораго служитъ: «Христосъ идетъ».

Въ числѣ признаковъ по которымъ можно судить о скоромъ пришествіи «Мессіи», «Христа», «Великаго Учителя», слѣдуетъ считать, по мнѣнію Софронія Никова, также: «развитіе на Западѣ движеній спиритическаго и теософскаго, распространеніе соціализма, а также международнаго языка доктора Заменгофа — «есперанто».

Далѣе Никовъ пишетъ: «Они (христіане Запада) сильно вѣруютъ, что пріидетъ «Великій Учитель», пріидетъ тотъ, кто есть истинный свѣтъ Знанія и Силы... Пришествіе Христа во второй разъ въ недалекомъ будущемъ дастъ не одинъ предметъ умственной спекуляціи, не вѣру отчаянія, а Знаніе, которое имѣетъ наиположительные источники» (т. е. оккультизмъ. Іер. Сер.).

Нетрудно догадаться, что «вѣра отчаянія», это — вѣра христіанская, а «знаніе», это — знаніе оккультное.

Ожидаемый теософами «мессія», «учитель» будетъ (перевожу съ болгарскаго точно): «Величественный Мужъ, не Богъ (очевидно, имѣется въ виду Богъ въ понятіи христіанскомъ. Іер. Сер.), который укажетъ новый путь, священная фигура котораго покажетъ новый типъ, типъ божественный, т. е. объединительный... Таково близкое будущее, которое вдохновенные поэты предчувствуютъ, которое мудрецы востока видятъ, видятъ звѣзду его, свѣтящую ясновидящимъ»...

Анни Безантъ въ статьѣ, напечатанной въ № 2 оффиціальнаго органа Теософическаго Общества «The Theosophist», даетъ свое авторитетное разъясненіе о томъ кто будетъ этотъ теософскій «мессія», гря-

дущій теософскій христосъ: «Настанетъ миръ, когда великая фигура Высшаго Учителя прійдетъ на землю, того князя міра, который явится послѣ бури».

И такъ теософскій «мессія», по Анни Безантъ, будетъ не кто иной, какъ «князь міра сего». А изъ Евангелія мы знаемъ кого нужно понимать подъ «княземъ міра сего»: «Нынѣ судъ міру сему, нынѣ князь міра сего осужденъ»... (Іоан. 16, 11.)

Теософы увѣряютъ, что этотъ «Великій Учитель», «мессія», уже является въ «астральномъ» тѣлѣ высшимъ «посвященнымъ» дѣятелямъ теософическаго общества. Явленіе это настолько реально, что теософы имѣли возможность произвести фотографическіе снимки.

Въ моихъ рукахъ была брошюра, изданная въ Болгаріи, въ Софіи, на первой страницѣ которой изображенъ снимокъ «мессіи» въ астральномъ тѣлѣ, появившагося на теософскомъ сеансѣ. За столомъ къ комнатѣ сидятъ нѣсколько мужчинъ и женщинъ (очевидно самыхъ достойныхъ теософовъ), на порогѣ двери въ сосѣднюю комнату изображена фигура человѣка, по одеждѣ и облику напоминающая Христа-Спасителя, какъ Его, во весь ростъ, изображаютъ на иконахъ. «Ликъ» этого «учителя» распространяется даже на почтовыхъ открыткахъ и имѣетъ большое сходство съ ликомъ Христа-Спасителя. На широкое распространеніе этихъ открытокъ обратилъ вниманіе Архіерейскій Сvнодъ Русской Православной Церкви заграницей и нашелъ необходимымъ обратиться по этому поводу къ православнымъ христіанамъ съ особымъ посланіемъ такого содержанія.

«Отъ Архіерейскаго Сvнода Русской Православной Церкви заграницей».

«Враги христіанства стали прибѣгать къ различнымъ средствамъ въ цѣляхъ поруганія Христа... Такъ за послѣднее время они стали распространять снимки лжемессіи «Матерейя» и другихъ, подъ видомъ изображенія Іисуса Христа. Въ шанхайскую православную церковь 1/14 мая 1922 года, нѣкимъ англичаниномъ, оказавшимся «теософомъ» былъ доставленъ для помѣщенія въ ней образъ Христа Спасителя, оказавшійся точной копіей помѣщеннаго въ книгѣ Нилуса «Близъ есть при дверяхъ», портрета лжемессіи «Матерейя»... Архіерейскій Сvнодъ Русской Православной Церкви заграницей, согласно опредѣленію своему отъ 22 февр. (6 марта) 1923 года, въ заботѣ о вѣрныхъ чадахъ Русской Православной Церкви, предостерегаетъ ихъ отъ покупки указанныхъ открытокъ со снимками лжемессіи, выдаваемыхъ за св. изображенія Іисуса Христа».

Предсѣдатель Архіерейскаго Сvнода Русской Православной Церкви заграницей (подпись) **Митрополитъ Антоній.**
Управляющій канцеляріей (подпись) **Е. Махараблидзе.**

Очевидно, теософамъ необходимо для какой-то цѣли вводить въ заблужденіе христіанъ и внушать, что ихъ лжемессія «Махатма»,

«Іисусъ Матерейя», и есть ожидаемый христіанами Христосъ. Буддистамъ они выдаютъ его за Будду, магометанамъ за Магомета, браминамъ за Браму, и т. д. Имъ надо во что-бы то ни стало убѣдить представителей всѣхъ религій въ томъ, что «Матерейя» — ихъ «мессія» и есть посланникъ Бога, въ котораго они вѣрятъ.

Вотъ почему цитируемая мною теософка Пушкина пишетъ въ своей брошюрѣ: «Назовутъ ли одни его Брамой, Буддой, Кришной, Христомъ, царемъ, иные просто учителемъ, не называя его какимъ нибудь специфическимъ именемъ, это будетъ имѣть значеніе для каждаго человѣка въ отдѣльности»...

О появленіи въ свое время подобныхъ лжемессій 1930 лѣтъ тому назадъ предсказалъ Господь Іисусъ Христосъ, обращаясь къ старѣйшинамъ и вождямъ еврейскаго народа: «Я пришелъ во Имя Отца Моего и не принимаете Меня, но пріидетъ иной, во имя свое, того пріимете» (Іоан. 5, 43). «Берегитесь, чтобы кто не прельстилъ Васъ, ибо многіе будутъ приходить подъ именемъ Моимъ и многихъ прельстятъ и будутъ говорить: «я Христосъ»...» (Матѳ. 24, 4-5). «Ибо возстанутъ лжехристы и лжепророки и дадутъ великія знаменія и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранныхъ...» (Матѳ. 24, 23-25). «Вотъ Я напередъ скажу вамъ: если вамъ скажутъ: «вотъ Онъ въ пустынѣ — не выходите, вотъ Онъ въ потаенныхъ комнатахъ — не вѣрьте» (Матѳ. 24, 25-26).

Это поразительное пророчество нельзя не отнести и къ теософскому «мессіи», появляющемуся именно «въ потаенныхъ комнатахъ» на теософскомъ собраніи.

Кромѣ теософскихъ «мессій» въ послѣднее время появляются время отъ времени и другіе «мессіи», и портреты ихъ печатаютъ въ газетахъ.

Много въ наше время имѣется и всякихъ «цѣлителей» и «чудотворцевъ», всевозможныхъ «баптистовъ», «адвентистовъ» и т. д. Нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно творятъ «чудеса» и исцѣляютъ. Но о нихъ мы тоже имѣемъ предостереженіе отъ Господа Іисуса Христа: «Не всякій говорящій Мнѣ: Господи, Господи, внидетъ въ царство небесное. Многіе скажутъ мнѣ въ тотъ день: Господи, не отъ Твоего ли Имени мы пророчествовали... Не Твоимъ ли Именемъ бѣсовъ изгоняли, не Твоимъ ли Именемъ многія чудеса творили?» И тогда объявлю имъ: «Я никогда не зналъ васъ, отойдите отъ Меня дѣлающіе беззаконіе» (Матѳ. 7, 22-23).

*
* *

Теперь разсмотримъ другое соблазнительное теософское лжеученіе — о «переселеніи душъ», или «перевоплощеніи». На удочку ученія о «перевоплощеніи» попадаются и вѣрующіе православные люди, даже не подозрѣвая на сколько оно грѣховно.

По ученію оккультистовъ-теософовъ, человѣкъ рождаясь на землѣ, «воплощаясь», получаетъ опредѣленное заданіе, «миссію», которую онъ долженъ выполнить. Если въ силу ряда причинъ человѣкъ не былъ въ состояніи выполнить ее въ теченіе одной жизни, если онъ совершилъ рядъ проступковъ, прегрѣшеній, преступленій, словомъ, всевозможныхъ грѣховъ, то за нихъ онъ долженъ понести наказаніе, какъ искупленіе за совершенные грѣхи. На языкѣ теософовъ это называется «законъ кармы», т. е. возмездія. Чтобы дать человѣку возможность загладить свои грѣхи, ему дается возможность опять «воплощаться» на землѣ (уже подъ другимъ именемъ), и это — неограниченное количество разъ, до тѣхъ поръ, пока онъ въ послѣдующихъ «воплощеніяхъ» не избавится отъ своей грѣховности и не искупитъ страданіемъ своихъ прегрѣшеній, когда дальнѣйшія «воплощенія» уже не будутъ нужны.

Это кощунственное лжеученіе дополняется слѣдующими «соображеніями»; было бы не справедливо обрекать душу человѣка на вѣчное мученіе только за то, что онъ за короткое время на землѣ въ одномъ физическомъ тѣлѣ погрѣшилъ. Для того чтобы дать возможность человѣку исправиться, ему и предоставляется возможность «воплощаться» на землѣ нѣсколько разъ... Трудно было бы иначе объяснить такое странное явленіе: человѣкъ живетъ, творитъ добро, не дѣлаетъ никому зла, и вдругъ на него обрушивается цѣлый потокъ несчастій... Это, молъ, происходитъ потому, что по закону возмездія, онъ несетъ наказаніе за грѣхи, совершенные въ его прошлыхъ «воплощеніяхъ». Такая кажущаяся «несправедливость» для православнаго христіанина никакого недоумѣнія не вызываетъ. По ученію Церкви Православной Господь посылаетъ эти несчастья за грѣхи, совершенные въ этой жизни, а не въ какихъ то прошлыхъ «воплощеніяхъ», для нашей же пользы, для нашего вразумленія и призыва къ покаянію, или для испытанія, какъ, напримѣръ, Іова Многострадальнаго.

Вообще же, ученіе о «перевоплощеніи» не отвѣчаетъ требованіямъ простѣйшей логики и доводитъ до абсурда.

«Перевоплощеніе» въ цѣляхъ искупленія имѣло бы смыслъ, если бы человѣкъ совсѣмъ точно, ясно и отчетливо помнилъ каждое предъидущее «воплощеніе» во всѣхъ подробностяхъ, и зналъ и помнилъ всѣ свои грѣхи и прегрѣшенія, совершенные въ періоды прошлыхъ своихъ «воплощеній», подлежащихъ искупленію.

Теософы утверждаютъ, что нѣкоторые люди иногда вспоминаютъ кое-что изъ прошлыхъ своихъ «воплощеній». Но почему только нѣкоторые и то не всегда? Всѣ желаютъ спастись, а для этого нужно знать старые свои ошибки, чтобы ихъ искупить и не повторять...

Въ подтвержденіе правильности ученія о «перевоплощеніи», теософы приводятъ случаи, встрѣчающіеся нерѣдко. Напр., человѣкъ, не бывавшій никогда въ какомъ нибудь городѣ, селѣ, мѣстности,

вдругъ замѣчаетъ, что мѣстность и окружающая его обстановка начинаетъ ему казаться странно-знакомой, будто онъ когда то, давно, давно здѣсь уже бывалъ... нѣкоторые даже могутъ сказать, что вотъ за угломъ должна быть, напр., аптека, лавочка и т. д. То же явленіе можетъ быть внутри зданія, въ лѣсу...

По увѣренію теософовъ, эти явленія служатъ прямымъ доказательствомъ ученія о «перевоплощеніи».

Психологіи давно извѣстны такія явленія. Въ наукѣ они имѣютъ свое простое объясненіе.

Дѣло въ томъ, что нѣкоторые мѣстности бываютъ немного похожи одна на другую расположеніемъ лѣсовъ, рѣкъ, улицъ, домовъ. Человѣкъ, попадающій въ мѣсто, которое въ какой-то степени напоминаетъ ему мѣсто, городъ, гдѣ онъ когда то проживалъ или случайно побывалъ, безсознательно внушаетъ себѣ, что именно въ этомъ мѣстѣ ему уже все знакомо, что онъ когда то уже здѣсь былъ... у него создается впечатлѣніе, что это мѣсто онъ знаетъ.

Явленіе это извѣстно въ психологіи подъ именемъ **ложной памяти.**

Ясно, что такія явленія не могутъ служить доказательствомъ факта «перевоплощенія».

Впрочемъ, это видно изъ ученія одного изъ «столповъ» теософіи — Рудольфа Штейнера. Въ приложеніи къ журналу «Антропософія» «Очеркъ тайновѣдѣнія», онъ пишетъ: «Когда человѣкъ появляется на землѣ для новаго воплощенія, земля, обычно, не имѣетъ никогда того вида, какой имѣла во время его послѣдней жизни. За время его отсутствія многое измѣнилось... Въ теченіе короткаго времени земля мѣняетъ свое лицо...»

Кромѣ того, по словамъ Штейнера (въ той же книгѣ) между двумя «воплощеніями» человѣка проходитъ не менѣе тысячи лѣтъ, почему согласно мнѣнію такихъ «авторитетовъ», какъ Р. Штейнеръ, «опознованія» мѣстности нельзя считать доказательствомъ «перевоплощенія» человѣка.

По словамъ того же Штейнера, духи умершихъ людей въ теченіи 1 000 лѣтъ не сидятъ «сложа руки», а занимаются полезной дѣятельностью. Оказывается, измѣненіе земного климата, формъ растительности и вообще всѣ физическія измѣненія на землѣ объясняются дѣяніями умершихъ: «Если мы въ опредѣленный моментъ наблюдаемъ какую ни будь мѣстность на землѣ и затѣмъ, по истеченіи долгаго времени, находимъ ее въ совершенно измѣненномъ состояніи, то силы, вызвавшія это состояніе, исходятъ отъ умершихъ... Измѣненіе земли обуславливается дѣйствіемъ солнечнаго свѣта, перемѣной климата и т. д. ...Для сверхчувственнаго сознанія, въ лучѣ свѣта, падающемъ съ солнца на растеніе, дѣйствуетъ сила умершихъ...»

О подобныхъ «basняхъ» и лжеученіяхъ предупредилъ Апостолъ Павелъ: «Будетъ время, когда здраваго ученія принимать не будутъ, но по своимъ похотямъ будутъ избирать себѣ учителей, которые льстили бы слуху, и обратятся къ баснямъ» (2 тим. 4, 3-4).

Надъ всѣми этими лжеученіями можно было бы только посмѣяться, если бы не такъ печальны были результаты, къ которымъ они приводятъ. Главная цѣль пропаганды лжеученія о «перевоплощеніи» заключается въ томъ, чтобы внушить даже христіанину, что спасеніе возможно безъ молитвы, безъ покаянія, безъ причастія Святыхъ Тайнъ, безъ содѣйствія Церкви. Получилъ человѣкъ возмездіе за грѣхи (отъ кого? і. С.) и все кончено... Онъ спасенъ... Никакого покаянія, ни причастія Св. Тайнъ, ни молитвъ не требуется, человѣкъ можетъ спастись самъ, собственными силами безъ помощи Божіей. Если онъ не успѣлъ это сдѣлать въ своей жизни — ему будутъ даны другія жизни.

Такъ упраздняется догматъ искупленія, а, слѣдовательно, и вся христіанская Церковь и Ея ученіе, изложенное въ Символѣ вѣры. Великая миссія Христа-Спасителя является ненужной, лишней, безполезной... Ненужными являются и Его страданія, крестная смерть, Воскресеніе. Уничтожается все христіанство... Нѣтъ Страшнаго Суда, воскресенія мертвыхъ.

Всякій православный христіанинъ, вѣрующій въ «перевоплощеніе», или «допускающій» его возможность, тѣмъ самымъ переходитъ въ станъ богоборцевъ — враговъ Господа Іисуса Христа и Его Церкви. Этимъ лжеученіемъ отрицается искупительная сила Честной Крови Спасителя нашего, а что влечетъ за собою это отрицаніе? Пишетъ св. Апостолъ Павелъ въ посланіи къ евреямъ: «Сколь тягчайшему наказанію повиненъ будетъ, кто попираетъ Сына Божія и не почитаетъ за святыню Кровь Завѣта, которою освященъ, и Духа Благодати оскорбляетъ» (Евр. 10, 29).

Принимающій «перевоплощеніе» забываетъ объ одномъ важномъ обстоятельствѣ — о возможности мгновеннаго спасенія, за одинъ мигъ искренняго раскаянія и призванія Христа Спасителя. Теософы стараются не упоминать о послѣднихъ минутахъ крестныхъ страданій Спасителя, когда одинъ изъ распятыхъ съ Нимъ разбойниковъ, цѣною искренняго покаянія, въ теченіе одного мгновенія получилъ прощеніе грѣховъ и жизнь вѣчную. «И сказалъ ему Іисусъ: Истинно говорю тебѣ, сегодня же будешь со мною въ раю» (Лук. 23, 42-43).

Теософы утверждаютъ, будто Самъ Христосъ-Спаситель воплощался на землѣ въ видѣ какихъ-то, «великихъ учителей человѣчества».

Эта сатанинская ложь опровергается словами св. Апостола Павла, который подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ Св. Духа, въ посланіи къ евреямъ пишетъ: «И какъ человѣкамъ положено единожды умереть, а потомъ судъ, такъ и Христосъ единожды принесши Себя въ жертву за грѣхи многихъ, во второй разъ явится не для очищенія отъ грѣха, а для ожидающихъ Его во спасеніе» (Евр. 9, 27).

Въ дальнѣйшемъ Апостолъ Павелъ въ своихъ посланіяхъ подтверждаетъ тѣ-же мысли: «Ибо Онъ (Христосъ) совершилъ сіе однажды, принесши Себя въ жертву... И потому Онъ есть ходатай Новаго Завѣта, дабы вслѣдствіе смерти Его, бывшей для искупленія отъ преступленій, сдѣланныхъ въ первомъ Завѣтѣ, призванные къ вѣчному наслѣдію получили обѣтованіе» (Евр. 7, 27; 9, 15).

Принимать ученіе о «перевоплощеніи», это значитъ не признавать того, чему училъ Самъ Господь Іисусъ Христосъ о грядущемъ Страшномъ судѣ и общемъ воскресеніи мертвыхъ. «Сказалъ Господь: истинно, истинно говорю вамъ, слушающій слово Мое, и вѣрующій въ Пославшаго Меня имѣетъ жизнь вѣчную. Истинно говорю вамъ, наступитъ время, когда мертвые услышатъ гласъ Сына Божія и услышавъ, оживутъ. Не удивляйтесь сему, ибо наступитъ время и изыдутъ творящіе добро въ воскресеніе жизни» (Іоан. 5, 24-31).

И Апостолъ Павелъ: «Потому что Самъ Господь при возвѣщеніи, при гласѣ Архангела и трубѣ Божіей сойдетъ съ неба и мертвые во Христѣ воскреснутъ» (1 Ѳесс. 4, 16).

Не надо быть богословомъ, чтобы понять, что всякій христіанинъ, допускающій возможность «первоплощенія», или всѣ другія оккультно-теософскія лжеученія, отрекается отъ Христа и Его Церкви. **Христіанство и оккультизмъ — несовмѣстимы.** Всѣ оккультистическія лжеученія, получаемыя изъ «астральнаго» міра — величайшая ложь, а всякая ложь — имѣетъ одинъ источникъ: «Онъ (т. е. діаволъ) былъ человѣкоубійца отъ начала и не устоялъ въ истинѣ, ибо нѣтъ въ немъ истины. Когда онъ говоритъ ложь, говоритъ свое, ибо онъ лжецъ и отецъ лжи» (Іоан. 8, 44).

Іеромонахъ Серапіонъ.

Христіанство и соціальный вопросъ.

О соціальной правдѣ въ духѣ Христіанства, о соціальномъ значеніи христіанства люди нынѣ говорить стѣсняются; одни, чтобы не стать въ противорѣчіе со своими личными интересами; другіе, чтобы не изобличилось ихъ равнодушіе къ тѣмъ, которые особенно много терпятъ отъ соціальной неправды; третьи, наконецъ, въ лицѣ христіанства видятъ своего злѣйшаго врага, а потому говорить о его соціальномъ значеніи намѣренно избѣгаютъ.

Однако, можно-ли утверждать, что соціальный вопросъ находится какъ бы внѣ христіанской компетенціи и что подлинное христіанство имъ совершенно не интересуется?

Христіанство, конечно, какъ религія вѣчнаго спасенія человѣка, опредѣленныхъ, точно формулированныхъ указаній и положеній для устроенія соціальной жизни человѣка не даетъ. Но значитъ ли это, что для христіанства соціальный вопросъ совершенно не интересенъ и что въ христіанствѣ для оправданія этого вопроса нѣтъ никакихъ основаній?

Не давая никакихъ опредѣленныхъ, точно формулированныхъ указаній объ устроеніи соціальной жизни, христіанство, тѣмъ не менѣе, есть не только чисто духовно-религіозное явленіе, но и соціальное.

Христіанство — не философія, не отвлеченное только ученіе, или мертвая умозрительная система. Оно — живая жизнь, откровеніе въ мірѣ Божественной любви и призывъ человѣка къ участію въ этой жизни и въ этой любви. «Слова, которыя говорю Я вамъ, суть духъ и жизнь» (Іоан. 6, 63). Отсюда задача христіанства заключается не въ томъ только, чтобы помочь человѣку усвоить христіанскую Истину **умомъ,** но чтобы эта Истина стала **закономъ** его сердца и была бы оправдываема его **жизнью.** «Не всякій говорящій Мнѣ: Господи! Господи! войдетъ въ Царство Небесное, но исполняющій волю Отца Моего Небеснаго» (Матѳ. 7, 20). Высшая цѣль христіанскаго подвига — не познаніе только христіанской Истины, а Богоуподобленіе. «Итакъ будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный» (Матѳ. 5, 48). Каковъ Отецъ, таковымъ долженъ быть и сынъ. Но Отецъ есть совершеннѣйшая любовь. «Богъ есть любовь и пребывающій въ любви, пребываетъ въ Богѣ, и Богъ въ Немъ» (1 Іоан. 4, 16) . . .

Самъ Христосъ свидѣтельствуетъ: «такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына Своего единороднаго, дабы всякій вѣрующій въ Него, не погибъ, но имѣлъ бы жизнь вѣчную» (Іоан. 3, 16). Эта любовь Отчая, однако, имѣетъ въ виду не только вѣчное духовное спасеніе, но и временное пребываніе человѣка на землѣ. Вотъ почему «Онъ повелѣваетъ солнцу Своему восходить надъ злыми и добрыми и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ». Вотъ почему и повелѣніе: «Итакъ не заботьтесь и не говорите: что намъ ѣсть? или что пить? или: во что одѣться? Потому что всего этого ищутъ язычники, и потому что Отецъ вашъ небесный знаетъ, что вы имѣете нужду во всемъ этомъ». «Ищите же прежде Царства Божія и правды Его и это все приложится вамъ» (Матѳ. 6, 31-33).

Можетъ ли человѣкъ — образъ Божій, стремящійся во всемъ уподобиться своему Небесному Отцу — небрежно, отрицательно относиться къ тому, что служитъ къ матеріальному благополучію ближняго, что питаетъ, грѣетъ и одѣваетъ его? Врядъ-ли. Иначе онъ услышитъ апостольскій осуждающій его голосъ: «что пользы, братія моя, если кто говоритъ, что онъ имѣетъ вѣру, а дѣлъ не имѣетъ? Можетъ ли эта вѣра спасти его?»

Если братъ, или сестра наги и не имѣютъ дневного пропитанія, а кто нибудь изъ васъ скажетъ имъ: «идите съ миромъ, грѣйтесь и питайтесь», но не дастъ имъ потребнаго для тѣла: что пользы? Такъ и вѣра, если не имѣетъ дѣлъ, мертва сама по себѣ» (Іак. 2, 14-17). Да и Христосъ такое отношеніе къ ближнему-брату не одобряетъ. «Просящему у тебя дай, и отъ хотящаго у тебя занять не отвращайся» (Матѳ. 5, 42), звучитъ точно и опредѣленно Его Божественный голосъ. А рѣчь Его о страшномъ Судѣ! Она вся — осужденіе нашего безразличія, холодности, невниманія къ жизненнымъ потребностямъ нашего брата-ближняго.

Больше того. Служа ближнему, заботясь о его потребностяхъ, облегчая его боль, скорби, недостатки, мы служимъ не только ему, но Самому Христу. Неложно слово Сына Человѣческаго: «истинно говорю вамъ: такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ»; и наоборотъ: «такъ какъ вы не сдѣлали этого одному изъ сихъ меньшихъ, то не сдѣлали Мнѣ» (Матѳ. 25, 40-45).

Такое отношеніе Христа къ человѣку, небрежно выполняющему свой христіанскій долгъ къ ближнему, брату, не случайно.

Христіанство, какъ мы сказали уже выше, есть живая жизнь, выявляющая любовь къ Богу и къ ближнему; притомъ, любовь не платоническую только, не словомъ, а дѣломъ и истиною. Можетъ ли поэтому подлинный носитель христіанскаго духа, человѣкъ христіанской жизни, быть слѣпымъ, глухимъ и нечувствительнымъ къ страданіямъ и недостатку своего ближняго, брата, будь они матеріальнаго или духовнаго свойства? Конечно, нѣтъ.

Тутъ нельзя отговариваться лукавымъ заявленіемъ, что любовь христіанская имѣетъ въ виду только то, что служитъ къ вѣчному спасенію человѣка; что забота о матеріальномъ и соціальномъ устроеніи отвлекаетъ человѣка отъ главнаго, первостепеннаго, отъ того, что, по словамъ Христа Спасителя, есть «едино на потребу».

Не такъ смотритъ на это какъ мы видѣли Христосъ и Его ученикъ — апостолъ Іаковъ.

Спору нѣтъ христіанство, имѣетъ въ виду вѣчное спасеніе человѣка. Но это не дается человѣку, какъ нѣчто готовое. Это — заданіе всей земной жизни. Кто же рѣшится утверждать, что условія жизни безразличны для дѣла спасенія?

Иллюстрирую свою мысль живымъ примѣромъ. Вы входите въ жилище бѣдняка-труженика. Здѣсь, какъ говорится, ни кола, ни двора, грязь, кричащая нужда! И эта нужда имѣетъ свою причину не въ лѣни или неумѣніи жить этого бѣдняка, а въ той соціальной неправдѣ, которая позволяетъ имущему забрать у неимущаго то послѣднее, что онъ имѣетъ. Можно ли, среди этой кричащей нищеты и нужды, спокойно говорить о высокихъ христіанскихъ идеалахъ, не проявивъ сначала хотя бы малѣйшей заботы объ устраненіи этой вопіющей нужды?.. Иначе слово ваше будетъ жестко, непріятно и обидно для подавленнаго нуждой брата; его сердце будетъ каменно, затворено и невоспріимчиво къ предлагаемой ему вами истинѣ. Ваша рѣчь, ваши наставленія, самыя возвышенныя, самыя добрыя, могутъ остаться по меньшей мѣрѣ голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. Ибо любовь ваша, закрывшая глаза на нищету и нужду ближняго, даетъ ему вмѣсто хлѣба камень, вмѣсто рыбы — змѣю. При такомъ христіанскомъ дѣланіи невольно приходятъ на память слова Божественнаго Учителя: «врачу исцѣлися самъ».

Второе. Забота о соціальномъ устроеніи жизни — конечно, въ должной мѣрѣ — нисколько не отвлекаетъ христіанина отъ его главной задачи — исканія вѣчной жизни.

Повторяемъ, христіанство, это — жизнь во Христѣ — въ условіяхъ земныхъ. Земля же есть царство грѣха и неправды. «Міръ во злѣ лежитъ», говоритъ блаженный Апостолъ. Чтобы одолѣть это зло, нужно явить въ мірѣ иную, новую жизнь жизнь добра. Подлинный христіанинъ и стремится къ такой жизни. Насаждая такую жизнь въ себѣ самомъ, онъ, въ мѣру своихъ силъ, старается утвердить ее и въ окружающей его средѣ: семьѣ, обществѣ, государствѣ.

Конечно, и въ этомъ случаѣ работа направлена въ сторону духа, но не забываются и потребности соціальной жизни человѣка. Въ іерархической лѣстницѣ цѣнностей первенствуютъ первыя, но цѣнны и вторыя, какъ способствующія духу достигать самыхъ вершинъ христіанской добродѣтели.

Опытъ показываетъ, какъ иногда самыя благія начинанія среди труждающихся и обремененныхъ вѣка сего не даютъ добрыхъ ре-

зультатовъ; напротивъ, вызываютъ недовѣріе, подозрѣніе, а то и полное отвращеніе. Въ чемъ дѣло? — За возвышенными наставленіями часто не чувствуется подлинно-христіанской любви, не только влекущей человѣка къ горнему, но и ублажающей горечь его земного существованія. Доведенная до крайности выспренность, соединенная съ презрительнымъ отношеніемъ къ земнымъ условіямъ, уговаривающихъ способна доводить до лицемѣрія и сердечной жестокости, а въ уговариваемыхъ порождаютъ ненависть не только къ лицемѣрамъ, но и къ той истинѣ, которую они проповѣдуютъ. Язычники, принявшіе христіанство отъ европейскихъ миссіонеровъ, порою становятся хуже, въ нравственномъ отношеніи, чѣмъ были до принятія христіанства. Виновато не христіанство, а тѣ миссіонеры, которые, возвѣстивъ язычникамъ истины христіанской вѣры, не потрудились живымъ примѣромъ подлинной христіанской жизни устранить изъ ихъ бытовой жизни тѣ начала, которыя находились въ полномъ противорѣчіи съ началами возвѣщенной имъ вѣры.

Ссылка на Христа и Его учениковъ святыхъ Апостоловъ, не оставившихъ намъ опредѣленныхъ указаній, относящихся къ устроенію соціальной жизни, не можетъ оправдать нашего равнодушія къ этому вопросу.

Задача Христа, какъ и Его учениковъ-Апостоловъ состояла въ возвѣщеніи міру благой вѣсти о вѣчномъ спасеніи и въ устроеніи Церкви, какъ благодатной путеводительницы къ этому спасенію. Устроеніе же земной жизни на началахъ христіанской вѣры было предоставлено самому человѣку. Это было заданіе, которое человѣчество, озаряемое христіанствомъ, должно было осуществлять въ своей исторической жизни, тѣмъ показывая, въ какой степени человѣчество усвоило духъ Христовъ. Устроеніе земной жизни на началахъ христіанской вѣры, это — плоды, которые являютъ нравственное достоинство приносящаго ихъ древа; это — одна изъ составныхъ частей того **креста**, который христіанство возлагаетъ на каждаго носителя подлинно-христіанскаго духа.

Задачу устроенія соціальной жизни Христосъ предоставилъ самому человѣку, который и долженъ былъ осуществлять ее соотвѣтственно своимъ географическимъ, этнографическимъ, расовымъ, бытовымъ и культурнымъ условіямъ. Но принципъ, которымъ должна опредѣляться внутренняя жизнь человѣка, возводя и готовя его къ вѣчной жизни, долженъ оставаться регулятивнымъ началомъ и для его соціальной жизни.

Соединеніе въ человѣкѣ духа и тѣла, по христіанскому ученію, не случайное, временное, механическое, а внутренне-органическое, вѣчное. Какъ преображенный духъ не можетъ оставаться пассивнымъ по отношенію къ облекающему его тѣлу, такъ и подлинно христіанское общество не можетъ быть равнодушнымъ къ соціальной жизни человѣка.

Христіанство всегда является благодатной закваской, которая не успокаевается до тѣхъ поръ, пока все заквашенное не сдѣлается подобно закваскѣ. Христіанство не половинчато; оно ищетъ всего человѣка. Оно призываетъ къ прославленію Бога всю полноту человѣческой природы. «Прославьте Бога въ душахъ и тѣлесахъ вашихъ». Такова апостольская заповѣдь. Такова и воля Христа Спасителя. Онъ пришелъ спасти не только душу, но всего человѣка — душу и тѣло. Потому и явленіе Его міру открылось, какъ величайшая тайна воплощенія. «Велія есть благочестія тайна: Богъ явися во плоти» (Тим. 3, 16). Потому и первое христіанское таинство, вводящее человѣка въ Царство Божіе, крещеніе, совершается Духомъ Святымъ, но чрезъ воду и въ водѣ. «Кто не родится отъ воды и Духа не можетъ войти въ Царствіе Божіе». «Рожденное отъ плоти есть плоть, а рожденное отъ Духа есть духъ» Іоан. 3, 5-6).

Христосъ не далъ никакихъ опредѣленныхъ указаній относительно соціальной жизни человѣка, но Имъ было ясно и опредѣленно указанъ тотъ духъ, которымъ должна опредѣляться человѣческая жизнь, и внутренно-духовная, и соціальная: семейная, общественная, государственная. Духъ этотъ опредѣляется двумя заповѣдями — «возлюби Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ»... «и ближняго твоего, какъ самого себя»...

Любовь не только къ Богу, но и къ человѣку-ближнему, вотъ высокій, совершеннѣйшій законъ, въ выполненіи котораго должна протекать жизнь человѣка. Скажете: этотъ законъ касается духовной жизни человѣка, не имѣя отношенія къ соціальной жизни. Думать такъ, значитъ не понимать самаго существа христіанства.

Да, въ христіанскомъ ученіи нѣтъ опредѣленной программы соціальной жизни, но Евангеліе, какъ и апостольскія писанія даютъ намъ живые примѣры, которые краснорѣчиво говорятъ, каковъ долженъ быть христіанинъ въ своей соціальной жизни.

Я разумѣю прежде всего фактъ двукратнаго насыщенія Христомъ Своихъ слушателей хлѣбомъ и рыбою; первый разъ пяти тысячъ человѣкъ; второй — четырехъ тысячъ; потомъ постоянную заботу апостоловъ о матеріальномъ обезпеченіи вѣрующихъ и, наконецъ, живой примѣръ соціальной жизни первой іерусалимской христіанской общины.

Христосъ дважды чудеснымъ образомъ напиталъ своихъ слушателей. Что это случайное, ничего не значущее явленіе? Нѣтъ, въ жизни нашего Господа и Спасителя ничего случайнаго не было и не могло быть. Напротивъ, все, что допущено Имъ, было сдѣлано намъ въ наставленіе. «Я далъ вамъ примѣръ, чтобы и вы дѣлали тоже, что Я сдѣлалъ вамъ» (Іоан. 13, 13), сказалъ Христосъ, во время «Тайной Вечери», послѣ умовенія ногъ Своимъ ученикамъ. Что это? Желаніе — только увѣковѣчить среди апостоловъ а потомъ и среди Своихъ послѣдователей умовеніе ногъ? Нѣтъ, поступкомъ

Христа, какъ и Его словами, навѣкъ устанавливается тотъ духъ, которымъ должны опредѣляться взаимоотношенія Его подлинныхъ послѣдователей. Здѣсь проявилось то же, о чемъ впослѣдствіи писалъ святый Апостолъ: «и Христосъ пострадалъ за насъ, оставивъ намъ примѣръ, дабы мы шли по слѣдамъ Его» (1 Петр. 2, 21).

Если Христосъ считалъ необходимымъ имѣть заботу о тѣлесномъ насыщеніи Своихъ слушателей, намъ ли проходить мимо этого вопроса равнодушно съ боязливымъ молчаніемъ?

Христу подражали и Его ученики-Апостолы. Они не только проповѣдали Слово Божіе, но и завѣдывали имуществомъ церковнымъ — чтобы оно было правильно распредѣляемо между нуждающимися. По ихъ инициативѣ, позднѣе, для болѣе удобнаго распредѣленія церковнаго имущества были избраны, а ими, апостолами, рукоположены, семь первыхъ діаконовъ.

Трогательная и неустанная забота великаго благовѣстника Евангелія апостола Павла о неимущей братіи, выражавшаяся въ собираніи милостыни, показываетъ, какъ близко къ сердцу принимали апостолы заботу о матеріальномъ обезпеченіи своихъ послѣдователей. Милостыня была лучшимъ свидѣтельствомъ, что познавшіе Христа по христіански должны и жить.

Описывая жизнь перво-христіанской іерусалимской общины, писатель книги «Дѣянія Святыхъ Апостоловъ» повѣствуетъ: «всѣ же вѣрующіе были вмѣстѣ, и имѣли все общее. И продавали имѣнія и всякую собственность, и раздѣляли всѣмъ, и имѣли все общее. И каждый день единодушно пребывали въ храмѣ, и, преломляя по домамъ хлѣбъ, принимали пищу въ веселіи и простотѣ сердца, хваля Бога и находясь въ любви у всего народа.

«У множества же увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа; и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее... Не было между ними никого нуждающагося; ибо всѣ, которые владѣли землями или домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ апостоловъ; и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду. Такъ Іосія, прозванный Варнавой, что значитъ «сынъ утѣшенія», левитъ, родомъ Кипрянинъ, у котораго была своя земля, продавъ ее, принесъ деньги и положилъ къ ногамъ апостоловъ» (Дѣян. 4, 32-37).

Такъ поступали и такъ устраивали свою церковно общественную жизнь первые іерусалимскіе христіане, и они были не только свидѣтелями апостольской дѣятельности, но не мало изъ нихъ знали и слушали Самого Христа.

Если позднѣйшее время это устроеніе церковно-общественной жизни измѣнилось, то только по формѣ; духъ этотъ, заключавшійся въ подлинной христіанской любви, полагаю, долженъ оставаться на вѣки, находя лишь новыя современныя формы для своего проявленія.

Говорить о значеніи такого духа для обновленія всей соціальной жизни человѣчества не приходится. Его признало само язычество. Любовь и высоконравственная жизнь первыхъ христіанъ были одна изъ главныхъ причинъ побѣды христіанства надъ язычествомъ. «Какъ они любятъ другъ друга», говорили язычники, наблюдая жизнь христіанъ. Это широкое проявленіе подлинно-христіанской любви со стороны христіанъ поражало язычниковъ болѣе, чѣмъ что-либо другое, украшавшее жизнь первыхъ христіанъ.

Уясняя вопросъ о значеніи христіанства для соціальной жизни человѣчества, мы должны считаться съ еще другимъ возраженіемъ: Ставя такую задачу христіанству, не принижаемъ ли мы христіанство, не лишаемъ ли мы этимъ человѣка того, что должно быть въ немъ самымъ главнымъ — внутренняго горѣнія духа, внутренняго дѣланія, внутренняго очищенія благодатью Духа Святаго и подвигомъ молитвы?

Отвѣчаемъ: Совершенно вѣрно, что Царствіе Божіе, по слову Христа, «внутрь васъ есть», т. е. открывается не иначе какъ въ сердцѣ, въ духѣ. Но можетъ ли такая личность оставаться безъ вліянія на жизнь окружающей ея человѣческой среды и должна ли она сторониться, оберегать себя отъ такого вліянія?

Припомните притчу Христа о закваскѣ и Его нагорную проповѣдь и отвѣтъ получится ясный. Царство небесное подобно закваскѣ, которую жена, взявъ, положила въ три мѣры муки доколѣ вскиснетъ все. Христіанство — духовная закваска; оно внесено въ міръ, чтобы духовно всквасить, возродить, одухотворить все человѣчество. Потому и сказано: «вы соль земли. Если же соль потеряетъ силу, то чѣмъ сдѣлаешь ее соленой? Она уже ни къ чему негодна, какъ развѣ выбросить ее вонъ на попраніе людямъ».

«Вы свѣтъ міра. Не можетъ укрыться городъ, стоящій на верху горы. И, зажегши свѣчу, не ставятъ подъ сосудомъ, но на подсвѣчникѣ, и свѣтитъ всѣмъ въ домѣ. Такъ да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла и прославили Отца вашего небеснаго» (Матѳ. 5, 13-16).

Могутъ сказать: здѣсь идетъ рѣчь о воздѣйствіи одной человѣческой личности на другую, а не о соціальномъ устроеніи человѣческой жизни.

Но что такое соціальная жизнь? Это — взаимоотношеніе человѣческой личности, будь то въ семьѣ, обществѣ, государствѣ и во всемъ человѣчествѣ. Характеръ этого взаимоотношенія опредѣляется характеромъ личностей. Язычникъ живетъ по язычески; эгоистъ по принципу: «своя рубашка ближе къ тѣлу». Можетъ ли истинный христіанинъ въ своей соціальной жизни поступать не по христіански? Конечно, нѣтъ. Всякое дерево приноситъ плоды по роду своему. Такъ и человѣкъ. Личность, озаренная Евангельскимъ свѣтомъ, не можетъ не выявлять этихъ качествъ и въ своихъ соціальныхъ отно-

шеніяхъ. Творя и благодатно возсоздавая личность человѣка, христіанство тѣмъ самымъ творитъ и возсоздаетъ и соціальную жизнь. Истинный христіанинъ не только самъ спасается и возраждается, но спасаетъ и возраждаетъ и другихъ, соприкасающихся съ нимъ. «Стяжи миръ душевный, говорилъ преп. Серафимъ Саровскій, и не только ты самъ, но тысячи вокругъ тебя спасутся»... Личное возрожденіе христіанина неразрывно съ его соціальнымъ вліяніемъ. Солнце не можетъ не грѣть и не свѣтить; такъ и подлинный христіанинъ. Его вліяніе въ семьѣ, обществѣ и государствѣ можетъ быть не властнымъ, не кричащимъ, но зато всегда дѣйственнымъ и сильнымъ. Это и даетъ право говорить о соціальномъ значеніи христіанства. И такой взглядъ на христіанство не только не принижаетъ его, но выявляетъ во всей полнотѣ и духовной красотѣ его возрождающую человѣческій духъ силу. Чѣмъ совершеннѣе соціальныя условія жизни, тѣмъ глубже и совершеннѣе данное общество усвоило духъ Христовъ, духъ Евангельскій, духъ подлинно-христіанскій. Такимъ образомъ рѣчь о соціальномъ значеніи христіанства — не приниженіе его, а оправданіе христіанскаго общества.

Конечно, на этомъ пути могутъ быть провалы. Можно пользоваться христіанствомъ лишь въ качествѣ прикрытія своихъ далеко несовершенныхъ соціально-политическихъ воззрѣній. Но это уже вина не христіанства.

Такое использованіе христіанства находило среди русскаго народа должную оцѣнку. Приведу одинъ фактъ изъ своего личнаго опыта. Это было въ первые дни русской «Февральской» революціи. На одномъ изъ епархіальныхъ церковныхъ собраній духовные отцы — пастыри въ угоду общему настроенію захотѣли блеснуть своими либеральными церковно-соціальными взглядами. Зашла рѣчь о недостаткахъ въ церковномъ управленіи. Нѣкоторые служители заявили, что причина такого печальнаго явленія кроется въ монашествѣ, стоящемъ во главѣ церковной іерархіи. «Рыба съ головы воняетъ», ударяя себя въ грудь, взывали краснорѣчивые служители алтаря; другіе — посмѣлѣе — шли еще дальше; они требовали, чтобы Церковь и пастыри больше обращали вниманія на соціальныя нужды прихожанъ, чѣмъ на чисто-церковную дѣятельность. «Лучше дадимъ своей паствѣ синицу, чѣмъ ловить въ небѣ журавля», взывали они. Служители алтаря, конечно, увлекались, не замѣчая истиннаго настроенія своихъ изъ деревень пришедшихъ слушателей. А оно скоро обнаружилось. Когда краснорѣчіе «отцовъ» умолкло, попросилъ слова одинъ крестьянинъ. Рѣчь его была проста, коротка, но чрезвычайно выразительна и характерна. «Вамъ, отцы, говорилъ крестьянинъ, монашество не нравится — «оно воняетъ» для васъ, а для насъ, міранъ, такіе монахи, какъ святители Митрофаній Воронежскій, Тихонъ Задонскій, Ѳеодосій Черниговскій и сотни имъ подобныхъ, благоуханіе, краса и слава Православной Русской Церкви. Вамъ монашество мѣшаетъ,

а мы у святыхъ мощей преп. Сергія Радонежскаго, Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ, Іова Почаевскаго, Серафима Саровскаго, Зосимы и Савватія Соловецкихъ и тысячи подобныхъ находимъ для себя утѣшеніе, радость и ободреніе. Почему? Они не только служили Церкви, но и жили по церковному. Поэтому, отцы духовные — служители Церкви, учите насъ небесной Истинѣ, но и сами живите по церковному и своимъ живымъ примѣромъ къ тому же призывайте и насъ. Синицу-то мы поймаемъ, Богъ дастъ, и сами, а вотъ уловить журавля въ небесахъ врядъ ли намъ удастся безъ вашего руководства. Простите и благословите меня недостойнаго, отцы духовные . . .»

Крестьянинъ смолкъ. Его рѣчь, что холодный душъ, внезапно пролившійся на разгоряченныя головы. Пылъ остылъ; собраніе приняло дѣловой характеръ.

Ясно, говоря о соціальномъ значеніи христіанства, нужно имѣть въ виду не то, чтобы съ церковной каѳедры полились громовыя рѣчи соціальнаго характера, а то, чтобы Церковь въ лицѣ своихъ служителей, давая паствѣ живой примѣръ доброй христіанской жизни, всегда и вездѣ настойчиво утверждала въ сознаніи своихъ пасомыхъ мысль, что служить человѣчеству въ духѣ соціальной правды безъ усвоенія духа Христова ученія невозможно, и чтобы государственные дѣятели: правители, вожди и властители народныхъ думъ, при разрѣшеніи вопросовъ соціальнаго порядка, не проходили бы съ презрительнымъ молчаніемъ мимо Того, Кто есть «Свѣтъ» и «Истина, путь и жизнь».

Насъ спросятъ: но можно ли вложить христіанскій идеалъ въ рамки земной жизни человѣчества?

Когда подымается рѣчь о соціальномъ значеніи христіанства, то имѣется въ виду не осуществленіе христіанскаго идеала въ предѣлахъ земной жизни человѣчества, а принятіе его, слѣдованіе ему, положеніе его въ основу всѣхъ человѣческихъ отношеній — личныхъ, семейныхъ, государственныхъ и міровыхъ. Осуществленіе его, во всей силѣ, въ предѣлахъ земной жизни намъ не дано, но стремиться къ нему — нашъ долгъ. Полнота его принадлежитъ вѣчности, постоянное же восхожденіе къ нему во времени намъ должно возлюбить.

Только при такомъ пониманіи христіанства оно, по истинѣ, явится горчичнымъ зерномъ, сначала малымъ, едва замѣтнымъ, но которое со временемъ выростаетъ, становится большимъ деревомъ, подъ могучими вѣтвями котораго сможетъ найти свой покой и радость все сущее на землѣ, какъ твореніе Божіе.

Только при такомъ воспріятіи оно становится источникомъ воды живой, которая сможетъ утолить жажду человѣческаго духа.

Только при такомъ усвоеніи ученія Христа — къ человѣчеству дѣйствительно приблизится Царство Божіе, какъ Царство правды мира и радости о Духѣ Святомъ и которое найдетъ свою полноту въ открывающейся вѣчности, гдѣ будетъ Богъ «всяческая и во всѣхъ».

Сейчасъ міръ въ большой тревогѣ. Признаки опаснѣйшей бо-

лѣзни человѣческаго духа на лицо. Возможенъ полный провалъ; тогда гибель многовѣковой т. наз. христіанской культуры неизбѣжна. Правители народовъ въ суетныхъ поискахъ средствъ, для избѣжанія надвигающейся опасности, пока упорно молчатъ о Томъ, Кто есть Свѣтъ міру, его Истина и Жизнь. Неужели приблизилось время, о которомъ величайшій изъ пророковъ Предтеча и Креститель Господень Іоаннъ говорилъ: «Уже сѣкира при корени дерева лежитъ: всякое дерево, не приносящее добраго плода, срубаютъ и бросаютъ въ огонь... Уже лопата въ рукѣ Его, и Онъ очиститъ гумно Свое, и соберетъ пшеницу Свою въ житницу, а солому сожжетъ огнемъ неугасимымъ» (Матѳ. 3, 10, 12). «Востани, спяй, и воскресни изъ мертвыхъ, да освятитъ тя Христосъ». Гремитъ слово Апостольское. Услышитъ ли этотъ небесный призывъ спящій въ грѣхѣ современный міръ? Очнется ли? Покажетъ недалекое будущее. Богу слава!

Митр. прот. В. Бощановскій.

По стопамъ Христа.

(РАЗСКАЗЪ БЫВШАГО БЕЗПРИЗОРНИКА-УРКИ.)

Когда наступали вечернія сумерки, всѣ русскіе переселенцы собирались на высокомъ берегу атлантическаго океана.

Тропическое солнце скрывалось за горизонтомъ, дѣлалось прохладнѣе, съ океана дулъ легкій вѣтерокъ...

Мы отдыхали отъ палящаго дневного зноя, такъ непривычнаго для насъ — сѣверянъ съ матушки Руси.

Почти всегда среди насъ находились пѣвчіе изъ церковныхъ хоровъ и, довольно часто, пѣвцы-солисты съ извѣстными европейскими именами. Какъ то само собой собирался хоръ, находился регентъ, — и по южнымъ просторамъ Атлантики неслось и переливалось церковное православное пѣніе. У всѣхъ создавалось повышенное духовное настроеніе, и мы, умиротворенные, расходились по своимъ переселенческимъ баракамъ.

Въ послѣднее время мы стали обращать вниманіе на небольшого роста худощаваго человѣка, съ пытливыми, всматривавшимися въ собесѣдника глазами, который скромно усаживался съ краю, около нашей компаніи, на откосѣ холма, а, когда начиналось церковное пѣніе, становился на колѣни и часто крестился...

Чувствовалось, что этотъ незнакомецъ пережилъ глубокую душевную драму, мучается въ сомнѣніяхъ и ищетъ помощи Бога...

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ почти вся наша компанія разошлась съ холма. Наступила черная тропическая ночь. Зарницы часто освѣщали небо и заставляли блестѣть водяные валы океана. Незнакомецъ самъ подошелъ къ намъ и попросилъ выслушать исторію его жизни.

Видно было, что онъ просто хотѣлъ передъ нами поисповѣдываться...

— Меня гнететъ и давитъ моя жизнь, — сказалъ онъ — я слишкомъ много ужаснаго видалъ, самъ дѣлалъ. Я хочу знать: сможетъ ли простить меня Господь? Смогу ли я начать другую жизнь?

— Вотъ мои руки, — онѣ воровали, убивали, а я, мой мозгъ, приказывалъ имъ это дѣлать... И что ужасно, — я знаю, я понимаю, что это все великій грѣхъ, но не могу за себя поручиться, что, если я буду голодать, то не уворую кусокъ хлѣба; что, когда насъ окружатъ совѣтскіе опричники и станутъ насъ хватать, то я не схвачусь

за ножъ и не стану бить и убивать враговъ... Я чувствую, что я — самъ грѣхъ, нахожусь въ грѣхѣ и не могу отъ него освободиться... Выслушайте меня, поймите меня. Вы поймете меня, такъ какъ сами перенесли многое въ коммунистическомъ «раю»; каждый изъ васъ имѣетъ за собой духовную драму; вы — одни изъ немногихъ, которые сохранили свою жизнь и уѣхали въ свободную страну... Я передъ вами ничего не скрою, ничего не приукрашу, а разскажу вамъ только одну истинную правду.

Онъ опустился на камень, понурилъ голову и началъ свой разсказъ.

— Теперь меня зовутъ Иванъ Москаленко, но насколько это правильно, я затрудняюсь сказать, такъ какъ за свою жизнь въ совѣтахъ, я, вѣрно, разъ тридцать менялъ свою фамилію и имя. Я — бывшій безпризорникъ — «урка», т. е. представитель тѣхъ двадцати милліоновъ русскаго народа, которые, хотя и порождены коммунистической партіей, но не подчиняются ей и сохраняютъ свои вольности. Это — своеобразная казацкая запорожская Сѣчь, блуждающая по всей странѣ, чтущая и исполняющая только ею же самой установленные законы...

Круглыми сиротами выбросила насъ совѣтская власть въ міръ, и тотъ, кто устоялъ на ногахъ, не погибъ отъ холода и голода, а смогъ приспособиться, — тотъ мститъ этой власти за свое сиротство, за дѣтство безъ родительской опеки, материнской ласки, и часто мститъ безсознательно, самимъ своимъ существованіемъ, такъ какъ разлагаетъ совѣтскіе законы, нарушаетъ установленный укладъ жизни, сохраняетъ въ своей средѣ вся и всѣхъ, возстающихъ противъ совѣтской власти.

У меня коммунисты разстрѣляли отца. Мать и тетка погибли отъ голода. Маленькимъ хлопчикомъ выбросили меня на улицу. Кто-то сунулъ мнѣ кусокъ хлѣба. Гдѣ-то я самъ попросилъ воды. Какой то мальчишка отвелъ меня подъ мостъ на ночевку; потомъ я попалъ въ ватагу такихъ же бездомныхъ дѣтей, которые научили меня просить милостыню, пробираться въ поѣзда и ѣздить безбилетнымъ пассажиромъ, воровать, участвовать въ тайной слѣжкѣ за нашими врагами, а также вѣрности до гроба своему товариществу; никакіе побои въ совѣтской милиціи не могли заставить меня выдать мальчишку или дѣвчонку, такъ какъ я въ тяжелыя минуты душевной слабости всегда вспоминалъ блестящій ножъ нашего старшого и брызнувшую кровь изъ груди предавшаго какъ-то разъ нашу ватагу урки. Мы страхомъ смерти были связаны другъ съ другомъ до смерти. У насъ не было словъ угрозы, а только ножъ въ ребра!

Жизнь была тяжела. Хотъ мы и приучились стойко переносить голодъ, но часто по ночамъ корчились отъ голодныхъ спазмъ въ животѣ; морозъ, пронизывающій вѣтеръ, заставляли насъ дрожать мел-

кой дрожью, прижиматься другъ къ другу; часто происходили драки съ тѣми, которые хотѣли долго оставаться въ теплой серединѣ.

Одѣтые въ какую то рвань, вѣчно мокрые, смрадные (мылись мы только лѣтомъ), — мы представляли для совѣтской власти вѣчный упрекъ своимъ ужаснымъ видомъ. Мы красноречиво опровергали крики совѣтской власти о «заботѣ о человѣкѣ»; насъ поэтому сажали въ тюрьмы; устроили лагеря, но мы вырывались, какъ звѣрьки, кусали своими зубами руки державшихъ насъ, убѣгали и, часто искалѣченные, возвращались въ свои тайники.

Только особое здоровье дало мнѣ возможность выжить. Теперь нѣтъ такихъ испытанiй, которыхъ не выдержало бы мое тѣло: я закалялся на дальнемъ сѣверѣ, на Соловкахъ, на Колымѣ, поджаривался въ Туркестанѣ, въ песчаной Голодной степи; недѣлями ѣлъ только мохъ, древесную кору съ грибами, набивалъ себѣ оскомину клюквой. Я на дѣлѣ убѣдился въ справедливости народной присказки, что «батькина кожа крѣпче другихъ», когда босикомъ переправлялся черезъ горные каменные увалы Урала и Кавказа.

Я силенъ тѣломъ, но не могу пока одержать побѣды надъ своимъ духомъ... Немощенъ я, — и жду отъ васъ братской духовной помощи.

Иванъ остановился и испытующе на насъ взглянулъ, словно провѣряя возможность получить отъ насъ помощь, а затѣмъ продолжалъ свой разсказъ.

— Когда я окрѣпъ, подросъ, меня потянуло къ честной, трудовой жизни; мнѣ мучительно захотѣлось имѣть цѣльные ботинки и хоть разъ въ жизни натянуть на ноги чулки.

Такъ какъ я не зналъ грамоту и никакого ремесла, то пришлось поступить на фабрику чернорабочимъ. Благодаря своей почти звѣриной способности быстро охватывать окружающее, я скоро приспособился и сталъ работать на машинахъ.

На фабрикѣ всѣ ко мнѣ привыкли, перестали щипать за мои вѣчно нечесанные вихры, а мастеръ даже нѣсколько разъ водилъ меня къ себѣ въ домъ, гдѣ я чувствовалъ себя близкимъ, кровнымъ, а не «приблуднымъ сиротой». Вообще, своей жизнью я сталъ доволенъ и думалъ уже поступить въ вечернюю школу, какъ надо мной разразился тяжкiй ударъ: какой то знакомый моихъ родителей призналъ меня, сообщилъ въ контору, что я сынъ разстрѣляннаго. Меня арестовали за сокрытiе правды о своемъ происхожденiи и приговорили въ соловецкiй концентрацiонный лагерь. Избитый совѣтскими палачами, глубоко-возмущенный выдачей, я былъ искренно удовлетворенъ, когда въ пути на Соловки узналъ отъ своихъ «урокъ», что моя ватага за меня отомстила — сожгла и разграбила квартиру доносчика. «По дѣломъ подлецу! пусть больше не наушничаетъ совѣтской власти! А мои-то малыши, — рискнули постоять за правду!»

Я-то зналъ, что милицейскіе фараона побѣгутъ ловить братву. Какъ злобно станутъ они вымѣщать свою злость на тѣльцѣ пойманнаго Ванютки или Катюшки!.. Тогда впервые сталъ я усердно и настойчиво просить Бога, защитника малыхъ, — помочь скрыться нашей ватажкѣ, чтобъ за меня не мучили ребятъ.

Меня никто не училъ молиться, но я какъ-то самъ собой сталъ смотрѣть вверхъ, а также поглядывалъ на «батюшку», который сегодня такъ интересно разсказывалъ про добраго Отца, живущаго на небесахъ. Да и «батюшка» показался мнѣ симпатичнымъ и не похожимъ на другихъ людей. Когда къ его разсказу о Богѣ начали прислушиваться, а потомъ сгрудились около него, пришелъ вахтеръ, грубо толкнулъ «батюшку» въ плечо, выругалъ, чтобъ тотъ не распространялъ «опіумъ» въ народѣ, — тотъ не выругался, въ глазахъ его я не замѣтилъ огонька сдерживаемаго бѣшенства, а, наоборотъ, я почувствовалъ въ немъ жалость къ оскорбившему его человѣку. Мнѣ стало жаль бѣднаго старичка, хотѣлось за него вступиться и я крикнулъ въ догонку вахтеру ругательную кличку.

Конечно, всѣ высылаемые на Соловки должны были заполнить въ пути анкету, — разсказать остальнымъ, кто они, за что высылаются, кто виноватъ въ ихъ несчастіи... Я подошелъ ближе, когда разсказывалъ про себя батюшка, и узналъ, что онъ, священникъ Витебской губерніи Павелъ Сивицкій, осужденъ со всей семьей на высылку за невзносъ церковнаго налога. Теперь везутъ его въ заточеніе въ Соловки. Спокойно разсказалъ онъ свою исторію и только тогда взволновался, когда говорилъ про свою «матушку»: «старушка она, — не переживетъ такой тяжелой дороги». Никого не винилъ въ своей судьбѣ отецъ Павелъ, а только сказалъ: «на все воля Божія», и спокойно сталъ сосать черствую корочку чернаго хлѣба; это замѣтилъ нашъ урка «Крючекъ»: вырвалъ изъ руки старика корочку и отпрянулъ назадъ, боясь получить ударъ отъ обиженнаго; но батюшка не только не ударилъ мальченку, но порылся въ своемъ мѣшкѣ, вынулъ оттуда кусокъ хлѣба и протянулъ Крючку; тотъ сначала не могъ понять, что это значитъ, а потомъ схватилъ хлѣбъ, нѣсколько разъ откусилъ отъ него, остановился, застѣнчиво посмотрѣлъ на батюшку и нерѣшительно протянулъ обратно, но, когда тотъ не взялъ, то быстро положилъ его на батюшкинъ мѣшокъ, а самъ спрятался въ уголъ за вещи.

Эта исторія съ хлѣбомъ возбудила къ отцу Павлу общую симпатію, всѣ старались ему услужить, дѣлились съ нимъ послѣднимъ кусочкомъ хлѣба и каплей воды...

Тянулся нашъ поѣздъ нудно долго. Всѣ приуныли, сильно голодали, кутались въ свою одежонку. Часто просили отца Павла разсказать о христіанствѣ; всѣ искренно изумлялись, что батюшка поучалъ помогать ближнему, врагу прощать, заботиться не только о хлѣ-

бѣ насущномъ, любить всѣхъ и вся, а распорядителемъ надъ всѣми нами является Богъ, нашъ заступникъ и судія.

Теперь вахтеръ не разгонялъ слушателей, а часто самъ останавливался, слушалъ и глубоко вздыхалъ.

«Пути Господа неисповѣдимы», говорилъ отецъ Павелъ: «вотъ посмотрите, — меня лишили сана, семьи, имущества, нищимъ иду я въ міръ; но, исполняя завѣты Божіи, я исполняю Его волю, — совершилось чудо: вы изъ моихъ враговъ сдѣлались моими друзьями», добавилъ батюшка, гладя худенькое тѣло прильнувшаго къ нему Крючка.

Когда, въ концѣ концовъ, мы всходили на берегъ Соловковъ, то всѣмъ своимъ существомъ осознавали, что «безъ воли Божіей и волосъ съ головы не упадетъ», почему были спокойны, когда выслушали издѣвательства мальчишки-коменданта, подчеркнувшаго, что все зависитъ отъ него, такъ какъ здѣсь на островѣ законы не совѣтскіе, а соловецкіе, и что жаловаться на него можно только его же пальцу.

Много крови я видѣлъ на этомъ святомъ островѣ; заунывные, ужасные стоны замерзавшихъ въ полуразрушенномъ храмѣ людей еще и теперь въ ночную пору звучатъ въ моихъ ушахъ; часто передъ моими глазами проносятся занесенные снѣжной пургой штабеля изъ тѣлъ узниковъ.

Всѣмъ было тяжело, но особенно людямъ старшаго возраста; отецъ Павелъ таялъ на нашихъ глазахъ; только внутренняя сила давала ему возможность выполнять работу въ лѣсу. Урки, эта страшная дикая сила, съ которой даже НКВ-дисты старались жить въ дружбѣ, помогали батюшкѣ, чѣмъ только могли и часто просили помолиться за нихъ. Я помню, какой былъ взрывъ жалости по усопшемъ, какая злость и ненависть къ начальству, «замучившему добраго старичка». «Что онъ вамъ сдѣлалъ», кричала наша братва и при этомъ такъ сквернословила, что даже привычные къ ругани урки старались сначала сами удержаться, а потомъ стали удерживать и другихъ. У многихъ въ головѣ пронеслось доброе лицо никогда не сказавшаго плохого слова батюшки. Всѣ стихли и, въ видѣ протеста, по христіански похоронили батюшку, опустивъ тѣло въ могилу и поставивъ надъ нимъ крестъ.

Отецъ Павелъ ушелъ отъ насъ, но переданныя имъ Божьи слова запали намъ въ душу такъ, что, когда я вышелъ изъ Соловковъ на волю, то сталъ посѣщать православную катакомбную церковь.

Въ срединѣ двадцатыхъ годовъ еще кое-гдѣ по городамъ и укромнымъ селамъ существовали церкви, но безбожная совѣтская власть старалась всеми силами ихъ уничтожить; по всѣмъ селеніямъ устраивались организаціи безбожниковъ, во время богослуженій старались спровоцировать столкновенія между прихожанами, на священниковъ регулярно дѣлались доносы и сыпались обвиненія въ различныхъ

преступленіяхъ, всѣхъ вѣрующихъ заносили въ особые списки и ихъ старались выслать подальше. Обычнымъ явленіемъ было устройство шествій безбожниковъ во время Пасхальной Заутрени, когда въ церковь врывалась толпа переодѣтыхъ чертями, срывали съ священника ризы, кривляясь, переодѣвалась въ нихъ и, прерывая Богослуженіе, распѣвала богохульныя пѣсни. Такія дѣйствія вызывали отпоръ со стороны молящихся, цѣлыя религіозныя возстанія, а тамъ пріѣзжало НКВД, аресты, разстрѣлы, высылки, закрытіе церкви, превращеніе ее въ склады для зерна или разборъ ея стѣнъ на устройства тротуаровъ. Священниковъ запугивали не только на словахъ, но старались умучить; въ 1921 году священника села Бочкурина, Кіевской губерніи, связаннаго колючей проволокой, тащили болѣе двухъ верстъ къ рѣкѣ, отрубили голову и бросили въ прорубь; въ одной только Орловской тюрьмѣ въ тѣ-же годы перебывало болѣе 600 священнослужителей. Особенно прогремѣло дѣло съ провокаціей 1923 года.

Чудовищную провокацію создали большевики въ 1923 году въ Каменецъ-Подольской губерніи.

Тамъ, въ такъ называемой «Сахатовой долинѣ» существовалъ старинный монастырь, куда въ лѣтнюю пору собирались тысячи православныхъ помолиться Святому Угоднику; когда началось гоненіе на церковь, жизнь стала тяжелѣй и люди стали искать защиты у Бога, около монастыря вѣчно толпился народъ, что, конечно, вызывало безпокойство у чекистовъ. Чтобъ положить конецъ этому, была придумана діавольская провокація: во время богослуженія красноармеецъ выстрѣлилъ изъ винтовки въ висѣвшее надъ воротами распятіе Христа, а другой помазалъ красной краской то мѣсто груди, куда вошла пуля, и сейчасъ же распустили слухъ о происшедшемъ, будто, чудѣ. Народъ всколыхнулся, богомольцы хлынули къ монастырю, ихъ окружили чекисты и изъ пулеметовъ обстрѣляли; сотни, тысячи православныхъ гибли около монастырскихъ стѣнъ и только немногимъ удалось спастись отъ бойни. Въ томъ числѣ спасся отецъ Викторъ Письмачевскій изъ города Воронежа. Глубокій старикъ, съ серебряными волосами и бородой, съ добрыми голубыми глазами, сильно хромавшій отъ полученной чекистской пули въ ногу, съ мѣшкомъ полнымъ всякой трухи за плечами, — онъ въ теченіе десятка лѣтъ бродяжилъ съ нами. Благодаря ему мы научились помогать старикамъ, никогда не воровали, если удавалось честно заработать себѣ пропитаніе; наши ребятишки его боготворили, такъ какъ онъ дѣлился съ ними послѣднимъ кускомъ хлѣба и не позволялъ ихъ обижать. Лѣтомъ мы, обыкновенно, пробирались по Украйнѣ, а зимой перекочевывали на Закавказье. Конечно, приходилось пользоваться желѣзными дорогами, а, такъ какъ у насъ не было денегъ на билетъ, то приходилось по-тихоньку пробираться въ вагоны и катить безби-

летными пассажирами. Когда кондуктора насъ ловили, то вели въ желѣзнодорожное отдѣленіе Ч. К., гдѣ, послѣ допроса, насъ отправляли по тюрьмамъ и лагерямъ. Внѣшняя-ли почтенная наружность отца Виктора или же исходившее отъ него благожелательное отношеніе къ окружающимъ, но только его почти никогда не задерживали; въ очень рѣдкихъ случаяхъ, когда онъ попадалъ въ руки особо жестокихъ чекистовъ, онъ дѣлалъ видъ, что ищетъ билетъ въ своемъ безконечномъ мѣшкѣ, а когда и это не надоѣдало, то онъ употреблялъ послѣднее средство, — высыпалъ на полъ содержимое мѣшка, такъ что камни съ грохотомъ сыпались на полъ, пыль столбомъ подымалась кверху, чекисты кашляли и прогоняли его вонъ изъ бюро, а онъ своей ковыляющей походкой шелъ въ оставленный вагонъ и шепталъ молитву, чтобъ Господь Богъ простилъ ему его обманъ.

Бодрой старческой походкой шелъ онъ съ нами по матушкѣ Руси, никогда не порицалъ насъ словомъ, а своимъ примѣромъ наставлялъ насъ на путь добра. Къ вечеру мы всегда старались подойти къ берегу рѣчки, помогали рыбакамъ въ ловлѣ рыбы, чтобъ на ночь честно заработать уху или, какъ говаривалъ отецъ Викторъ, «апостольской ѣды». Босой, вѣчно устремленный ввысь, безконечно добрый, — онъ намъ самъ казался апостоломъ, проповѣдникомъ божественной истины. До знакомства съ отцемъ Викторомъ у насъ постоянно царило право сильнаго, а пребываніе его съ нами сдѣлало насъ братьями, гдѣ каждый старался не для себя, а для всѣхъ. До него у насъ всегда разсказывалась и всѣми признавалась правильной слѣдующая сказочка: по дорогѣ шли голодные лиса, волкъ и медвѣдь и нашли окорокъ; всѣмъ, конечно, хотѣлось его съѣсть, но на всѣхъ его не хватило бы; тогда лиса, какъ самая хитрая, предложила ѣсть по очереди, — кто первый найдетъ, тотъ его и съѣстъ, а, такъ какъ она бѣжала впереди, то ей и надлежитъ найденный окорокъ съѣсть первой; а слѣдующій пусть ѣстъ тотъ, кто раньше найдетъ. Волкъ на это не согласился и предложилъ съѣсть тому, кто изъ нихъ всѣхъ старше; пришлось и лисицѣ на такое предложеніе согласиться; она сейчасъ же придумала, что сказать, такъ что, когда волкъ сказалъ, что «еще не былъ свѣтъ, а онъ ужъ былъ сѣдъ», то лисица быстро отвѣтила: — «еще не было Адама, а я была уже дама»; медвѣдь же, видя, что ему не придумать ничего лучшаго, просто разрѣшилъ вопросъ, — далъ, пользуясь своей силой, пинка волку и лисѣ, забралъ окорокъ и съѣлъ его.

Такъ у насъ раньше до знакомства съ отцомъ Викторомъ, и поступали: кто былъ сильнѣй, тотъ все и забиралъ.

Такъ воздѣйствовалъ своею личностью отецъ Викторъ на насъ, на безпардонную голытьбу. Но часто мы были свидѣтелями того, какъ подъ его вліяніемъ пересоздавалась совѣтская интеллигенція. Когда инсценировались совѣтской властью различные заговоры, вредительства вродѣ Рамзинскаго или Тухачевскаго, то часть интеллигенціи,

спасаясь отъ процессовъ, уничтожала свои личные документы, перекочевывала за тысячи километровъ отъ мѣста своего постояннаго жительства, наряжалась въ разное тряпье, обрастала волосами и, въ видѣ такихъ оборванцевъ, прибивалась къ нашимъ ватагамъ. Не было случая, чтобъ ихъ не приняли или выдали милиціи; у насъ было неписанное правило, что «кто противъ совѣтской власти, тотъ съ нами», почему, когда къ намъ присоединялся такой новичекъ-интеллигентъ, мы не заставляли его «заполнять анкету», т. е. разсказывать о себѣ, а только подсмѣивались надъ его выраженіями и неумѣніемъ приспособиться къ новой дикой жизни. Первое время новички кипѣли ненавистью къ совѣтамъ, съ увлеченіемъ строили планы, какъ бы лучше уничтожить, умучить совѣтскаго комиссара, или просто совѣтскаго служащаго, а потомъ, подъ вліяніемъ словъ проповѣдника любви отца Виктора, что совѣтская власть ниспослана въ наказаніе русскому народу за его великіе грѣхи: за его маловѣріе, за выдачу церквей и монастырей на поруганіе, за равнодушіе къ судьбѣ своего помазаника Божія — царя и его царственной семьи, — начинали создавать новыя идеи сожительства людей на основѣ «симбіоза», а не на ненависти, не на борьбѣ классовъ, Особенно распространилась теорія профессора-экономиста Ивана Кошкина, который считалъ, что не всякій капиталъ вреденъ обществу, а только тотъ, который лежитъ подъ спудомъ, въ разныхъ банкахъ, въ видѣ валюты, которую банкиры выдаютъ за большіе проценты, тормозя этимъ созданіе здоровой промышленности и обезпечивая только для себя сытую жизнь. Онъ предлагалъ установить законъ, по которому бы деньги, банкноты отдѣльнаго лица, теряли одну десятую часть своей стоимости въ теченіе года, а черезъ десять лѣтъ, такимъ образомъ, вообще ничего не стоили бы. Другими словами, каждый, имѣющій деньги, пересталъ бы хранить ихъ въ банкахъ, а пустилъ бы въ дѣло: покупалъ и строилъ фабрики и заводы, платилъ своимъ служащимъ хорошее жалованіе, такъ какъ зналъ, что чрезмѣрная прибыль не принесетъ ему никакихъ лишнихъ личныхъ благъ, ибо «однимъ животомъ семь обѣдовъ не съѣшь», а, наоборотъ, заставитъ его больше работать, сдѣлаетъ его рабомъ своихъ же денегъ. Для примѣра, положимъ, что кто-то получилъ въ теченіе мѣсяца чистую прибыль въ 1000 рублей и, если онъ не хочетъ ихъ потерять, то долженъ на нихъ пріобрѣсти какое-то имущество, скажемъ, фабрику по изготовленію сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій; нормально думать, что, пріобрѣтя фабрику, никто не захочетъ ее закрыть, чтобы не заржавѣли и не испортились машины, а пуститъ ее полнымъ ходомъ, но учитывая нежелательность получать большую прибыль, иначе опять излишняя окажется валюта — предоставляетъ своимъ рабочимъ надлежащую, не эксплуататорскую, оплату труда, снижаетъ цѣны на получніе издѣлія и добивается только полученія такого дохода, что-

бы онъ могъ жить въ полномъ довольствѣ, не отказывая себѣ ни въ чемъ и не затрудняя себя чрезмѣрно работой.

Что же тогда получается: — дешевыя сельско-хозяйственныя машины будутъ легко пріобрѣтены землеробами, въ сельскомъ хозяйствѣ улучшится обработка земли, повысится урожай, получится избытокъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, продажная цѣна ихъ тоже будетъ не высока, такъ какъ иначе землеробъ будетъ имѣть излишнюю валюту: достаточность питанія для населенія будетъ полностью обезпечена, покупная способность возрастетъ, такъ что каждый сможетъ обставить свою жизнь съ извѣстнымъ комфортомъ; за матеріальнымъ довольствомъ послѣдуетъ стремленіе къ духовному совершенству, произойдетъ расцвѣтъ искусствъ, литературы, люди почувствуютъ себя счастливыми, — и это произойдетъ безъ ненависти, безъ крови, безъ мученій; наоборотъ, люди будутъ цѣнить другъ друга, съ любовью отмѣчать успѣхи каждаго, такъ какъ работа приноситъ довольство всѣмъ. Единственно, кто будетъ неудовлетворенъ, — такъ это держатели цѣнностей, тѣ, кто захватилъ въ свои руки міровой золотой запасъ и кто этимъ запасомъ распоряжается, какъ это дѣлаютъ тоталитарныя государства съ золотой валютой.

Нашей полуграмотной ватажкѣ, конечно, не подъ силу было разобраться въ профессорскомъ предложеніи, и всѣ стали ждать, что скажетъ отецъ Викторъ, — признаетъ ли онъ, что, дѣйствительно, на землѣ засіяетъ благодать, наступитъ райская жизнь, или это только одинъ обманъ, какъ всѣ большевицкіе посулы и обѣщанія. Отецъ Викторъ долго молчалъ, не высказывался, пока, какъ-то, на вечерней зарѣ, когда мы сидѣли на берегу тихаго Донца и думами переносились въ далекое дѣтство, вспоминали отчій домъ, материнскую ласку, — профессоръ спросилъ отца Виктора, что онъ думаетъ объ его проектѣ. У старика глаза молодо заблестѣли, онъ всталъ передъ профессоромъ и, смотря ему прямо въ глаза, сказалъ: «Иванъ, ты русскій человѣкъ, тебѣ многое отъ Бога отпущено, но ты слабъ душой, — ни въ чемъ мѣры не знаешь, ни въ добрѣ, ни во злѣ, ни въ чемъ ты предѣла не имѣешь; ты жаждешь самъ и хочешь на Руси устроить рай земной; а ты знаешь, что, ежели, люди попытаются его сотворить на землѣ, то онъ адомъ обернется, станутъ искать рай и своими же руками адъ сотворятъ; мы — великій, но грѣшный народъ, полный страстей, легкій на грѣховный соблазнъ; за время совѣтской власти умирать мы научились, а, вотъ, жить еще не научились, и поймемъ Жизнь только тогда, когда каждый почувствуетъ въ душѣ своей Правду, когда завѣты Христа станутъ для насъ понятными и легкими.

«Горе, страданіе насъ многому научило: тотъ, кто живетъ и пережилъ предсмертный часъ передъ разстрѣломъ, тотъ вѣритъ въ вѣчную загробную жизнь; тотъ, кто прошелъ подвалы и застѣнки, тотъ видѣлъ слабыхъ тѣломъ, но крѣпкихъ духомъ, — тотъ полностью осозналъ, что духъ сильнѣе, крѣпче тѣла, — духъ командуетъ тѣломъ,

а не тѣло духомъ; мучимые, умученные, мы уже подходимъ къ жизни духовной, а, если мы ее обрѣтемъ, то только тогда въ своихъ душахъ мы войдемъ въ рай, и этотъ рай земной будетъ внутри насъ.

«Но ты, Иванъ, хочешь черезъ матеріальное благополучіе добиться земного рая, — ты его не достигнешь, но путь къ своему «раю» ты указываешь не черезъ ненависть человѣка къ человѣку, не черезъ кровь и убійство инакомыслящихъ, а только черезъ пониманіе общей пользы и выгоды для людей жить по твоему способу; ты хочешь черезъ добро людямъ сдѣлать добро, поэтому Богъ да благословитъ твое начинаніе и да поможетъ тебѣ въ людскихъ сердцахъ найти скорый откликъ на твои добрыя мысли, чтобъ хоть временно облегчить жизнь нашего многострадальнаго русскаго народа.»

Когда онъ кончилъ, профессоръ, матеріалистъ-экономистъ, взялъ руку отца Виктора, положилъ ее себѣ на голову, какъ будто этимъ хотѣлъ низвести на себя великое сердце и умъ старца, а потомъ, можетъ быть, въ первый разъ въ своей сознательной жизни, широко перекрестился...

Отецъ Викторъ былъ не одинственнымъ проповѣдникомъ любви среди насъ. Когда началась коллективизація деревни, милліоны крестьянъ двинулись въ путь по матушкѣ Руси; часть изъ нихъ по приговорамъ НКВД, какъ противниковъ колхозовъ, а часть сама уходила отъ этого новаго ярма, въ тысячи разъ болѣе тяжелаго, чѣмъ старинная барщина. Со своей паствой пошли и уцѣлѣвшіе священники; полуголые, босые брели они съ народомъ на дальній сѣверъ, на знойный югъ, и часто на своей груди скрытно хранили Антиминсъ, если его удавалось добыть изъ алтаря поруганной церкви. Стойко переносили они дорожныя лишенія, вѣра въ Бога подкрѣпляла ихъ, давала имъ силы помогать другимъ; даже маловѣры проникались къ нимъ уваженіемъ, а люди вѣрующіе настолько укрѣплялись духомъ, что, презирая земные мученія, не боясь НКВД-истскихъ пытокъ, открыто рѣзали комиссарамъ правду-матку, и народъ ихъ настолько поддерживалъ, что совѣтская власть никогда не рѣшалась ихъ арестовывать, боясь этимъ вызвать открытое возстаніе.

Эти выступленія потомъ устно передавались по всей странѣ, и этимъ укрѣплялось сопротивленіе сатанинской власти.

Правду говорили коммунистамъ тѣ, кто глубоко вѣрили въ жизнь «будущаго вѣка» и считали земную жизнь временной. Поэтому совѣтская власть и старалась прежде всего уничтожить церковь, которая могла объединить около себя наиболѣе здоровую, крѣпкую часть русскаго народа и дать отпоръ сатанизму; въ своей борьбѣ съ церковностью совѣтская власть часто шла извилистыми путями: когда на костяхъ и крови русскаго народа комиссары строили московское метро, которымъ они такъ часто хвастаются, то почти всегда шахту, по которой подымали выкопанную землю, прокладывали

подъ церквями, чтобы потомъ, какъ будто по необходимости, разрушить ихъ.

Съ 1928 года совѣтская власть, не прикрываясь лозунгами «терпимости», открыто стала ликвидировать церкви и монастыри; почти всѣ монахи были умучены, и только нѣсколькимъ удалось спастись и продолжать на землѣ служить Господу Богу, проповѣдуя Его среди русскаго народа. НКВД довольно легко вылавливало ихъ, такъ какъ на допросахъ монахи, не желая осквернять себя ложью, молчали; вѣрующіе среди насъ рѣшили имъ помочь, — сдѣлали налетъ на Бакинское паспортное отдѣленіе, захватили тамъ нѣсколько мѣшковъ чистыхъ паспортныхъ бланковъ, груду печатей, устроили въ пещерѣ свое паспортное бюро и почти два года снабжали документами утеклецовъ отъ совѣтской власти.

Многіе монахи даже и отъ такой помощи отказывались и уходили въ лѣсныя и горныя дебри, гдѣ не было совѣтской власти.

Много за послѣдніе восемь лѣтъ было пролито крови моей и моихъ враговъ; много вынесъ я самъ страданій, но также много заставилъ страдать и своихъ враговъ, — «за око — два ока, за зубъ — цѣлую челюсть», вотъ что я думалъ, вотъ что я дѣлалъ!

А теперь, когда озвѣрѣніе прошло, я сталъ задумываться: только ли кровью можно побѣдить зло? Я защищалъ свою жизнь, жизнь своихъ ребятъ, но часто я просто мстилъ. А могъ ли мстить, кто далъ мнѣ это право?

Не разберусь я! Это выше моего пониманія!

Помогите мнѣ, — разъясните мнѣ!»

Мы переглянулись, хотѣли ему отвѣтить, но одинъ изъ насъ, тоже недавній совѣтскій человѣкъ, сказалъ: «Иди къ нашему монаху-игумену; онъ тебѣ поможетъ, какъ помогъ мнѣ, когда я тоже мучился въ своихъ сомнѣніяхъ, разбирался въ своихъ грѣхахъ».

Это было сказано съ такой увѣренностью, съ такой теплотой въ голосѣ, что Иванъ просвѣтлѣлъ, пожалъ говорившему руку, кивнулъ намъ и пошелъ съ холма внизъ къ бѣженскимъ баракамъ.

Мы еще долго сидѣли, молчали и въ своихъ душахъ судили, осуждали и оправдывали заблудившагося человѣка...

Черезъ нѣсколько дней мы грузились, отправляясь на работу, на новую жизнь въ глубь страны, и видѣли, какъ на небольшомъ пароходикѣ проѣхалъ нашъ Иванъ; его лицо было спокойно, умиротворено, — онъ получилъ полный отвѣтъ на свои сомнѣнія, и теперь шелъ въ жизнь твердымъ, крѣпкимъ, душой и тѣломъ, чтобъ строить свободную, человѣческую жизнь. И шелъ онъ по стопамъ Христа.

N. N.

Послѣдняя молитва въ Смоленскомъ Соборѣ*).

Безконечно красиво на высокихъ горахъ по обѣ стороны Днѣпра расположился древній городъ. Болѣе тысячи лѣтъ насчитываетъ онъ своей исторической жизни. Его славное имя, до сихъ поръ неясное по своему происхожденію, тѣсно связано со всѣми великими событіями, знаменовавшими крутые и рѣшительные повороты русской исторіи (основаніе русскаго государства, удѣльныя усобицы, татарщина, войны съ Литвой и съ Польшей, смутное время, война съ Наполеономъ). И во всѣхъ этихъ событіяхъ онъ и его населеніе всегда играли страдательную роль жертвы. Сколько разъ разоряли его враги. Сколько разъ пожиралъ его огонь войны. Сколько разъ покрывалъ его пепелъ. Жители его расходились, и пустѣли высокія горы по обоимъ берегамъ древней русской рѣки. Но онъ, какъ древняя сказочная птица Фениксъ, погибалъ въ огнѣ за тѣмъ, чтобы возродиться изъ пепла еще болѣе красивымъ, какъ бы олицетворяя своимъ возрожденіемъ непреоборимую жизнеспособность, упорство и силу русской націи.

И вотъ насталъ день — 19 сентября 1943 года. Мы уже всѣ знаемъ, что этому древнему городу, возбуждающему такую искреннюю любовь и почтеніе, какъ своихъ, такъ и чужихъ, предстоитъ новое великое и горькое испытаніе, а его жителямъ — тяжелая и бездольная разлука со своимъ любимымъ городомъ.

Для каждаго его жителя олицетвореніемъ и какъ бы символомъ своего города является огромный пятиглавый храмъ, величественно возвышающійся надъ всѣмъ городомъ на одной изъ прибрежныхъ къ Днѣпру горъ. Гора эта, конической формы, имѣла на вершинѣ своей небольшую площадку подъ соборомъ и крутые склоны, что давало возможность со всѣхъ сторонъ любоваться соборомъ. Каждый житель, покидая городъ, считалъ своимъ долгомъ кинуть прощальный взоръ, а вѣрующій и горячо помолиться на любимый храмъ.

Задержавшись почти до вечера 20 сентября въ оставляемомъ городѣ, я долженъ былъ взять изъ собора нѣкоторыя забытыя принадлежности архіерейскаго богослуженія. Одновременно мнѣ хотѣлось еще разъ проститься съ любимымъ соборомъ, съ которымъ такъ тѣсно были связаны послѣдніе полтора года моей жизни и общественной дѣятельности. Много было затрачено за эти полтора года силъ, нервовъ и настойчивости въ борьбѣ со зломъ, за возстановленіе и укрѣпленіе организаціи Церкви. Въ этой борьбѣ необыкновенная красота Смоленскаго собора всегда меня подкрѣпляла, служа какъ бы матеріальнымъ воплощеніемъ, величіемъ красоты русской православной Церкви. Поэтому разставаніе съ соборомъ имѣло для меня особенное значеніе.

Быстро шелъ я по опустѣлымъ улицамъ города. Жителей уже

---

*) Это умилительное прощаніе съ Россіей обнаружено въ бумагахъ приснопамятнаго священника А. Колесникова.

почти не было видно и только изрѣдка встрѣчались нѣмецкіе солдаты. Быстро взошелъ я по многоступенчатой широкой каменной лѣстницѣ, ведшей въ гору къ собору, отперъ первую рѣшетчатую, а затѣмъ вторую, массивную желѣзную дверь, тщательно затворилъ за собою и вошелъ въ соборъ. Мои шаги по чугуннымъ плитамъ пола гулко звучали въ огромномъ пустомъ храмѣ. Мое одиночество дѣйствовало на меня угнетающе. Но чудная красота храма и сейчасъ, какъ всегда, захватила мои чувства. Поочередно переводилъ я свой взоръ съ огромныхъ, и въ то же время такихъ изящныхъ, расписанныхъ нѣжными красками, колоннъ, на огромный рѣзной золоченый иконостасъ, на безпредѣльный объемъ храма, на знамена русской арміи 1812 года. Все въ этомъ храмѣ, и прежде всего самъ онъ, своей грандіозностью и своей красотой всѣхъ своихъ частей, все говорило о былой русской мощи, о созидательномъ геніи русскаго народа, о величіи и красотѣ русской вѣры. Я всталъ на колѣни передъ иконами рѣзного золоченаго иконостаса — чудо строительнаго русскаго искусства XVII вѣка — и до земли поклонился великому прошлому своего народа.

А будущее?.. Что я зналъ о будущемъ, кромѣ того, что огонь пожретъ завтра этотъ городъ! Все остальное было закрыто и наполнено, съ точки зрѣнія человѣческаго пониманія, пустотой печальныхъ перспективъ. Поэтому, что мнѣ оставалось дѣлать другого, какъ предать будущее русскаго народа, нашего русскаго дѣла и свою личную судьбу благому промыслу Божію и заступничеству Пресвятой Богородицы. Вотъ передо мною и знаменитая икона Смоленской Божіей Матери Одигитріи (Путеводительницы), передъ которой въ такой же страшный и грозный часъ для будущаго Россіи молились въ 1812 году на Бородинскомъ полѣ наканунѣ битвы мои предки. Послѣ своей молитвы они остались побѣдителями и спасли Россію. А мы, жалкіе потомки ихъ, уже 26 лѣтъ терпимъ одни пораженія и несемъ на себѣ гнѣвъ Божій. Просительно и смиренно, опустившись на колѣни, помолился я передъ исторической русской Святыней о спасеніи Россіи. Мой духъ былъ въ тревогѣ и смятеніи, но небесно-спокоенъ и промыслительно-твердъ былъ ликъ Пресвятой Дѣвы, который какъ бы говорилъ мнѣ: Что ты, земля и пепелъ, мятешься и волнуешься; все будетъ такъ, какъ должно!

Я направился къ выходу. Затворивъ съ трудомъ колоссальныя желѣзныя двери собора, я опять съ тревогой невольно подумалъ: — что то съ тобою будетъ? Но дверь съ сильнымъ звукомъ затворилась, и въ глухомъ грохотѣ чугуна мнѣ послышался отвѣтъ: Не сокрушусь!

Медленно сходилъ я въ послѣдній разъ по каменной лѣстницѣ съ соборной горы города Смоленска. Ноги не шли. Горло невыносимо давили судороги невыпускаемыхъ наружу рыданій, а изъ глазъ обильно капали слезы...

Кругомъ было безлюдно... Прощай, милый городъ!..

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ:

«ПРАВОСЛАВНАЯ РУСЬ»

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ: 1-го и 15-го каждаго мѣсяца по ст. ст. Задача его блюсти завѣты Святой Руси и въ свѣтѣ ихъ: 1) освѣдомлять о важнѣйшихъ общихъ событіяхъ церковной жизни и оцѣнивать ихъ; 2) освѣдомлять о текущей церковной жизни, разбросанныхъ по всему свѣту церковно-организованныхъ единомышленныхъ русскихъ людей; 3) сосредотачивать матеріалъ, рисующій положеніе вѣрныхъ Церкви русскихъ людей, томившихся и томящихся подъ игомъ Совѣтской власти; 4) способствовать ознакомленію церковнаго народа съ основами Православной вѣры, какъ въ цѣляхъ болѣе углубленнаго познанія ея, такъ и въ огражденіе отъ уводящихъ отъ Истины вліяній; давать назидательное чтеніе, способное духовно скрасить досуги русскихъ православныхъ людей зарубежомъ.

Съ этой послѣдней цѣлью каждый мѣсяцъ выпускается еще особое приложеніе:

«ПРАВОСЛАВНАЯ ЖИЗНЬ»

Этотъ журналъ по преимуществу заполненъ матеріаломъ легко-читаемымъ, литературнымъ, въ доступной формѣ вводящимъ читателя въ существо «православной жизни», — какъ она отъ вѣка сложилась въ нашемъ отечествѣ и какъ должна блюстись и за рубежомъ. Особо назидательный святоотеческій) матеріалъ сосредотачивается въ отдѣлѣ подъ наименованіемъ «Училище благочестія». Особый отдѣлъ даетъ удобоусвояемое и назидательное чтеніе для подрастающаго поколѣнія.

Для людей, пользующихся уже языкомъ по преимуществу англійскимъ, издается особый органъ, выпускаемый каждые два мѣсяца:

«ORTHODOX LIFE»

Въ немъ подбирается матеріалъ, способный постепенно раскрывать все богатство Православія, въ частности русскаго, предъ глазами человѣка, или по забвенію русскаго языка уходящаго отъ церковной Истины, или напротивъ, впервые къ ней приближающагося и ищущаго о ней освѣдомленія. Неизмѣнно, изъ номера въ номеръ, воспроизводятся отрывки изъ благодатнаго дневника о. Іоанна Кронштадтскаго «Моя жизнь во Христѣ».

Помимо этихъ двухъ приложеній, однажды въ годъ выпускается большое приложеніе подъ наименованіемъ:

«ПРАВОСЛАВНЫЙ ПУТЬ»

Въ этомъ церковно-богословско-философскомъ сборникѣ помѣщается матерiалъ, дающiй болѣе углубленное понятiе о томъ главномъ, что сейчасъ на потребу каждаго русскаго человѣка, оказавшагося зарубежомъ: ЧТО ЕСТЬ ПРАВОСЛАВIЕ? Образы людей, ведущихъ къ нему насъ и въ своей жизни и дѣятельности раскрывающихъ его сущность; изъясненiе Истины, открываемой Православной Церковью, какъ въ догматической ея природѣ, такъ и въ общественныхъ ея проявленiяхъ; истолкованiе основныхъ проблемъ, ставимыхъ современностью; раскрытiе лживости соблазновъ, отводящихъ насъ отъ Истины; укрѣпленiе богословской культуры церковно мыслящаго русскаго зарубежья — все вообще то, что способно помочь не сбиваться съ Православнаго Пути, а все больше утверждаться на немъ, является предметомъ этого ежегодника.

Подписная плата на журналъ съ ежемѣсячнымъ литературнымъ приложенiемъ «Православная Жизнь» установлена въ суммѣ 6 долларовъ въ годъ. Желающiе получать англiйское приложенiе доплачиваютъ одинъ долларъ. Столько же доплачиваютъ тѣ, кто хотятъ получать и «Православный Путь». Такимъ образомъ, подписная плата годовая на «Православную Русь» со всѣми приложенiями составляетъ 8 долларовъ.

Лица, не состоящiя подписчиками «Православной Руси», могутъ подписываться отдѣльно на «Православную Жизнь», уплачивая 3 доллара въ годъ, и на "Orthodox Life" уплачивая 2 доллара.

Подписка на «Православную Русь» безъ литературнаго приложенiя «Православная Жизнь» не принимается.

Для странъ съ низкой валютой устанавливается удешевленная подписка: 4, 5 дол. на «Православную Русь» съ «Православной Жизнью» и 2 долл. на одну «Православную Жизнь».

Подписка принимается и на полгода, въ половинномъ размѣрѣ. Изъ Канады рекомендуется, ввиду разницы въ курсѣ, присылать деньги почтовыми money-order'ами.

ОГЛАВЛЕНІЕ.